Э. КАНДЕЗЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦ. **В. И. Писаревой.**

Изданія Ф. Павленкова для дѣтей и для юношества.

Дѣтскія изданія Ф. Павленкова.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СВЕРЧКА

Э. КАНДЕЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. И. Писаревой.

Съ 67 рисунками.

Цѣна въ бумажкѣ—2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обух. м., д. № 93.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русск. языкѣ. Съ прилож. церковно-славянской грамоты и 150 рис. Состав. *Т. Лубенецъ.* **Ц. 50 к.**

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для чтенія и письмен. упражненій въ старшемъ классѣ город. училищъ (5-й и 6-й годъ). **Цѣна за двѣ части въ одномъ томѣ 1 р.**

Руководство къ „Русскому слову“. *Его же.* Книга для учителей город. училищъ. **Цѣна 60 коп.**

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Руководство для дѣтей средняго возраста, редактированное д-мъ физики *О. Хвольсономъ.* Съ 96 рисунк. и 275 вопросами. **Цѣна 50 к.**

Черные богатыри. *Е. Конради.* Жизнь рудокоповъ на землѣ и подъ землей. Со множествомъ большихъ рисунковъ. **Ц. 2 р.** Въ пер. **—2 р. 75 к.**

Наглядная азбука. (Чтеніе и письмо по картинкамъ). *Ф. Павленкова.* Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по нагляд.-звуков. способу, съ **800 рисунками** и краткимъ наставленіемъ для учителя. 8-е изданіе. **Цѣна 20 к.**

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ“, или *подробное* наставленіе, какъ учить по «Наглядной азбукѣ», 6-е изданіе. **Цѣна 15 коп.**

Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 5-е изданіе, 32 страницы съ **200 рисунками** и наставленіемъ, какъ учить по этой азбукѣ. **Цѣна 5 к.**

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 7-е изд., 12 страницъ со **100 рисунками. Цѣна 1 коп.**

НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ:	Составилъ *Ф. Павленковъ.* **Ц. каждой книжки 8 к.**
1) **къ «Родн. слову»** Ушинскаго (400 рис.). 3-е изд.	
2) **къ «Азбукѣ Бунакова»** (460 рисун.). 2-е изд.	
3) **къ «Первой учебной книжкѣ»** Паульсона (430 р.)	
4) **къ «Русской азбукѣ»** Водовозова (470 рис.).	
5) **Общія нагляд.-звук. прописи** (къ др. азбукамъ 463 р.)	

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ*, 13-е изданіе, съ 227 рисунк. и портретами. **Цѣна 75 коп.**

О способахъ обученія въ семьѣ и школѣ. Составилъ *Н. Блиновъ.* 3-е значительно допол. изданіе со многими рис. въ текстѣ. **Цѣна 40 к.**

Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ. Состав. *баронъ Н. А. Корфъ.* **Ц. 50 к.**

Иллюстрированная хрестоматія *А. Тарнавскаго* для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ гимназій. (Съ 25 портрет. лучшихъ русскихъ писателей). 360 стран. *Третье*, дополн. изд. **Цѣна 1 р.**

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ Тургенева. **Цѣна 15 к.**

Курсъ русской грамматики. *В. Миропольскаго.* Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1885 г. **Ц. 1 р.**

Учебникъ Химіи. Въ объемѣ курса реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Альмедингенъ.* съ 96 рис. и 140 задачами. **Цѣна 2 р.**

Начальная русская грамматика. *Н Бучинскаго.* **Цѣна 30 коп.**

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима.* Перевелъ и дополнилъ *баронъ Н. А. Корфъ* **Цѣна 75 к.**

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *В. Иверсенъ.* Съ 43 рисунк. **Цѣна 80 к.**

Оглавленіе.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 130 рисунками *М. Малышева.* **Цѣна** каждаго тома—**1 р. 50 к.** Въ переплетѣ—**2 р.**

Хорошіе люди. Сборникъ разсказовъ для средняго и старшаго возрастовъ. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками художниковъ *В. Шпака* и *М. Малышева.* **Цѣна** въ красивой папкѣ **1 р. 50 к.** Въ перепл. **2 р.**

Изъ жизни и исторіи. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ *А. Арсеньева.* Съ рис. *И. Панова* и *В. Крюкова.* **Цѣна** въ папкѣ **1 р. 50 к.** въ переплетѣ **2 р**

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ для млад. и сред. возраста. *А. Нольде.* Съ 28 рис. **Ц.** въ папкѣ—**1 р.** Въ переп. **1 р. 30 к.**

Дѣтскій маскарадъ. Передѣлка съ англійскаго *Н. Азбелева.* Съ 16 рисун. **Ц. 20 к.**

Пчелка. Сборникъ стихотвореній, пословицъ и загадокъ съ 75 рис. Сост. *Н. Блиновъ.* **Ц. 25 к.**

Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* Для дѣтей средняго и старшаго возраста. **Цѣна 50 к.**

Жизнь Робинзона. Составилъ *Н. Блиновъ.* Спб. 1885 г. 2-е изданіе 362 стран. съ 125 картинками. **Ц. 1 р.** Въ папкѣ—**1 р. 25 к.** Въ переплетѣ **1 р. 50 к.**

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). **Цѣна 1 р.** Объясненіе къ нимъ **5 к.**

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Перев. съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 34 гравюр. и 20 портретами въ текстѣ. Спб. 1885 г. 2-е изд. **Ц. 2 р.**

Новѣйшіе русскіе писатели Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. Сост. *А. Цвѣтковъ.* Съ 27 портретами и краткимъ біографич. словаремъ. **Цѣна 3 р.** Въ переплетѣ **3 р. 75 к.**

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 5-е изданіе, знач. дополненное и доведенное по изложенію событій до 80-хъ годовъ. Съ 50 портретами. Спб. 1886 г. **Ц. 2 р.** Въ переплетѣ—**2 р. 75 к.**

Біографіи образцовыхъ русскихъ писателей. *Павлова.* Съ 11 портретами. **Цѣна 25 к.**

Научныя развлеченія. Знакомство съ законами природы путемъ игръ, забавъ и опытовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ. Составилъ *Г. Тисандье.* Перев. съ франц. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 2-е значительно дополненное изданіе. 400 стр. и 353рис. **Ц. 2 р.** Въ пер.—**2 р. 75 к.**

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Приложеніе ариѳметики, геометріи и алгебры къ различнымъ вопросамъ, играмъ и забавамъ. Переводъ съ франц. *В. Обреимова,* 206 стр. Съ 55 фигур. и таблиц. **Ц. 1 р.** Въ переплетѣ—**1 р. 75 к.**

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что дважды два—пять, 2=3, три больше четырехъ, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ *В. Обреимовъ.* Спб. 1884 г. **Цѣна 40 к.**

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. Цѣна книги съ прилож. 39 картонныхъ кастетъ—**1 р.**

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ съ франц. подъ редакціей проф. *И. И. Мечникова.* Съ 345 рис. въ текстѣ. **Цѣна 1 р.** Въ папкѣ **1 р. 15 к.**, въ переплетѣ **1 р. 35 к.**

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА.

ГЛАВА I.

Нѣсколько словъ о самомъ себѣ.—Дѣтство и юность.

Не безъ нѣкотораго смущенья я приступаю къ своему разсказу.

Соблюдая установившійся обычай, я долженъ представиться читателю, познакомить его въ краткомъ очеркѣ со своею личностью и со своимъ характеромъ. А признаться сказать, очень трудно говорить о себѣ съ полнымъ безпристрастіемъ: заговоришь черезчуръ скромно — тебя заподозрятъ въ томъ, что напрашиваешься на лестныя опроверженья; вдашься въ противоположную крайность — такъ выйдетъ чего добраго еще хуже: прослывашь тщеславнымъ фатомъ, вызовешь упрекъ въ излишнемъ самомнѣньи.

Во избѣжаніе обоихъ затрудненій, я избираю третій пріемъ, который вѣроятно удовлетворитъ всѣхъ.

Не стану описывать свою наружность. Всякій, кто пишетъ свои записки, путешествія, или повѣствуетъ о своихъ приключеніяхъ, имѣетъ

обыкновеніе помѣщать свой портретъ въ началѣ книги. Я послѣдую ихъ примѣру, потому что этотъ пріемъ мнѣ очень нравится.

Читателю пріятно видѣть лицо того, кто будетъ излагать ему на большемъ или меньшемъ количествѣ страницъ свои тяжелыя и пріятныя впечатлѣнія, свои душевныя движенія,—и желаніе познакомиться съ наружностью повѣствователя вполнѣ законно.

Въ самомъ дѣлѣ, когда авторъ говоритъ вамъ: «Я остолбенѣлъ отъ изумленья... Мною овладѣлъ ужасъ... Я залился смѣхомъ»... и т. д., вамъ, разумѣется, хочется имѣть ясное представленіе объ измѣненіи его лица подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ чувствъ.

Признаюсь, я доволенъ своею наружностью, но смѣю васъ увѣрить, не тщеславіе побуждаетъ меня дать вамъ мой портретъ: я руководствуюсь въ этомъ случаѣ вышеизложенными соображеніями.

Что же касается моей нравственной характеристики,—моихъ душевныхъ качествъ и недостатковъ,—то, по зрѣломъ размышленіи, я обойду ихъ молчаніемъ. Читатель самъ составитъ себѣ понятіе объ нихъ изъ моего разсказа.

Послѣ этого вступленія, позвольте разсказать вамъ возможно короче исторію моего дѣтства и причины, вызвавшія всѣ нижеслѣдующія приключенія.

Родителей своихъ я не зналъ: таковъ общій удѣлъ насѣкомыхъ. Въ моментъ нашего рожденья, нашихъ родителей уже нѣтъ на свѣтѣ, иногда

они уже давно умерли, а потому выраженіе «балованное дитя» не имѣетъ въ нашемъ быту никакого значенія. Только не выводите изъ этого заключенія, что родители пускаютъ насъ на свѣтъ, не заботясь о нашей дальнѣйшей судьбѣ. Ничуть не бывало! Вы и не подозрѣваете, какъ нѣжно заботятся у насъ родители о своихъ дѣтяхъ, какъ часто встрѣчаются въ нашей жизни самоотверженіе и преданность!

Первыя мои впечатлѣнія относятся къ очень раннему періоду моей жизни. Чувство жизни пробудилось во мнѣ не внезапно, и мои представленія объ этомъ предметѣ весьма смутны. Стараясь оживить въ своей памяти далекое прошлое, я нахожу слѣдующія, нѣсколько неопредѣленныя впечатлѣнія.

Я чувствовалъ себя заключеннымъ въ продолговатомъ футлярѣ, гдѣ мнѣ было очень тѣсно и всѣ мои члены были прижаты къ туловищу. Сколько времени я находился въ этомъ странномъ положеніи, какимъ образомъ я попалъ въ него и почему очутился въ своемъ футлярѣ—этого я никакъ не могъ объяснить себѣ. Мнѣ захотѣлось принять болѣе удобное положеніе; я сдѣлалъ усиліе, чтобы перевернуться, — и вдругъ мой футляръ лопнулъ сверху до низу.

Испугавшись сначала, я рѣшился высунуть въ отверстіе одну лапку, потомъ другую, потомъ третью — и отверстіе все увеличивалось. Я становился смѣлѣе, высунулъ голову, и наконецъ все тѣло мое совершенно освободилось.

Я очутился въ какомъ-то очень тѣсномъ склепѣ, въ который свѣтъ проникалъ лишь сверху, сквозь узкую скважинку. Мнѣ инстинктивно захотѣлось добраться до этой свѣтлой точки и съ

помощью новыхъ усилій я сталъ расширять скважину. Это былъ тяжелый и продолжительный трудъ, но однако онъ увѣнчался успѣхомъ, и я выбрался на поверхность земли.

Меня сначала ослѣпилъ заливавшій всю окрестность яркій солнечный свѣтъ, но въ то же время я почувствовалъ невыразимое блаженство. Потянувшись хорошенько, я сталъ оглядываться кругомъ и увидалъ, что нахожусь надъ крутымъ выступомъ въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ вокругъ меня копошилось множество маленькихъ, подобныхъ мнѣ, существъ. Всѣ эти маленькіе сверчки составляли мою семью: это были мои братья и сестры, вылупившіеся, подобно мнѣ, изъ яицъ.

Не стану разсказывать вамъ во всѣхъ подробностяхъ исторію своего дѣтства и юности; однако объ одномъ событіи я не могу умолчать, потому что оно имѣло особенное значеніе въ моей жизни и оказало рѣшительное вліяніе на складъ моего ума и характера. То была катастрофа, нарушившая спокойное теченіе нашей семейной жизни и возбудившая во мнѣ первыя горькія размышленія; съ этой катастрофой связано мое первое разочарованіе, которое, къ сожалѣнію, оказалось не послѣднимъ

Разсказу объ этомъ событіи я долженъ предпослать краткое описаніе нашего мѣстожительства, такъ какъ, иначе, вы не поняли бы, какимъ образомъ совершилась катастрофа.

Мы родились въ довольно мелкомъ углубленіи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ отвѣсной крутизной, образовавшеюся вѣроятно отъ давленія камня, который когда нибудь находился здѣсь. Каждый изъ насъ вырылъ себѣ маленькую келейку въ этой крутизнѣ, а средняя площадка служила намъ

сборнымъ пунктомъ. Вскорѣ мы пожелали расширить свое жилье и прорыли коридоръ, по которому можно было выбраться изъ общаго углубленія; иногда мы ходили то поодиночкѣ, то маленькими группами прогуливаться по окрестностямъ или заниматься музыкой на свѣжемъ воздухѣ.

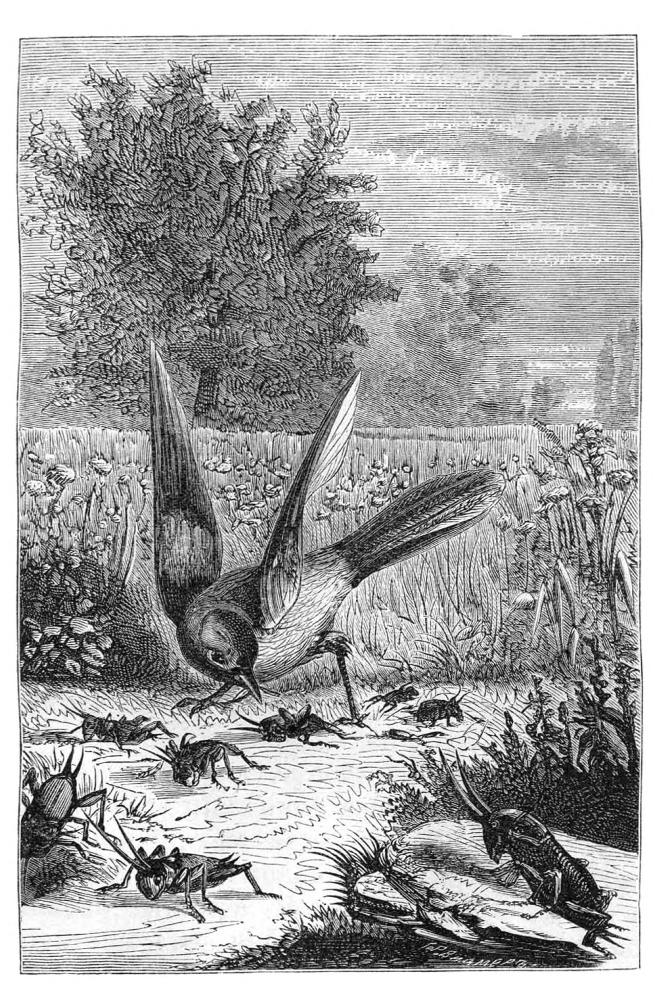
Разъ, въ прекрасный, теплый, майскій вечеръ мы выбрались всею семьей изъ нашего жилья. Полная луна сіяла на безоблачномъ небѣ, мягкій воздухъ былъ пропитанъ необыкновеннымъ ароматомъ, отъ земли поднимался легкій голубоватый паръ, придававшій всѣмъ окружающимъ предметамъ особенную прелесть. Мы всѣ были проникнуты общимъ чувствомъ блаженства. Намъ жилось такъ легко и отрадно!

Гдѣ-то въ высотѣ соловей распѣвалъ свои обаятельныя мелодіи. Его трели, то задушевно-нѣжныя, то полныя огненной страсти, глубоко западали мнѣ въ душу и потрясали все мое существо. Мои братья и сестры беззаботно играли, а я задыхался отъ волненія. Отойдя отъ нихъ, я старался настроить себя подъ ладъ божественному пѣвцу, который увлекалъ меня своимъ искуствомъ. «Какъ возвышенны, чисты и тонки должны быть мысли этого прекраснаго существа! думалъ я. Какъ онъ счастливъ, что природа дала ему способность выражать эти мысли въ такой совершенной формѣ!» Я сѣтовалъ, что у меня нѣтъ крыльевъ, на которыхъ я могъ бы понестись къ нему и выразить ему свой восторгъ.

Пѣвецъ внезапно смолкъ. Я поднялъ глаза, чтобы объяснить себѣ причину этого молчанія, какъ въ ту же минуту мнѣ на грудь обрушилась масса земли, которая свалила меня съ ногъ и почти совсѣмъ засыпала. Только голова осталась

свободною и—о ужасъ!—что я увидалъ! Взорамъ моимъ представилось страшное зрѣлище, которое и теперь преслѣдуетъ меня, какъ безотвязный кошмаръ въ безсонныя ночи. Божественное существо, передъ которымъ я только что преклонялся мысленно, спустилось на землю и пожирало моихъ братьевъ и сестеръ. Оставшіеся въ живыхъ члены моей несчастной семьи, обезумѣвъ отъ ужаса, бросились сломя голову назадъ въ наше жилище, но корридоръ былъ слишкомъ узокъ и всѣ не могли сразу проникнуть въ него. Болѣе сильные братья мои отталкивали сестеръ, чтобы спастись первыми. Какое развращающее вліяніе оказываетъ на насъ испугъ! Онъ дѣлаетъ насъ эгоистичными и жестокосердыми. Бѣдныя мои сестры! Онѣ стоятъ передо мною какъ живыя, и я будто вижу, какъ онѣ умоляли о пощадѣ то братьевъ, то гнуснаго соловья. Немногіе члены моей семьи спаслись отъ истребленія; я же уцѣлѣлъ только благодаря земляному обвалу, который скрылъ меня отъ взоровъ злодѣйскаго существа. Когда я добрался до нашего жилища, въ немъ господствовало полнѣйшее отчаяніе. Осталось въ живыхъ только восемь сестеръ и двадцать два брата. Я не сталъ упрекать ихъ въ жестокосердіи къ сестрамъ, понимая, что они повиновались своему инстинкту. Если-бы я очутился въ такомъ же положеніи, быть можетъ, и я самъ поступилъ бы не лучше ихъ, да къ тому же ихъ скорбь и уныніе ясно доказывали, что совѣсть ихъ неспокойна.

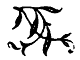
Я нѣсколько распространился объ этомъ эпизодѣ, потому что, какъ я уже замѣтилъ выше, онъ оказалъ сильное вліяніе на общее направленіе моихъ мыслей. Я долго думалъ объ этомъ

. . . и, о ужасъ, что я увидалъ! (стр. 6).

эпизодѣ и вывелъ заключеніе, что слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ къ первымъ впечатлѣніямъ, сдерживать свои чувства и никогда не поддаваться слѣпому, неосмысленному энтузіазму. Я убѣдился, что самые обаятельныя и увлекательныя существа иногда бываютъ безнравственны и что ихъ слѣдуетъ бояться. Впослѣдствіи многія приключенія моей бурной жизни подтвердили мои первые выводы.

Разсказанный эпизодъ повліялъ и въ другомъ отношеніи на мою судьбу.

Черезъ нѣсколько времени спустя, у насъ въ семьѣ сталъ проявляться разладъ. Споры, которые, бывало, кончались миромъ, стали принимать раздражительный характеръ и не разъ мнѣ приходилось употреблять большія усилія, чтобы дѣло не дошло до драки. Мы выросли и сильно измѣнились какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но не стану скрывать, что наше физическое развитіе пошло въ ущербъ нравственному. Новое, до тѣхъ поръ невѣдомое чувство, стало постепенно вытѣснять нашу прежнюю взаимную дружбу. Въ сердцахъ моихъ братьевъ все болѣе и болѣе росла зависть,—эта гибельная страсть, порождающая столько другихъ. Вскорѣ совмѣстная жизнь сдѣлалась для насъ невозможною; мы разстались, и каждый изъ насъ побрелъ куда глаза глядѣли— строить себѣ свое жилье. Нашей родиной была лужайка, обращенная къ югу. Кое-гдѣ росли старыя деревья, кажется орѣшники, отѣнявшіе нѣкоторыя мѣста, между тѣмъ какъ вся лужайка

находилась на припекѣ солнца. Мы, сверчки, особенно любимъ открытыя мѣста, пригрѣваемыя солнцемъ. Я поселился у подножья большаго камня, который возвышался выступомъ надъ поверхностью земли. Оттуда открывался прекрасный видъ, которымъ я могъ наслаждаться, не удаляясь отъ своего жилья. Я жилъ почти отшельникомъ. Надо вамъ сказать, что послѣ катастрофы между мною и братьями произошло нравственное отчужденіе, вѣроятно потому, что они стыдились меня, какъ свидѣтеля ихъ недостойнаго поведенія во время катастрофы. Однако я не сдѣлалъ имъ ни разу ни малѣйшаго упрека; мы никогда не говорили о печальномъ событіи, и я никогда не позволялъ себя ни малѣйшаго оскорбительнаго намека. Неловкость, которую они испытывали въ моемъ присутствіи, вскорѣ превратилась въ отвращеніе; но больше всего опечалило меня то, что, глядя на братьевъ, и сестры охладѣли ко мнѣ. Однажды одинъ изъ моихъ братьевъ придрался ко мнѣ изъ-за пустяка и совершенно неожиданно бросился на меня съ самыми дурными намѣреніями; я сталъ по необходимости защищаться и, къ несчастію, въ пылу борьбы, нанесъ брату смертельный ударъ...

Это глубоко потрясло меня. Невольное убійство произошло безъ свидѣтелей, но тѣмъ не менѣе братья приписали его мнѣ; изъ этого я заключилъ, и вѣроятно не безъ основанія, что нападеніе, которому я подвергся, было заранѣе подготовлено всѣми, только кончилось не такъ, какъ они желали. Слѣдовало опасаться новой попытки въ томъ же родѣ, а потому я рѣшился покинуть мѣсто, гдѣ жизнь моя подвергалась постоянной опасности.

Когда рѣшеніе созрѣло, я счелъ безполезнымъ откладывать его исполненіе; напротивъ того, надо было дѣйствовать возможно скорѣе. Однако я дождался вечера и, по обыкновенію, взобрался на камень, чтобы въ послѣдній разъ окинуть взоромъ любимыя мѣста и проститься съ ними.

Не пѣлось мнѣ въ этотъ вечеръ: вмѣсто задорныхъ трелей изъ груди моей вырывались тя-

желые вздохи. Долго я смотрѣлъ на старыя деревья, пестрившія лужайку, на извилистую тропинку, которая вилась по ней, на серебристую полосу рѣки, которая змѣилась въ глубинѣ долины, на раскинувшійся вдали городъ, на верхушки тополей, которые тихонько трепетали своими листьями подъ дыханіемъ вечерняго вѣтерка... Прощайте, родныя мѣста, гдѣ протекло мое дѣтство, — я любуюсь вами въ послѣдній разъ!..

Какъ мы привязываемся безсознательно и незамѣтно къ окружающимъ предметамъ и какъ дороги становятся они намъ въ минуту разлуки! думалъ я, опускаясь съ камня.

Повѣрите-ли вы, что я съ особеннымъ волненіемъ взглянулъ на репейникъ, росшій позади моего

жилища. Я зналъ наперечетъ всѣ его листья,— они развивались у меня на глазахъ одинъ за другимъ; даже пчелы, садившіяся на его цвѣты, были мнѣ хорошо знакомы. Разъ какъ-то личинка листоѣда поселилась на одномъ изъ листьевъ и стала питаться имъ. Сначала мнѣ стало досадно

на это навязчивое животное, которое какъ будто оскорбляло своимъ присутствіемъ мое любимое растеніе; но, поразмысливъ, я призналъ свое чувство несправедливымъ. Мало того, я даже сдружился съ моей сосѣдкой; она съ удовольствіемъ слушала мои пѣсни и, вѣроятно, польщенный ея уваженіемъ къ моимъ музыкальнымъ талантамъ, я преодолѣлъ свое инстинктивное отвращеніе къ ея природной неопрятности. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ юности листоѣды имѣютъ отвратительную привычку зарываться въ собственныя нечистоты. Разъ, въ самомъ началѣ нашего знакомства, я выругалъ ее за неопрятность, но она нисколько не обидѣлась, а кротко замѣтила мнѣ, что понимаетъ мое отвращеніе и чувствуетъ себя униженною; въ оправданіе, она объяснила мнѣ, что ея неопрятность происходитъ не отъ небрежности, а вызвана необходимостью: если-бы члены ея семьи жили на растеніяхъ безъ всякаго покрова и не скрывались какимъ нибудь образомъ отъ чужихъ наблюденій, то ихъ пожрали бы птицы; то, что отталкиваетъ меня, производитъ такое же впечатлѣніе и на враговъ листоѣдовъ, а ради самосохраненія можно вынести нѣкоторыя мелкія непріятности. Доводы ея убѣдили меня, и между нами мало по малу завязалась крѣпкая дружба. За нѣсколько дней до описываемаго момента личинка пережила свое превращеніе, у нея выросли крылья, и она улетѣла.

Пока я предавался своимъ печальнымъ размышленіямъ, совсѣмъ смерклось; я отдѣлался отъ нахлынувшихъ на меня воспоминаній и, не оглядываясь, покинулъ мѣста, среди которыхъ протекла моя юность.

ГЛАВА II.

Первыя приключенія и ихъ послѣдствія.

Дѣло было въ концѣ іюля. Жаркій день клонился къ вечеру, но воздухъ не только не охладился, а сталъ, пожалуй, еще удушливѣе. Надвигалась гроза, возвѣщавшая о себѣ частыми молніями и глухими раскатами отдаленнаго грома. Тропинка, по которой я шелъ, прихотливо извивалась среди луговой травы. Тамъ и сямъ все чаще появлялись ночные бродяги, шедшіе то поодиночкѣ, то группами. Встрѣчались мнѣ то жужелицы, то короткокрылы, карауливтіе добычу. Впрочемъ, я нисколько не боялся ихъ, потому что съ моими здоровыми челюстями былъ въ состояніи отразить ихъ нападенія. О, я нисколько не боялся, хотя нервы мои были сильно возбуждены, быть можетъ отъ избытка электричества въ воздухѣ, быть можетъ и отъ того, что въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось брести ночью одному по незнакомой дорогѣ. Какъ бы то ни было, однако я вздрагивалъ отъ малѣйшаго шума. Гулкій полетъ навознаго жука, который безпрестанно кружился надъ моей головой, ужасно раздражалъ меня. Я шелъ большими шагами, надѣясь, что счастливый случай доставитъ мнѣ

пристанище на ночь, какъ вдругъ одна изъ моихъ заднихъ лапъ провалилась въ разрыхленную землю, и я почувствовалъ, что какое-то незримое подземное животное схватило ее своими щупальцами.

Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; я

сдѣлалъ отчаянное усиліе, напрягъ всѣ члены и однимъ скачкомъ очутился на другой тропинкѣ, пересѣкавшей въ этомъ мѣстѣ ту, по которой я шелъ. На мою бѣду жужелица бѣжала какъ разъ по той тропинкѣ, и я очутился у нея на спинѣ. Это была прекрасная, золотистая жужелица, бле-

стящее и гордое жесткокрылое, вѣроятно спѣшившее на какое нибудь свиданіе.

Отъ толчка она упала на спину и закружилась по землѣ.

— Глупое животное! вскричала она, вставъ на ноги: — гляди, куда скачешь!

Не смотря на невѣжливость этого воззванія, я собирался извиниться, потому что во всякомъ случаѣ былъ виноватъ; но вдругъ жужелица повернулась ко мнѣ спиной и обдала меня ѣдкою, ужасно вонючею жидкостью, которая попала мнѣ въ глаза и вызвала жгучую боль.

— Разбойникъ, крикнулъ я, гнусное животное! Можно ли такъ поступать? Постой, я тебѣ отплачу за твою дерзость, скверное насѣкомое!

Жужелица только засмѣялась, крикнула мнѣ нѣсколько непонятныхъ словъ и побѣжала дальше, а я остался среди тропинки, оскорбленный и униженный, задыхаясь отъ вонючей жидкости, которою былъ весь пропитанъ. Я выкатался въ пыли, потомъ вытерся изо всей силы о траву, окаймлявшую дорогу, и немножко отдѣлался отъ отвратительнаго запаха; однако мнѣ не удалось прочистить какъ слѣдуетъ всѣ суставы. Надо было вымыться, но гдѣ взять воды? Гроза, быть можетъ, разразится еще не скоро. Замѣтивъ по близости довольно высокую былинку, я взлѣзъ на нее съ нѣкоторымъ трудомъ и сталъ оглядывать кругомъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь лужицы, въ которой можно было бы выкупаться. Дѣйствительно, я замѣтилъ не вдалекѣ, при блесткѣ молніи, небольшую лужицу, которая образовалась въ колевинѣ отъ недавнихъ дождей. Спустившись съ былинки, я пошелъ по тропинкѣ къ этой естественной ваннѣ. Я уже почти подошелъ къ

ней, какъ со мною повстрѣчалась группа стрекозъ, которыя повидимому были на-веселѣ. Завидѣвъ меня, онѣ кинулись ко мнѣ со смѣхомъ и съ очевиднымъ намѣреніемъ завербовать меня въ свою компанію. Я охотно спрятался бы отъ нихъ, но не тутъ-то было; я еще раздумывалъ, что̀ мнѣ дѣлать, но веселые товарищи уже окружили меня. Увы! Случилось именно то, чего я боялся. Онѣ уже хотѣли было увлечь меня въ свой бѣшеный круговой танецъ, но вдругъ остановились съ удивленіемъ, посмотрѣли на меня, и одна изъ нихъ вскричала: «Фу, какая гадость!» Послѣ этого всѣ стрекозы разбѣжались, заливаясь смѣхомъ и осыпая меня весьма не лестными эпитетами. Я остался одинъ, смущенный и пристыженный, побрелъ къ лужицѣ и поспѣшно окунулся въ нее.

Скоро я совсѣмъ вымылся. Пока я полоскался въ водѣ, мимо меня по тропинкѣ пробѣжала прекрасная, фіолетовая жужелица. Она не замѣтила меня, чему я былъ очень радъ. Я невольно любовался ея изяществомъ и граціозными, быстрыми движеніями. «Наградитъ же Господь Богъ такую тварь такою прекрасною наружностью!» проворчалъ я сквозь зубы; «и кому придетъ въ голову, глядя на такого щеголя, что онъ выдѣляетъ изъ себя такую вонючую жидкость? Вѣрьте послѣ этого наружности!..» Выкупавшись, я сталъ смѣяться надъ своими приключеніями, какъ вдругъ услыхалъ вдали веселые клики и хохотъ стрекозъ, но вскорѣ до меня донеслись крики и гнѣвные возгласы. «Ага, подумалъ я, мои красавицы узнали собственнымъ опытомъ, каково приставать къ такимъ неучамъ: фіолетовая красавица дала имъ знать себя». Въ сущности, я былъ очень

доволенъ, что судьба отомстила стрекозамъ за насмѣшки, которыми онѣ только что осыпали меня; я поспѣшно вышелъ изъ моей ванны и большими шагами пошелъ дальше, предполагая не безъ основанія, что мои скачущія пріятельницы скоро послѣдуютъ моему примѣру по той же самой причинѣ.

По тропинкѣ я добрался до широкой дороги, окаймленной съ обѣихъ сторонъ откосами и изгородями. Налѣво дорога вела въ еловый лѣсокъ, а направо къ рѣшетчатымъ воротамъ, замыкавшимъ большой садъ; въ глубинѣ его, на довольно значительномъ разстояніи, надъ различными группами деревьевъ возвышалась увѣнчанная флюгерами крыша красиваго и богатаго барскаго дома. Все это я успѣлъ подмѣтить при свѣтѣ молніи, которая безпрестанно бороздила небо, озаряя окрестную мѣстность.

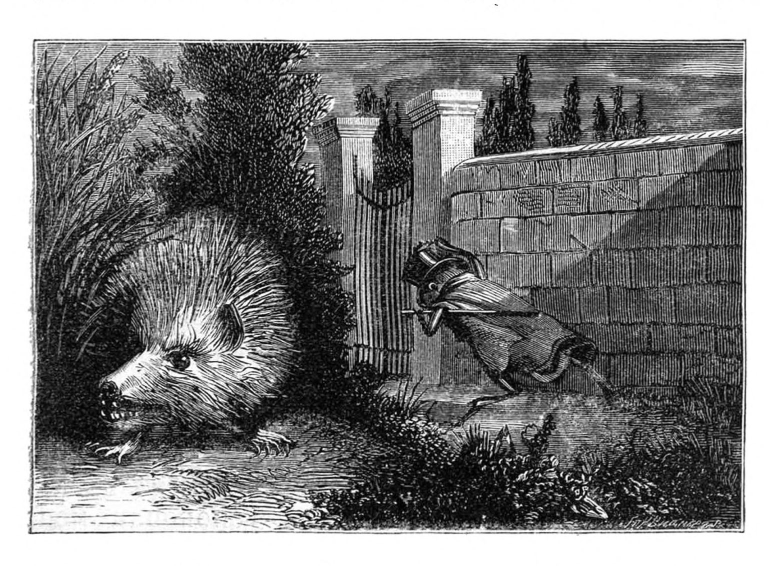
Я остановился въ раздумьи: идти ли направо или налѣво? Взлѣзть ли на откосъ, возвышавшійся передо мною? То или другое направленіе — было для меня совершенно безразлично, потому что, какъ извѣстно, я не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли. Важнѣе всего для меня было найти убѣжище на ночь и пріютиться въ немъ отъ дождя, который, казалось, вотъ-вотъ хлынетъ. Я замѣтилъ, что надо мною пролетѣла къ лѣсу сова, а потому рѣшился повернуть въ противоположную сторону. Мнѣ вовсе не хотѣлось, чтобы она поужинала мною.

Я вскорѣ добрался до садовыхъ воротъ и уже намѣревался проникнуть въ садъ, когда на встрѣ-

... со мной повстрѣчалась группа стрекозъ, которая была на веселѣ (стр. 17).

чу мнѣ въ противоположную сторону пробѣжалъ ежъ. Къ счастью, въ эту минуту вниманіе его было отвлечено собаками, которыя съ лаемъ гнались за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи: онъ не замѣтилъ меня. Бродить по дорогамъ въ такое позднее время становилось все опаснѣе, и надо было во что-бы то ни стало пріютиться гдѣ нибудь, чтобы не сдѣлаться жертвой какого нибудь

голоднаго бродяги. До сихъ поръ встрѣчи навлекали на меня только мелкія непріятности, но дальнѣйшія скитанія могли накликать серьезную бѣду.

Размышляя такимъ образомъ, я брелъ по садовой аллеѣ: налѣво блестѣла вода пруда, а направо по отлогимъ склонамъ разстилалась обширная земляничная поляна. Я свернулъ съ середины алеи, гдѣ былъ слишкомъ на виду, и сталъ пробираться по краю, чтобы, въ случаѣ опас-

ности, спрятаться подъ какой нибудь кустикъ. Хорошо я сдѣлалъ. Не успѣлъ я свернуть направо, какъ подо мною задрожала земля и издали до меня донесся какой-то быстро приближавшійся грохотъ. Карета, запряженная парой въ дышло, мчалась къ дому. Я прыгнулъ въ земляничную грядку, благословляя свою осторожность, но вскорѣ новое приключеніе повергло меня въ ужасъ.

Я пріютился подъ широкимъ листомъ, рѣшившись не трогаться съ мѣста до зари, какъ вдругъ чья то широкая лапа спустилась на мое плечо. Я вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго прикосновенія и уже считалъ себя погибшимъ. Но мой испугъ вызвалъ громкій смѣхъ незримаго существа.

— А что, любезный братецъ, кажется, я васъ порядкомъ напугала? Но прилично ли порядочному сверчку таскаться по дорогамъ въ ночное время? Откуда васъ Богъ несетъ?

Эти веселыя слова тотчасъ успокоили меня. Со мной говорила медвѣдка, жилище которой находилось какъ разъ подъ тѣмъ листомъ, гдѣ я было пріютился. Она стояла у самаго входа. Испугавшись проѣхавшей кареты, я въ темнотѣ не разглядѣлъ свою кузину: вамъ, безъ сомнѣнья, извѣстно, что медвѣдки — близкія родственницы сверчковъ и очень похожи на насъ, только онѣ бурыя, а такъ какъ имъ постоянно приходится рыть землю, чтобы добывать личинки, которыми онѣ питаются, то ихъ переднія лапы достигли необыкновенной толщины. Одна изъ этихъ гро-

мадныхъ лапъ опустилась на мое плечо и испугала меня.

— Признаюсь, я дѣйствительно немножко струсилъ, сказалъ я смѣясь, но согласитесь, что на моемъ мѣстѣ. . я думалъ, что совершенно одинъ, да къ тому же я очень впечатлителенъ и нервенъ.

— Вижу, вижу, любезный братецъ. Но, знаете-ли, при такихъ слабыхъ нервахъ слѣдуетъ спокойно ночевать дома, а не таскаться Богъ вѣсть гдѣ, въ такое непоказанное время; я считаю васъ порядочнымъ сверчкомъ.

— О, кузина, не осуждайте меня! воскликнулъ я, краснѣя; если-бы вы знали мое грустное положеніе, то не стали бы насмѣхаться, а пожалѣли бы меня.

— Хорошо, разскажите мнѣ свою исторію; но пойдемте ко мнѣ; тамъ намъ удобнѣе будетъ разговаривать: смотрите-ка, накрапываетъ дождь.

— Ахъ, кузина, я не смѣю рѣшиться... Свѣтъ такъ золъ, я боюсь скомпрометировать васъ.

— Полноте, дитя мое, не церемоньтесь; развѣ вы не видите, что я гожусь вамъ въ бабушки? Старость—не радость; но за то намъ, старухамъ, позволительна нѣкоторая свобода обращенія, я же вообще никогда не обращала вниманія на сплетни. Пойдемте.

Съ этими словами она вошла въ свое жилье, а я послѣдовалъ за ней, размышляя объ этой странной встрѣчѣ. Я очень щепетиленъ, а потому меня не разъ покоробило отъ излишней фамильярности моей кузины, которая видѣла меня въ первый разъ и отъ нѣкоторыхъ выраженій, обличавшихъ въ ней недостатокъ воспитанія; но я извинилъ ей эти мелочи, принимая

во вниманіе ея преклонные годы и оказанный мнѣ радушный пріемъ. Очевидно, она была добра и съ ней не приходилось церемониться; у нея была, что называется, душа на распашку, да къ тому-же ея гостепріимство выручало меня изъ большой бѣды.

Мы шли по такому тѣсному и темному коридору, что я подвигался впередъ ощупью.

— Идите смѣло, братецъ: вы не встрѣтите никакихъ препятствій; да вотъ мы и пришли въ мою столовую; какъ видите, я живу со всѣми удобствами.

— Откровенно говоря, любезная кузина, я ровно ничего не вижу; какъ я ни таращу глаза, здѣсь такъ темно, что нѣтъ никакой возможности разсмотрѣть что либо.

— Въ самомъ дѣлѣ, я объ этомъ и не подумала; я такъ привыкла къ своему жилью, что мнѣ и глаза не нужны, но вы вѣдь здѣсь въ первый разъ. Откуда бы добыть свѣту? Ага, придумала! Отдохните, а я сейчасъ приду.

ГЛАВА III.

Медвѣдка освѣщаетъ свое жилье.

Кузина прошла мимо меня въ тотъ же самый коридоръ, по которому мы только что проникли въ ея жилье. Я остался одинъ и разду-

мывалъ, какимъ образомъ она ухитрится освѣтить свою столовую. Мнѣ пришлось ждать довольно долго. Наконецъ, на стѣнкахъ коридора

замелькалъ какой то голубоватый свѣтъ, который постепенно приближался и становился ярче. Вскорѣ медвѣдка вошла въ столовую, гдѣ я ожидалъ ее; за нею подвигался мерцающій свѣтъ.

— А, сказалъ я, да это свѣтлякъ!

— Тсс! шепнула она мнѣ на ухо: называйте его Лампиромъ; онъ обижается, когда его зовутъ просто свѣтлякомъ.—Потомъ она прибавила вслухъ: любезный братецъ, позвольте представить вамъ одного изъ моихъ лучшихъ друзей, котораго я побезпокоила изъ за васъ. Какъ видите, замѣтила она смѣясь, моя старая голова еще способна бываетъ придумать иногда что нибудь путное. Познакомьтесь, господа, а я схожу въ кладовую,—вы вѣрно проголодались. Проходя мимо меня, медвѣдка опять шепнула мнѣ на ухо: надо васъ предупредить: этотъ свѣтлякъ женскаго пола, но—не знаю, зачѣмъ—разыгрываетъ роль мущины и старается скрыть свой полъ. Не вѣрьте его мужскимъ пріемамъ, но и не показывайте ему, что знаете его тайну.

Съ этими словами она ушла, оставивъ насъ наединѣ. Я обратился съ нѣсколькими вѣжливыми фразами къ свѣтляку, который отвѣчалъ мнѣ, какъ подобаетъ благовоспитанному человѣку; изъ его обращенія я тотчасъ понялъ, что имѣю дѣло съ существомъ не дюжиннымъ; его манеры и рѣчь доказывали, что онъ пожилъ на свѣтѣ и побывалъ въ хорошемъ обществѣ; изящныя манеры его, слегка грустное выраженіе лица и спокойное достоинство осанки,—все это расположило меня въ его пользу. Я почувствовалъ къ новому знакомому сильную симпатію и мнѣ показалось, что его впечатлѣнія соотвѣтствуютъ моимъ.

Сообразуясь съ его желаніями и исполняя

инструкціи моей кузины, я не разоблачалъ инкогнито моего новаго знакомаго и все время говорилъ съ нимъ, какъ съ товарищемъ-мужчиной.

На первый разъ мы обмѣнялись нѣсколькими общими фразами, какія обыкновенно говорятъ другъ другу люди при первой встрѣчѣ. Лампиръ не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса, и его скромность произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Въ это время кузина хлопотала по хозяйству и готовила намъ ужинъ. Изъ углубленія, которое служило ей кладовою, она вынула какіе-то запасы и принялась разставлять ихъ среди залы. Желудокъ мой уже начиналъ предъявлять свои права, а потому я замѣтилъ съ особеннымъ удовольствіемъ нѣсколько личинокъ жуковъ и долгоносиковъ, пойманныхъ кузиною на охотѣ, и еще что-то бурое, чего я съ перваго раза не могъ опредѣлить.

— Ну, господа, милости прошу покушать, сказала кузина: провизія у меня свѣжая и отборная; совѣтую вамъ отвѣдать этихъ личинокъ. Это блюдо очень легкое и чрезвычайно вкусное.

Я не заставилъ себя просить и втеченіе нѣсколькихъ минутъ мы всѣ молчали, занявшись исключительно вкуснымъ ужиномъ. Подчасъ до насъ доносились раскаты грома, ослабленные слоемъ земли, отдѣлявшимъ насъ отъ поверхности. Слышался также глухой шумъ сильнаго дождя, который крупными каплями падалъ на земляничные листья, и я въ душѣ благословлялъ случай, который выручилъ меня какъ разъ вовремя и послалъ столь пріятное убѣжище. Но, кромѣ этихъ двухъ гуловъ, происхожденіе которыхъ было мнѣ понятно, я слышалъ и другой,

совершенно особенный, который мало по малу начиналъ тревожить меня. То было какое-то постоянное гудѣніе, похожее на однообразный звукъ дождя, но болѣе глухое и исходившее изъ глубины земли, по сосѣдству съ нами. Я хотѣлъ было попросить объясненія у медвѣдки; но она вдругъ подняла голову, сдѣлала намъ знакъ, чтобы мы молчали, и стала прислушиваться. Я молча бросилъ на нее вопросительный взглядъ и указалъ ей на подземелье, изъ котораго какъ будто раздавался загадочный звукъ.

— Нѣтъ, сказала она, пустяки, я ошиблась. Этотъ звукъ, который васъ интересуетъ, доносится изъ осинаго гнѣзда: оно тутъ, рядомъ съ нами.

— Какъ! осиное гнѣздо! да вѣдь это опасное сосѣдство.

— Успокойтесь, братецъ: осы—сами по себѣ, а мы—сами по себѣ. Между нашими жилищами нѣтъ никакого сообщенія и намъ нечего ихъ бояться, если мы сами къ нимъ не пойдемъ, а такой глупости мы, разумѣется, не сдѣлаемъ.

— Но мнѣ показалось, что вы чего-то испугались?

— Да, я была встревожена, только не сосѣдствомъ осъ. Мнѣ показалось, что подкрадывается кротъ, но я ошиблась.

— А развѣ есть кроты въ здѣшней мѣстности?

— Кажется, есть. Впрочемъ, давайте ужинать, господа. Въ настоящую минуту намъ грозитъ еще опасность—насъ можетъ залить водой, а въ случаѣ наводненія придется бѣжать какъ можно скорѣе.

Мы поспѣшили окончить ужинъ; я нѣсколько разочаровался, убѣдившись, что жилище медвѣдки

...втеченіе нѣсколькихъ минутъ мы молчали, занявшись исключительно вкуснымъ ужиномъ (стр. 27).

не представляетъ такого безопаснаго пріюта, какимъ я считалъ его сначала, и что намъ всѣмъ грозятъ весьма серьезныя опасности. Естественное сцѣпленіе мыслей вызвало въ моей памяти эпизоды изъ моей прошлой беззаботной и безпечной жизни; вспомнились мнѣ ссоры съ братьями, ужасное событіе, нарушившее спокойное и правильное теченіе моего существованія, и я глубоко задумался о прошломъ, только что пережитомъ, и о томъ неизвѣстномъ будущемъ, которое предстояло мнѣ впереди, въ моей новой бурной, скитальческой жизни . . . .
. . . .

— О чемъ это вы замечтались, любезный братецъ? Ужь нѣтъ-ли у насъ зазнобушки? Полноте грустить, отгоните мрачныя мысли! Сыты-ли вы?—это главное. Я угостила бы васъ земляникой, да ужь она почти сошла. А вотъ скушайте-ка кусочекъ паука—это прекрасная вещь.

Съ этими словами медвѣдка пододвинула къ себѣ бурую яству, которую я сначала не узналъ и которая оказалась паукомъ.

— Благодарю васъ, я уже сытъ, отвѣчалъ я: но разскажите мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ вы добываете пауковъ? этотъ—изъ породы крестовиковъ, которые живутъ на деревьяхъ, и я не думаю, чтобы вы лазили за нимъ по сучьямъ.

— Этого паука я нашла въ землѣ.

— Какъ въ землѣ? зачѣмъ же онъ попалъ туда?

— А его зарыли.

— Полноте, кузина, вы смѣетесь надо мною. Развѣ пауки хоронятъ своихъ покойниковъ?

— Во первыхъ, этотъ паукъ не покойникъ, а во вторыхъ, его зарыли не пауки.

— Какъ? Да вѣдь онъ не двигается?

— Не двигается, но живъ и только парализованъ. Его ужалила и зарыла земляная оса. Спросите-ка у Лампира, онъ вамъ разскажетъ кое-что на этотъ счетъ.

Лампиръ утвердительно кивнулъ головой.

Я сталъ просить кузину, чтобы она объяснила мнѣ эту тайну.

— Тутъ нѣтъ никакой тайны, сказала она. Знаете-ли вы наѣздниковъ или перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ?

— Какже, я ихъ часто видалъ: это—крылатыя насѣкомыя съ очень тонкимъ, длиннымъ туловищемъ, съ красными и черными полосками: въ дѣтствѣ меня предостерегали отъ нихъ, только я не могъ понять, почему; потомъ я забылъ это наставленіе и до сихъ поръ не понимаю его смысла, потому что эти насѣкомыя никогда не дѣлали мнѣ ни малѣйшаго вреда.

— Еще бы! Кто же пробьетъ вашу броню? Я тоже не боюсь ихъ, но они опасны для тѣхъ, у кого тѣло не такъ хорошо защищено, какъ наше. Знайте же, что наѣздники, по крайней мѣрѣ ихъ самки, ведутъ безпощадную войну съ другими насѣкомыми; наѣздниковъ очень много; они бываютъ всевозможныхъ размѣровъ и всякаго цвѣта; нѣкоторые, какъ вамъ извѣстно, черные съ краснымъ; болѣе крупные—охотятся на гусеницъ и большія личинки, мелкіе—разыскиваютъ травяныхъ вшей и маленькія личинки. Но, замѣтьте, они не ѣдятъ ихъ, а кладутъ въ ихъ тѣло свои яйца, прокалывая ихъ предварительно жаломъ. Вылупясь изъ яицъ, червячки

проникаютъ подъ кожу своей жертвы и истачиваютъ ее заживо.

— Это ужасно!

— Трудно представить себѣ, какое количество насѣкомыхъ убиваютъ наѣздники, а главное — сколько они истребляютъ гусеницъ: это — ихъ любимая добыча.

— Какая ужасная смерть! Только я не понимаю, что́ общаго...

— А вотъ вы сейчасъ поймете. Земляныя осы, о которыхъ я сейчасъ разсказывалъ вамъ, шершни и пчелоѣды приходятся сродни наѣздникамъ. Подобно имъ, они кладутъ яйца въ тѣло другихъ насѣкомыхъ, но предварительно парализуютъ ихъ, впуская въ нихъ ядъ, который не убиваетъ, а производитъ онѣмѣніе, и вслѣдъ затѣмъ зарываютъ свою жертву. Они это дѣлаютъ для того, чтобы жертвы не могли отдѣлаться отъ своей несчастной доли до того момента, пока изъ яйца вылупится личинка, которая должна пожрать ихъ.

— Теперь я начинаю смекать. Но этотъ способъ, по моему мнѣнію, менѣе жестокъ, чѣмъ поступки наѣздниковъ: одеревенѣвшая жёртва по крайней мѣрѣ не страдаетъ.

— Ошибаетесь! воскликнулъ свѣтлякъ: — хотя жертва парализована и не въ состояніи двигаться, однако она не утрачиваетъ чувствительности и остается въ полномъ сознаніи. Я самъ разъ сдѣлался жертвою земляной осы.

— Неужели?

— Это истинная правда.

— Однако, глядя на васъ, трудно повѣрить этому.

— Пожалуй, вы правы, но я избавился отъ смерти только благодаря исключительному случаю.

— Разскажите, пожалуйста, какъ это случилось?

— Извольте.

Это было въ концѣ прошлаго мѣсяца. Вышелъ я какъ-то утромъ изъ подъ камня, подъ которымъ дремалъ днемъ, и побрелъ между густой травой, какъ вдругъ почувствовалъ уколъ въ спину, а поднявъ глаза, увидалъ, что надо мной кружится земляная оса. Я не успѣлъ даже сообразить хорошенько, что̀ со мною случилось, и тотчасъ почувствовалъ такой упадокъ силъ, что не могъ пошевельнуться. Мною овладѣло полное оцѣпенѣніе, а земляная оса зарыла меня въ землю вмѣстѣ съ паукомъ и гусеницей. У каждаго изъ насъ было приклеено къ кожѣ по яйцу, и я зналъ, что изъ этого яйца должна выйдти личинка, которая будетъ питаться моимъ тѣломъ. Положеніе было ужасное, согласитесь. Моя лампа слабо озаряла углубленіе, въ которомъ я лежалъ вмѣстѣ съ моими товарищами. Они не хуже моего понимали, какая участь ожидала ихъ; я это видѣлъ по ихъ глазамъ, потому что только посредствомъ взглядовъ мы могли обмѣниваться мыслями, а мысли эти были самыя гнетущія. Нѣсколько дней прошло въ томительной тоскѣ и въ ожиданіи чего-то ужаснаго; объ этихъ дняхъ я не могу вспомнить безъ содроганія. Потомъ я видѣлъ, какъ яйца на спинахъ моихъ товарищей мало-по-малу раскрылись и изъ нихъ выползли отвратительные червяки, проникшіе подъ ихъ

кожу. Глаза несчастныхъ выражали ужасъ и самыя жгучія страданія, но, подобно мнѣ, они не могли пошевельнуться. Такая же участь ожидала и меня. Я сталъ слѣдить за развитіемъ приклееннаго ко мнѣ яйца и не сводилъ съ него глазъ. Мнѣ ежеминутно казалось, что оболочка его вздрагиваетъ и что вотъ-вотъ наступитъ роковой моментъ вылупливанія. Иногда мнѣ казалось, что оно растетъ и принимаетъ чудовищные размѣры; оно то давило меня своею тяжестью, то невыносимо жгло. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно присосалось, я чувствовалъ острую, невообразимую боль. Мнѣ стоило сдѣлать лишь легкое движеніе, чтобы сбросить его съ себя, но этого-то я и не могъ. Однако яйцо еще не лопнуло, и страданія мои были чисто-нравственныя, вызванныя моимъ сильно-возбужденнымъ воображеніемъ; но тѣмъ не менѣе я страдалъ невыносимо до того, что наконецъ впалъ въ безпамятство. Сколько времени я пробылъ въ такомъ состояніи, право не знаю. Когда я пришелъ въ себя, ничто вокругъ меня не измѣнилось, только трупы моихъ на половину съѣденныхъ товарищей распространяли смрадный запахъ; моя лампа еще слабо свѣтилась, а яйцо, державшееся по прежнему на моемъ тѣлѣ, еще не лопнуло. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы оторвать его и, о, чудо! мое оцѣпенѣніе вдругъ прошло, а яйцо откатилось далеко отъ меня».

— И онъ однимъ скачкомъ вспрыгнулъ на лапы, продолжала медвѣдка; потомъ углубился въ разрыхленную землю, изъ которой состояли стѣнки углубленія, и скоро пробилъ себѣ дорогу на верхъ. Черезъ минуту спустя онъ былъ спасенъ. Да, мой другъ, можете похвастаться, что

избавились отъ лютой смерти, прибавила она:—ваше яйцо было негодное, хотя оно васъ порядкомъ измучило. Ну, любезный братецъ, поняли вы теперь?

— Еще бы! Стало быть, этотъ паукъ...

— Его ужалила земляная оса, какъ нашего друга Лампира.

— А гдѣ же у него яйцо?

— Вотъ оно, взгляните: между передними лапами.

Я дѣйствительно увидалъ яйцо. Свѣтлякъ вдругъ бросился къ пауку и, въ порывѣ бѣшенства, раскусилъ яйцо своими челюстями. Разсказъ о постигшемъ его несчастіи оживилъ въ его памяти тяжелые дни и снова пробудилъ въ немъ ненависть къ земляной осѣ и ея потомству.

— Стало быть теперь этотъ паукъ спасенъ? спросилъ я.

— Разумѣется.

— И онъ выйдетъ изъ своего оцѣпенѣнія?

— Безъ всякаго сомнѣнія; онъ черезъ нѣсколько времени очнется, потому что освобожденъ отъ яйца.

— Ну, Лампиръ, вы оказали ему большую услугу и пріобрѣли права на его благодарность.

— А я то? Да вѣдь я же, кажется, спасла ему жизнь: я вытащила его изъ подъ земли. Безъ меня онъ еще валялся бы тамъ и не избѣгъ бы своей участи.

— Милая кузина, шепнулъ я ей на ухо:—не забывайте, что вы меня сейчасъ угощали этимъ паукомъ, и онъ это слышалъ, поймите это.

— Ваша правда; признаться сказать, мнѣ и теперь ужасно хочется прикончить его.

— Нѣтъ, сжальтесь надъ нимъ. Онъ будетъ

такъ счастливъ, когда оживетъ, что не попомнитъ вамъ зла. Къ тому же, пауки не отличаются особенною тонкостью чувствъ. Онъ не будетъ сердиться на васъ за то, что вы имѣли относительно его намѣренія, которыя онъ самъ имѣлъ бы на вашемъ мѣстѣ.

— Вы хотите во что бы то ни стало спасти его? Извольте.

Я сталъ разсматривать паука, котораго спасъ отъ неминуемой смерти; потрогавъ его лапки, я убѣдился, что онѣ сохранили свою гибкость; глаза его были полны жизни, чего я сначала не замѣтилъ. Паукъ былъ крупный и красивый. Я перетащилъ его въ уголъ и оставилъ тамъ, пока онъ опомнится.

— Теперь, послѣ ужина, обратилась ко мнѣ медвѣдка, разскажите-ка намъ вашу исторію. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, какія обстоятельства доставили мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами? Близко-ли вы живете?

— Не очень. Я шелъ съ часъ, но, правда, останавливался и могъ бы пройти это самое пространство въ полчаса, если бы меня ничто не задерживало.

— Неужели цѣлый часъ? Да вѣдь это цѣлое путешествіе. Стало быть, вы не на прогулкѣ завернули сюда?

— Нѣтъ. Честь имѣю представиться, я—бездомный бродяга.

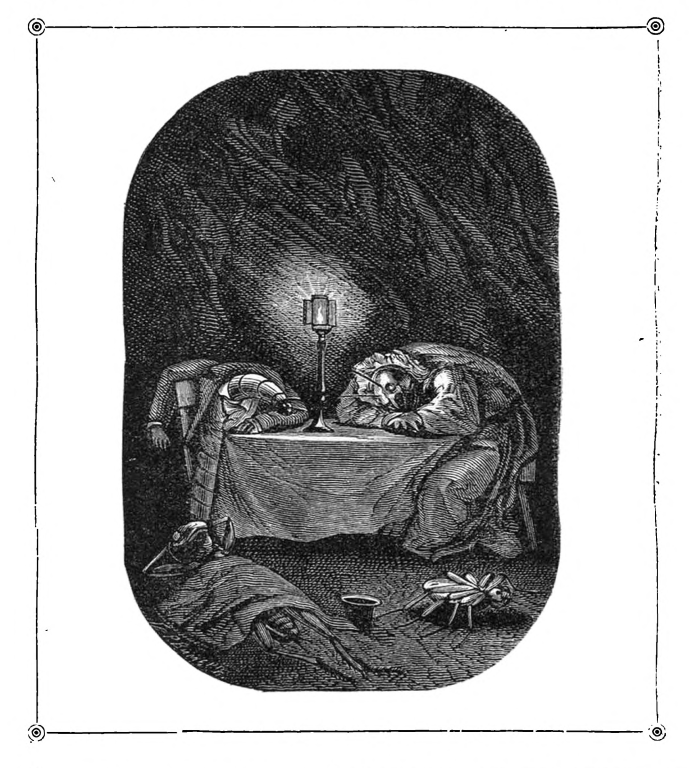
— Полноте, вы шутите.

— Къ сожалѣнію, мнѣ не до шутокъ; я—

дѣйствительно скиталецъ, и у меня нѣтъ ни кола, ни двора.

— Что же это значитъ?

— Я вамъ говорю истинную правду: я покинулъ свой домъ навсегда и разскажу вамъ, почему я рѣшился на такой серьезный шагъ; только

мнѣ придется начать разсказъ съ довольно отдаленнаго времени.

— Мы будемъ слушать васъ съ величайшимъ вниманіемъ. Это очень интерсно.

Я разсказалъ медвѣдкѣ и свѣтляку вкратцѣ и безъ малѣйшей утайки всю свою жизнь, всѣ

событія, которыя, своимъ послѣдовательнымъ сцѣпленіемъ, поставили меня въ печальную необходимость покинуть родную сторону; я передалъ имъ всѣ свои впечатлѣнія съ момента выхода изъ дома, всѣ путевыя приключенія до той минуты, пока кузина испугала меня, положивъ мнѣ на плечо свою увѣсистую лапу.

— Теперь, сказалъ я въ заключеніе, я намѣренъ искать уединеннаго уголка, гдѣ бы я могъ жить спокойно и беззаботно. Впрочемъ, мнѣ все равно, гдѣ ни поселиться,—на этотъ счетъ у меня нѣтъ никакого опредѣленнаго плана.

— Да объ этомъ сегодня не стоитъ и толковать, сказала медвѣдка:—поговоримъ объ этомъ завтра. А теперь пора и на боковую; гроза пронеслась и наводненія нечего опасаться. Лампиръ! вамъ поздно идти домой—ночуйте у меня.

Свѣтлякъ принялъ любезное приглашеніе. Я и самъ былъ не прочь проспать нѣсколько часовъ и оправиться отъ усталости и треволненій. Мы улеглись, кто какъ могъ, чтобы провести ночь съ возможнымъ комфортомъ, и вскорѣ въ нашей подземной залѣ водворилась невозмутимая тишина.

ГЛАВА IV.

Дружеская бесѣда.

Намъ удалось насладиться безмятежнымъ спокойствіемъ: вся ночь прошла совершенно благополучно. Проснувшись, я увидалъ все въ такомъ же положеніи, какъ вчера вечеромъ. Лампа Лампира по прежнему освѣщала нашу столовую, превращенную въ спальню; только невозможно было узнать, который часъ. Я замѣтилъ это медвѣдкѣ, которая только что проснулась.

— Теперь уже совсѣмъ разсвѣло, отвѣчала она: можете идти привѣтствовать солнце, а я тѣмъ временемъ приготовлю вамъ завтракъ.

— Интересно знать, какимъ образомъ вы слѣдите за временемъ въ вашемъ подземномъ жилищѣ?

— Очень просто: мои сосѣдки - осы извѣщаютъ меня, который часъ. Слышите, какъ онѣ шумятъ? И такой шумъ бываетъ у нихъ каждый день по утрамъ.

— Я послѣдую вашему совѣту и выйду на минутку; по какому изъ этихъ двухъ коридоровъ мнѣ идти? Кажется, мы вчера спустились сюда по этому?

— Да, идите смѣло и не бойтесь заблудиться.

Я вошелъ въ указанную галлерею. Вскорѣ стало совершенно темно; но я шелъ, не боясь сбиться, потому что этотъ коридоръ не имѣлъ боковыхъ вѣтвей и велъ изъ подземной залы къ поверхности.

Дѣйствительно, вскорѣ я замѣтилъ слабый свѣтъ, который постепенно становился ярче, и выбрался наружу. Пройдя нѣсколько шаговъ, я очутился въ большой аллеѣ сада.

Утро стояло прекрасное. Солнце пронизывало своими лучами розоватый туманъ и только что поднялось на горизонтѣ; воздухъ, пропитанный ароматомъ, былъ такъ свѣжъ и живителенъ, какъ обыкновенно бываетъ раннимъ утромъ. Вчерашняя гроза не оставила никакихъ разрушительныхъ слѣдовъ, только кое-гдѣ на листьяхъ земляники дрожали капли дождя, искрившіяся на солнцѣ, какъ бриллiанты.

Я привѣтствовалъ солнце нѣсколькими веселыми трелями. Всѣ мои мрачныя мысли разсѣялись и будущее представилось мнѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ; дѣйствительно, наши впечатлѣнія зависятъ не столько отъ положенія, сколько отъ той окраски, которую придаетъ ему наше душевное состояніе.

Предаваясь такимъ размышленіямъ, я снова спустился по тому же коридору къ своимъ друзьямъ на завтракъ.

Лампиръ проснулся; медвѣдка разставила посереди залы разныя яства и ожидала только меня, чтобы приняться за завтракъ. Утренняя прогулка возбудила мой апетитъ и, обмѣнявшись

со свѣтлякомъ нѣсколькими любезными привѣтствіями, я поспѣшилъ приняться за предложенную трапезу. Блюда были такія же, какъ вчера.

Я спросилъ медвѣдку, трудно ли ей добывать припасы.

— Напротивъ, очень легко, отвѣчала она. Въ этой мѣстности очень много личинокъ-жуковъ. Какъ вамъ извѣстно, эти личинки особенно любятъ земляничные и латуковые корешки, и мои родители не напрасно устроили меня здѣсь. Кромѣ того, въ этомъ саду множество разнообразныхъ растеній и деревьевъ, на которыхъ живутъ цѣлые сонмы шершней и божьихъ коровокъ, а онѣ должны, какъ вамъ извѣстно, зарыться въ землю передъ своимъ превращеніемъ. Поэтому почва здѣсь буквально усѣяна всевозможными личинками и куколками, такъ что я живу въ полномъ довольствѣ. Но у всякой медали есть оборотная сторона, и мое довольство имѣетъ свои неудобства: я не одна пользуюсь имъ. Иногда кроты и землеройки охотятся въ моей области, а если я имъ попадусь въ лапы, то моя пѣсенка будетъ скоро спѣта! Къ счастію, у меня тонкій слухъ: я всегда во-время узнаю о ихъ приближеніи и спасаюсь въ свои коридоры, слишкомъ узкіе для нихъ. Боюсь я только ночнаго нападенія, а потому всегда бываю на чеку.

— Другимъ опасностямъ вы не подвергаетесь?

— О, есть и другія. Меня, напримѣръ, возненавидѣлъ садовникъ. Вообразите, ему пришло въ голову, что я порчу его растенія, и онъ приписываетъ мнѣ опустошенія, которыя производятъ на земляничныхъ грядкахъ личинки жуковъ! За послѣднее время онъ разставляетъ на меня всевозможныя ловушки. На дняхъ я замѣтила,

на пути къ одной изъ моихъ галерей, горшокъ, зарытый такимъ образомъ, что если бы я по неосторожности попала въ него, то ужь потомъ не выбралась бы. Третьяго дня со мной чуть не случилась бѣда.

— Есть ли у васъ родственники по сосѣдству?

— Да. Наша семья довольно многочисленна

и штукъ двадцать нашихъ живутъ въ окрестностяхъ.

— Видаетесь-ли вы съ ними?

— Иногда меня навѣщаетъ одна изъ сестеръ. Она очень пріятная собесѣдница и мнѣ бываетъ съ ней очень весело. Ее-то я и поджидала вчера вечеромъ, когда вы свалились ко мнѣ съ неба.

— У васъ здѣсь въ сосѣдствѣ и колонія осъ?

— Да.

— Ну, не завидую вамъ.

— Да я же къ нимъ не хожу, по крайней мѣрѣ я не бываю у нихъ сознательно.

— А по ошибкѣ—случается?

— Да, разъ случилось.

— Разскажите, пожалуйста, какъ это было?

— Разъ я рыла себѣ галерею и попала по неосторожности въ ихъ жилище.

— Вы могли дорого поплатиться за эту неосторожность.

— Къ счастію, онѣ меня не замѣтили, и я поскорѣе убралась, только заглянула въ отверстіе, которое пробила въ ихъ стѣнѣ.

— Что же вы увидали?

— Нѣчто очень любопытное: въ огромномъ углубленіи будто висѣли штукъ двѣнадцать горизонтальныхъ площадокъ, связанныхъ между собою чѣмъ то въ родѣ столбовъ. Эти площадки состояли изъ безчисленнаго множества маленькихъ ячеекъ, въ которыхъ сидѣли червячки—вѣроятно осиныя личинки. Цѣлый сонмъ осъ кормилъ эти личинки, а другія устраивали между тѣмъ новыя ячейки. Все это я видѣла только мелькомъ, потому что, разумѣется, мнѣ было не до того, чтобы изучать ихъ внутреннюю жизнь въ подробностяхъ. Я только думала, какъ бы убраться по добру, по здорову. Я поскорѣе съ грѣхомъ пополамъ заложила отверстіе въ стѣнѣ — и давай Богъ ноги.

— А легко ли вы пробили это отверстіе?

— Довольно легко. Стѣны у нихъ неособенно толсты: онѣ состоятъ изъ двѣнадцати тонкихъ слоевъ земли, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустымъ пространствомъ.

— Велико ли населеніе осинаго города? спросилъ я.

— Очень велико,—ихъ тамъ нѣсколько тысячъ по крайней мѣрѣ.

— Онѣ и зимуютъ подъ землею?

— Да, но многія погибаютъ осенью. Что же касается моихъ сосѣдокъ, то имъ, кажется, грозитъ въ скоромъ времени катастрофа.

— Какая катастрофа?

— Да видите ли, онѣ плохо выбрали мѣсто жительства и не нынче-завтра садовникъ съиграетъ надъ ними какую нибудь штуку.

— Что же онъ замышляетъ?

— А вотъ что: онъ на зарѣ польетъ ихъ гнѣздо какою-то удушливою жидкостью... Какъ-бишь ее называютъ?

— Бензиномъ, подсказалъ Лампиръ.

— Послѣ этого онъ опрокинетъ горшокъ надъ выходомъ изъ гнѣзда и преспокойно отправится домой.

— Что же будетъ съ осами?

— Онѣ всѣ погибнутъ. Нѣсколько времени въ ихъ подземельи будетъ страшный шумъ и суматоха, но постепенно все утихнетъ и наконецъ водворится полная, мертвая тишина.

— Это ужасно!

— Ужасно, но что же дѣлать?

— А вѣдь вы могли бы спасти ихъ.

— Ужь не посовѣтуете ли вы мнѣ прорыть имъ новый выходъ?

— Да.

— Спасибо! Ужь этого-то я не сдѣлаю! Я была бы первою ихъ жертвою.

— Но вы могли бы сказать имъ, что приходите спасать ихъ.

— Полноте!.Онѣ прежде всего убили бы меня. Развѣ можно разсуждать съ осами, да еще съ

бѣшеными, — потому что онѣ взбѣсятся, когда узнаютъ, что ихъ заперли.

— А если-бы вы теперь предупредили ихъ о грозящей опасности?

— Онѣ обругали бы меня старой дурой и вытолкали бы вонъ съ наставленіемъ, чтобы я не вмѣшивалась въ чужія дѣла. Да вы, я вижу, не знаете осъ! Онѣ считаютъ себя гораздо умнѣе насъ съ вами.

— Стало быть, онѣ похожи на пчелъ? Возлѣ моего жилища росъ репейникъ, на который онѣ часто слетались. Я нѣсколько разъ любезно заговаривалъ съ ними, но онѣ отвѣчали весьма холодно; однѣ угрюмо молчали, другія называли меня безполезнымъ лѣнивцемъ и тунеядцемъ, а самыя вѣжливыя говорили, что имъ некогда терять время на праздныя бесѣды; словомъ, изъ знакомства съ ними я вывелъ заключеніе, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ — умѣ и трудолюбіи — онѣ имѣютъ довольно дурной характеръ.

— Даже очень дурной: онѣ раздражительны, вспыльчивы и мстительны, а осы еще хуже ихъ.

— Вы положительно питаете къ нимъ антипатію, сказалъ я смѣясь.

— Я къ нимъ совершенно равнодушна, потому что не имѣю съ ними никакихъ отношеній, а говорю я объ нихъ только по наслышкѣ. Если на нихъ нападутъ, пусть защищаются, какъ могутъ: мое дѣло—сторона.

— Быть можетъ, вы и правы. Но скажите пожалуйста, за что садовникъ преслѣдуетъ ихъ?

— За очень многое: во-первыхъ, онѣ поѣдаютъ у него персики, виноградъ, сливы и груши, однимъ словомъ самые лучшіе плоды; во-вторыхъ, когда хозяинъ дома садится за столъ съ семействомъ,

... барыня сердится и кричитъ отъ испуга, дѣти тоже, баринъ вскакиваетъ и отмахивается салфеткой (49).

онѣ безцеремонно влетаютъ въ комнату и садятся на блюда, жужжатъ вокругъ головы барыни и дѣтей; барыня сердится и кричитъ отъ испуга, дѣти тоже, баринъ вскакиваетъ и отмахивается направо и налѣво салфеткой; однимъ словомъ, навязчивыя насѣкомыя мѣшаютъ имъ кушать. Ужасные нахалы!

— Вы разсказываете это такъ живо, какъ будто сами видѣли эту сцену.

— Положимъ, я-то сама не видала, но моя пріятельница, большая голубая муха, часто присутствуетъ при такихъ сценахъ и разсказывала мнѣ ихъ именно такъ, какъ я вамъ ихъ передаю.

— Описаніе совершенно вѣрное, замѣтилъ свѣтлякъ:—я самъ жилъ цѣлую недѣлю въ столовой замка и былъ свидѣтелемъ такой сцены.

— Вы жили въ замкѣ? Зачѣмъ вы туда попали?

— О, я попалъ туда не по собственной волѣ. Разъ вечеромъ дѣти хозяина увидали свѣтъ моего фонаря, схватили меня и посадили въ стеклянную вазочку на каминѣ. Я, разумѣется, догадался потушить свою лампу. На другой день вазочку переставили съ камина на этажерку, и всѣ забыли обо мнѣ. Черезъ нѣсколько дней служанка вытирала пыль съ этажерки, увидала меня и выкинула на полъ съ намѣреніемъ раздавить меня. Къ счастью, я попалъ въ одну изъ щелей пола и такимъ образомъ избѣгъ смерти. Ночью мнѣ удалось выбраться изъ замка, и я благополучно возвратился домой. Пора было вырваться на свободу, потому что я чуть не умеръ съ голоду.

— А у васъ, кажется, было много приключеній, Лампиръ?

— О, я бы могъ разсказать вамъ много интереснаго. Разъ, напримѣръ, я очутился въ челю-

стяхъ жужелицы, которая потащила меня въ свое гнѣздо съ явнымъ намѣреніемъ сожрать, и опять-таки меня выручилъ изъ бѣды совершенно непредвидѣнный случай: въ попыхахъ моя жужелица наткнулась на такого же вѣтренника, какъ

она сама, и стукнулась объ него головой; между обоими разбойниками завязалась драка, а я воспользовался удобной минутой и убѣжалъ.

— Скверное отродье! проворчалъ я сквозь зубы.

— Другъ мой Лампиръ, сказала медвѣдка, вамъ не сдобровать, попомните мое слово! Ну, скажите сами, благоразумно ли гулять по вечерамъ, по опаснымъ дорогамъ, съ зажженной лампой. Какая дикая фантазія! Неужели вы не можете ходить въ потьмахъ, какъ всѣ?

— Таковъ установившійся въ нашей семьѣ обычай, отвѣчалъ свѣтлякъ.

— Обычай обычаемъ, но надо подумать, разумно ли соблюдать его? Признаться сказать, по моему, онъ не приноситъ никакой пользы, а только вреденъ.

— А между тѣмъ соблюдать его слѣдуетъ.

— Почему?

— Моя лампа служитъ сигналомъ.

— Я не понимаю.

— Ну, назовите ее пожалуй маякомъ.

— Кому этотъ маякъ нуженъ? Вашимъ врагамъ?

— Нѣтъ, напротивъ того, друзьямъ.

Настойчивость, съ которою моя кузина разспрашивала о назначеніи его лампы, повидимому раздражала Лампира. Медвѣдка удивилась, услыхавъ послѣднія слова своего пріятеля или, вѣрнѣе, своей пріятельницы.

Свѣтлякъ повидимому былъ смущенъ неожиданно вырвавшимся у него признаніемъ, и я замѣтилъ, что ему хотѣлось замять непріятный разговоръ. Медвѣдка посмотрѣла на него насмѣшливо, потомъ обратилась ко мнѣ и прыснула со смѣху. Я уже замѣтилъ, что моя кузина, особа почтенная во всѣхъ отношеніяхъ, не отличалась особеннымъ знаніемъ свѣтскихъ приличій и деликатностью манеръ. Однако у нея хватило такта, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Все это очень мило и поэтично, мой другъ,— да, именно поэтично,—а все-таки вамъ съ вашимъ нелѣпымъ обычаемъ не сдобровать, ужь это какъ Богъ святъ!

— Можетъ быть. Но вѣдь и васъ, помнится, сейчайсъ упрекали въ разсѣянности, которая неоднократно чуть не погубила васъ. Всякому своя доля. У меня на глазахъ погибали многіе, гораздо болѣе осторожные собратья. Я буду жить по своему, пока пробьетъ мой часъ,—вѣдь отъ судьбы не уйдешь.

— Вы однако фаталистъ и глубокій философъ, замѣтилъ я.

— Да, это результатъ многихъ наблюденій и глубокихъ размышленій.

— Я преклоняюсь передъ вашимъ разумомъ и симпатизирую вашимъ поэтическимъ чувствамъ.

— Видите ли, моя опытность созрѣла подъ вліяніемъ несчастій.

— Что вы тамъ толкуете! вскрикнула медвѣдка. Все это громкія фразы. Лучше закусите-ка еще, господа; вы вѣрно ужь успѣли проголодаться.

— Какъ, опять закусывать? Да мы только что позавтракали, и я совершенно сытъ.

— Какъ вамъ угодно; я же опять буду ѣсть.

— Сколько разъ въ день вы кушаете?

— Да по крайней мѣрѣ разъ двѣнадцать, а то и больше, но не больше двадцати разъ, и, замѣтьте, я всегда ѣмъ съ одинаковымъ апетитомъ.

— Вотъ такъ желудокъ! Такъ вы почти всю жизнь ѣдите?

— Именно, любезный братецъ; но я знаю другихъ, которые проводятъ свою жизнь еще хуже.

— Разумѣется. Будьте увѣрены, что я не хотѣлъ попрекнуть васъ вашимъ необыкновеннымъ

апетитомъ, а напротивъ того: вполнѣ сочувствую столь полезному употребленію времени. Теперь позвольте откланяться вамъ,—я пойду погрѣюсь на солнцѣ и попробую голосъ. Прогуляемся вмѣстѣ, Ламниръ?

— Извините, я не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ, отвѣчалъ свѣтлякъ; я выхожу только по вечерамъ; это вошло у меня въ привычку послѣ моего несчастнаго приключенія съ земляной осой.

ГЛАВА V.

Проблески счастья.

Я снова отправился по коридору къ выходу, а выбравшись изъ подземелья, усѣлся на комкѣ земли, близъ отверстія грота,—въ этомъ мѣстѣ сквозь листья земляники проникали веселые теплые лучи солнца. Приподнявъ слегка свои надкрылья, я принялъ воздушную ванну, наслаждаясь обдававшимъ меня со всѣхъ сторонъ теплымъ влажнымъ воздухомъ, подъ зеленымъ навѣсомъ кустиковъ. Потомъ я приступилъ къ своему туалету. Опрятность и нѣкоторое щегольство у насъ въ роду. Мы любимъ чистоту, пріятный запахъ и не терпимъ никакой вони. Потому-то мнѣ было особенно непріятно оскорбленіе, которое нанесла мнѣ вчера жужелица. Я невольно вспоминалъ объ немъ, занимаясь чисткой ногтей, и краска негодованья выступила у меня на лицѣ. Но я вскорѣ отогналъ это докучное воспоминанье и, желая настроить себя подъ ладъ красотамъ окружавшей меня мѣстности, сталъ распѣвать самыя веселыя пѣсни своего репертуара.

Я былъ въ ударѣ и пѣлъ долго. Подчасъ я останавливался и прислушивался, не откликается ли мнѣ какой нибудь родной голосъ; но, повиди-

мому, въ этой мѣстности не было сверчковъ, потому что никто не вторилъ мнѣ. Съ непривычки это молчаніе показалось мнѣ страннымъ. Впрочемъ, признаюсь, оно произвело на меня скорѣе пріятное, чѣмъ тягостное впечатлѣніе, и это вполнѣ понятно: я слишкомъ много выстрадалъ отъ враждебнаго настроенія своихъ братьевъ, такъ что голосъ сверчковъ давно потерялъ для меня то обаяніе, которое имѣлъ бы, если бы братья были моими друзьями.

Время летѣло незамѣтно. Чувство свободы и отсутствіе заботъ охватило меня съ такою силой, что я никакъ не могъ рѣшиться кончить концертъ, которымъ наслаждался одинъ. Увлекаясь звуками собственнаго голоса, я мало по малу впалъ въ какое то блаженное безуміе и сталъ скакать и жестикулировать, какъ съумасшедшій. «Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ стѣсняться наединѣ?» думалъ я. Оказалось, однако, что я ошибся: у меня былъ свидѣтель. Въ самомъ разгарѣ моей пляски я увидѣлъ кузнечика, который, сидя неподвижно на листикѣ неподалеку отъ меня, смотрѣлъ на меня изумленнымъ, насмѣшливымъ взоромъ. Какъ онъ ухитрился подкрасться такъ незамѣтно? Давно ли онъ слѣдилъ за мной? Право, не знаю; только при видѣ его я растерялся, мое блаженное упоенье мигомъ изчезло, и я остолбѣнѣлъ, замеръ на мѣстѣ въ самой смѣшной позѣ, на трехъ лапахъ, поднявъ къ верху остальныя. Мысль, что я невѣроятно смѣшенъ, тотчасъ мелькнула у меня въ умѣ, и я намѣревался-было дать тягу. Но отъ смущенья я не сразу нашелъ входъ въ коридоръ, а тѣмъ временемъ успѣлъ одуматься и рѣшилъ, что не слѣдуетъ увѣнчивать одну глупость другою.

Я рѣшился смѣло взглянуть въ глаза кузнечику: то былъ молодой, красивый, рослый зеленый кузнечикъ женскаго пола. Юная красавица сидѣла по прежнему неподвижно и продолжала разсматривать меня чрезвычайно насмѣшливымъ, вызывающимъ взоромъ. Пришлось перемѣнить позу и принять какой нибудь менѣе комичный видъ. Не зная, какъ выйдти изъ своего неловкаго положенія, я расхохотался. Зеленая красавица сначала улыбнулась, но смѣхъ заразителенъ, — и она тоже невольно поддалась порыву беззавѣтной веселости.

Это выручило меня изъ глупаго положенія.

— Я въ восторгѣ отъ этой пріятной встрѣчи, очаровательный кузнечикъ,—сказалъ я.—Я былъ убѣжденъ, что совершенно одинъ, но благословляю счастливый случай, которому обязанъ знакомствомъ съ такимъ прелестнымъ существомъ.

— Полно, такъ ли, любезный сверчекъ? Мнѣ такъ сдается, что мое присутствіе нѣсколько удивило, даже смутило васъ.

— Не скрою, я точно удивился. Давно-ли вы здѣсь?

— Я проходила мимо совершенно случайно и остановилась на минутку изъ любопытства. Вы были въ самомъ веселомъ настроеніи, если я не ошибаюсь.

— Изволите-ли видѣть, иногда стараешься отуманить себя. Но вы видите передъ собой самаго несчастнаго изъ сверчковъ.

— Неужели? Этому трудно повѣрить.

— А между тѣмъ оно такъ.

— Странно же вы выражаете свое горе.

— Ахъ, сударыня, этотъ припадокъ веселости

... я впалъ въ какое то болѣзненное состоянiе и сталъ скакать какъ сумасшедшiй (стр. 55).

былъ лишь средствомъ забыться! Я — несчастный изгнанникъ!

— Изгнанникъ?

— Да, я вамъ говорю истинную правду. Моя родина далеко отсюда. Незаслуженная ненависть семьи вынудила меня покинуть свое жилище, очаровательную мѣстность, среди которой протекло мое беззаботное дѣтство; я долженъ былъ рѣшиться на добровольное изгнаніе, потому что смутные заговоры грозили опасностью моей жизни.

— Несчастный сверчокъ!

— Я пришелъ сюда, подвергаясь многимъ опасностямъ, и наконецъ счастливый случай свелъ меня съ родственницею, которая радушно предложила мнѣ свое гостепріимство.

— Кто это?

— Медвѣдка почтенныхъ лѣтъ; вотъ входъ въ ея жилище.

— Я ее знаю: это — прекрасная особа.

— Прекрасная, только немножко эксцентричная.

— Я съ вами согласна.

— Вы, кажется, сказали, что знакомы съ нею?

— Я знаю ее очень мало. Она вѣдь такая домосѣдка. Впрочемъ я слышала про нее отъ общихъ знакомыхъ.

— А вы сами здѣшняя? У васъ здѣсь родные, друзья?

— Да, я родилась въ этихъ грядкахъ земляники и не покидала ихъ.

Мы проговорили съ часъ о разныхъ разностяхъ. Новая знакомая все больше и больше нравилась мнѣ, а бесѣда съ нею доставляла мнѣ особенное удовольствіе.

— Прелестная мѣстность, сказалъ я: — я думаю

поселиться здѣсь. Вы иногда заходите сюда во время прогулокъ?

— Иногда захожу. Я иду себѣ, куда глаза глядятъ

— Очаровательное существо! Какъ я счастливъ, что встрѣтилъ васъ! Вы, кажется, сочувствуете моему бѣдственному положенію; въ вашемъ обаятельномъ голосѣ звучитъ состраданіе! Слушая васъ, я забываю пережитыя страданія.

— Прощайте, прекрасный сверчокъ. Мнѣ пора домой.

— Какъ! Вы уходите?

— Что же дѣлать—пора!

— Увижу ли я васъ опять?

— Можетъ быть.

Она граціозно кивнула мнѣ на прощанье и однимъ смѣлымъ прыжкомъ кинулась въ про-

странство. Я слѣдилъ за нею нѣсколько минутъ; она беззвучно затрепетала своими нѣжными зелеными крылышками и исчезла вдали.

Я задумался, устремивъ взоръ на то мѣсто, гдѣ изчезла моя зеленая красавица. Между тѣмъ свечерѣло, и я чрезвычайно удивился, замѣтивъ, что солнце уже близко къ закату. Какъ незамѣтно прошелъ день! Мой желудокъ сталъ вступать въ свои права, и я только тутъ хватился, что не ѣлъ съ самаго утра. Пора было идти къ товарищамъ, потому что наступали сумерки, да къ тому-же я очень проголодался. Послѣднее обстоятельство нисколько не тревожило меня, потому что изъ словъ медвѣдки о количествѣ ея трапезъ я заключилъ, что застану столъ накрытымъ.

Дѣйствительно, войдя въ подземную залу, я засталъ кузину закусывавшей въ двѣнадцатый или пятнадцатый разъ личинками; Лампиръ, пріютившись на выступѣ стѣнки, повидимому спалъ глубокимъ сномъ, но изъ любезности оставилъ свою лампу зажженною. Паукъ, все еще не очнувшійся отъ своего оцѣпенѣнія, не шевелился и все лежалъ на боку, вытянувши лапки, въ томъ самомъ углу, куда я его оттащилъ наканунѣ.

— Откуда Богъ несетъ? спросила медвѣдка съ полнымъ ртомъ.—Вы пропадали цѣлый день. Довольны-ли вы своей прогулкой? далеко-ли ходили?

— Нѣтъ, сказалъ я, принимаясь за ѣду,—я не отходилъ отъ вашего жилья. Я увлекся лазурнымъ небомъ, солнечнымъ блескомъ и теплотой

и до сихъ поръ наслаждался природой. У васъ здѣсь прекрасное мѣстоположеніе.

— Признаюсь къ красотамъ природы я довольно равнодушна, но дорожу этою мѣстностью, потому что въ ней такое изобиліе всякихъ припасовъ, а это для меня главное.

— Какое откровенное признаніе!

— Не удивляйтесь ему, мой юный другъ; поживите съ мое и увидите, что ваши воззрѣнія перемѣнятся: поэзію мало-по-малу вытѣснитъ проза, и вы тоже сдѣлаетесь обжорой. Всякому свое, у всякаго возраста свои наслажденія.

— Однако, сколько же вамъ лѣтъ?

— Какой вы нескромный! Развѣ у особъ нашего пола спрашиваютъ о годахъ? Мнѣ столько лѣтъ, сколько даютъ на видъ,—вотъ и все.

— Извините, кузина, сказалъ я со смѣхомъ,— я вовсе не хотѣлъ обидѣть васъ. Вы вчера сказали, что годитесь мнѣ въ бабушки, такъ я думалъ...

— Развѣ я вамъ сказала это? Можетъ быть, ну такъ и довольствуйтесь этимъ неопредѣленнымъ намекомъ; на этотъ счетъ мы не любимъ высказываться ясно.

— Не произошло-ли чего-нибудь новаго въ мое отсутствіе?

— Нѣтъ. Лампиръ все время спалъ, какъ честное насѣкомое съ сытымъ желудкомъ и спокойною совѣстью, а паукъ все еще не переработалъ своего яда.

— Какъ вы думаете, долго ли онъ еще останется въ этомъ состояніи.

— Право, не знаю и мало интересуюсь этимъ. А вотъ скушайте-ка эту куколку: личинки

ихъ водятся въ орѣшникахъ и чрезвычайно вкусны.

— Дѣйствительно, это лакомый кусокъ. Часто-ли вы ихъ находите?

— Здѣсь по близости есть орѣшникъ. Теперь какъ разъ время, когда эти личинки вылѣзаютъ изъ орѣховъ, протачивая ихъ скорлупу, и уходятъ въ землю для превращенія. Онѣ мнѣ часто попадаются, и я особенно дорожу этимъ лакомствомъ.

— Вы имѣете передо мной огромное преимущество: вы въ состояніи рыть землю и отыскивать въ ней свою пищу. Мы же, сверчки, должны довольствоваться тою добычей, которая проходитъ мимо нашего жилья.

— Однако же и вы умѣете рыть землю?

— Да, но только для того, чтобы устраивать себѣ жилье.

— Чѣмъ вы питаетесь?

— Мухами, мокрицами, муравьями.

— Муравьями? Фу, какая гадость! У нихъ отвратительный ѣдкій вкусъ.

— Къ этому можно привыкнуть. Кромѣ того, мы ѣдимъ молодую траву.

— И это не гастрономическое блюдо. Оставайтесь-ка у меня и будете кушать каждый день по царски.

— Благодарю васъ, любезная кузина; я съ удовольствіемъ принялъ бы ваше предложеніе, но есть препятствіе.

— Какое?

— Ваше жилище слишкомъ темно для меня, а Лампиръ не всегда будетъ освѣщать его своимъ фонаремъ; кромѣ того, я люблю солнце и его горячіе лучи.

— И дуновеніе зефира, и ароматъ цвѣтовъ, и красоты природы, и роскошную зелень луговъ и т. д. Понимаю... Ну, такъ поселитесь гдѣ нибудь по близости. Кто вамъ мѣшаетъ вырыть себѣ здѣсь жилье по собственному вкусу?

— Да я ужь думалъ объ этомъ.

— Стало быть, дѣло рѣшеное; остается только исполнить его.

Я счелъ лишнимъ сообщать кузинѣ о своей встрѣчѣ съ кузнечикомъ, потому что она непремѣнно приписала бы этому эпизоду мое внезапное рѣшеніе поселиться въ ея сосѣдствѣ.

— Сыты ли вы, любезный братецъ? Если сыты, то спокойной ночи; а можетъ быть, вы еще пойдете помечтать при лунномъ свѣтѣ?

— Нѣтъ, лягу спать. Вы сегодня не боитесь ночнаго нападенія крота?

— Кажется, сегодня они куда-то скрылись. Во всякомъ случаѣ можете разсчитывать на мою бдительность; при малѣйшей опасности я васъ разбужу.

Ночь прошла не такъ спокойно, какъ предъидущая. Около полуночи—по крайней мѣрѣ мнѣ показалось, что я спалъ довольно долго — меня разбудили какіе-то голоса, и я сталъ прислушиваться. Въ одномъ изъ корридоровъ кто-то разговаривалъ и будто спорилъ; я слышалъ поочередно то голосъ кузины, то какой-то другой, который показался мнѣ до нѣкоторой степени знакомымъ. Подчасъ голоса возвышались и обличали сильный гнѣвъ. Я былъ готовъ бѣжать на помощь родственницѣ при первомъ ея при-

зывѣ, прекрасно сознавая въ то же время, что если ей придется защищаться въ узкой галереѣ, гдѣ происходила ссора, то моя помощь не окажетъ ей особенной пользы — развѣ только противникъ испугается прибытія неожиданнаго подкрѣпленія. Но медвѣдка не прибѣгла къ моему вмѣшательству. Вскорѣ голоса удалились, изъ чего я заключилъ объ отступленіи непріятеля, потомъ наступила полная тишина. А Лампиръ все спалъ и ничего не слыхалъ.

На другой день мы узнали, что моя кузина, спавшая очень чутко, проснулась около трехъ часовъ утра отъ какого-то слабаго звука; онъ походилъ на шуршанье и слышался у входа въ коридоръ; такъ какъ звукъ становился явственнѣй, то она пошла посмотрѣть, не идетъ-ли кто, и очутилась лицомъ къ лицу съ жужелицей, которая — неизвѣстно зачѣмъ — намѣревалась прокрасться въ наше подземелье; кузина потребовала объясненій, и хотя жужелица, по своему врожденному нахальству, отвѣчала очень дерзко, но въ концѣ-концовъ все-таки отступила съ угрозами и ругательствами.

— Ко мнѣ уже не разъ врывались такіе нахалы, сказала медвѣдка, — обыкновенно эти посѣщенія не особенно тревожатъ меня: жужелицы и другіе разбойники такого же рода иногда крадутъ у меня личинки, но это не бѣда: мнѣ только приходится пополнять свои запасы. Но на этотъ разъ я не могла впустить нахальное насѣкомое ради васъ, мой другъ Лампиръ: этотъ разбойникъ, чего добраго, унесъ бы васъ на нашихъ глазахъ.

Лампиръ сталъ благодарить хозяйку, и мы

вдвоемъ принялись расхваливать ея бдительность и храбрость.

— Не расточайте мнѣ такіе лестные комплименты, друзья мои; право, не за что. Я не боюсь жужелицъ и всегда заставляю ихъ отступать.

— Не залила-ли васъ вчерашняя гостья своею вонючею жидкостью?

— Нѣтъ; она не могла повернуться въ моей галереѣ и пятилась до самаго выхода, а я не преслѣдовала ея дальше.

День прошелъ также, какъ и вчерашній. Погода стояла по прежнему прекрасная и я до

самаго вечера распѣвалъ на земляномъ холмикѣ, гдѣ провелъ наканунѣ столь пріятные часы. Къ великому моему сожалѣнію, моя зеленая красавица не пришла. Задержало-ли ее что нибудь? Забыла-ли она меня? Кто знаетъ! Кузнечики такъ легкомысленны! Впрочемъ, моя красавица показалась мнѣ серьезнѣе другихъ: она отнеслась ко мнѣ съ сочувствіемъ, а при прощаніи подала мнѣ нѣкоторую надежду. Но дѣлать нечего, надо было забыть ее; къ тому же было слишкомъ поздно и поджидать ее становилось безполезнымъ. Я побрелъ домой.

Дома я засталъ нѣкоторую перемѣну: паукъ наконецъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія и бесѣдовалъ со свѣтлякомъ. Возлѣ него лежали коекакіе объѣдки. Мнѣ разсказали, что, очнувшись, онъ попросилъ ѣсть, и медвѣдка великодушно дала ему двѣ-три личинки жуковъ, которыми онъ удовольствовался за неимѣніемъ мухъ.

Увидавъ меня, паукъ сталъ выражать мнѣ благодарность за заступничество въ роковой моментъ, когда жизнь его висѣла на волоскѣ; стало быть, онъ слышалъ въ своемъ оцѣпенѣніи нашъ разговоръ. Въ это время медвѣдка ходила взадъ и впередъ съ дѣловымъ видомъ, будто хлопотала по хозяйству: очевидно, ей было неловко, и она старалась заняться чѣмъ нибудь, чтобы не слушать нашего разговора.

Въ этотъ вечеръ мы уже не вели непринужденныхъ дружескихъ бесѣдъ и улеглись спать тотчасъ послѣ ужина. Паукъ расположился рядомъ со мной, Лампиръ устроился по обыкновенію на выступѣ стѣнки, а медвѣдка улеглась у входа въ коридоръ.

ГЛАВА VI.

Ловушка.

Я крѣпко спалъ, какъ вдругъ неожиданный и довольно сильный толчокъ разбудилъ меня.

— Караулъ! кричала медвѣдка:—кротъ, кротъ! Спасайся, кто можетъ!

Услыхавъ этотъ отчаянный крикъ, я вскочилъ на ноги и опрометью бросился въ первый попав-

шійся корридоръ. Въ эту минуту я почувствовалъ, что за меня что-то уцѣпилось, но не до того мнѣ было, чтобы оглядываться и разсматривать, какой посторонній предметъ стѣснялъ мои движенія. Вскорѣ я замѣтилъ, что попалъ не въ тотъ

коридоръ, который ведетъ къ поверхности, но съ просонокъ и подъ вліяніемъ страха я бросился въ первый попавшійся, въ тотъ, возлѣ котораго спалъ. Нѣтъ, я не туда попалъ, мелькнуло у меня въ умѣ, а если дѣйствительно это не тотъ коридоръ, то, спрашивается, куда онъ ведетъ? Чего

добраго, еще запутаешься въ подземномъ лабиринтѣ! Да и темно же тутъ,—ни зги не видать! Какъ бы то ни было, надо было бѣжать во весь духъ, и я дѣйствительно мчался въ какомъ-то изступленіи. Чертъ возьми! что-то пристало къ моему хвосту и тянетъ меня назадъ... Ахъ!..

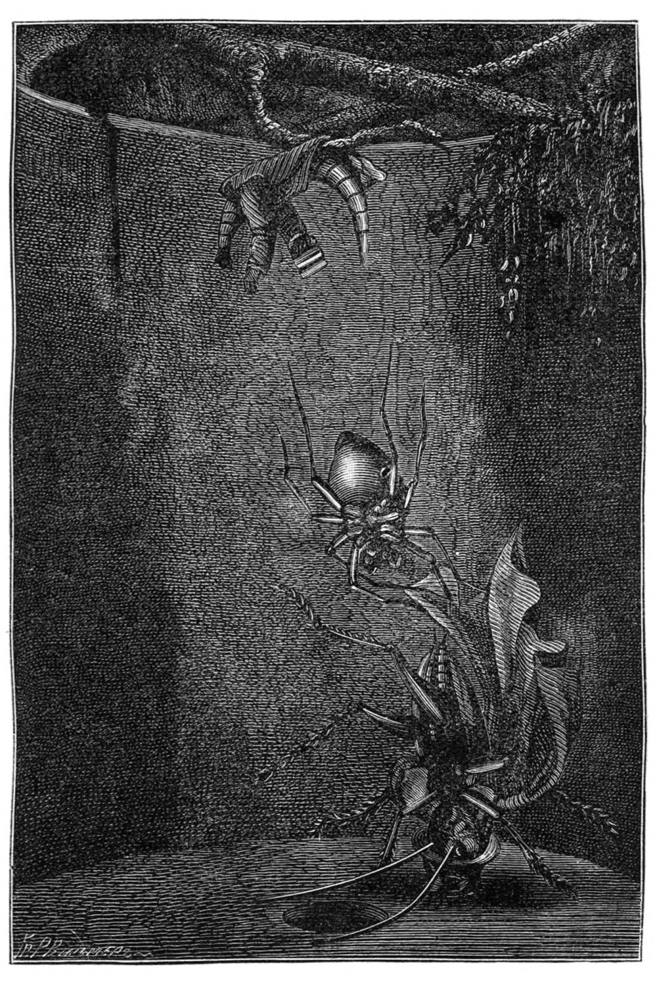
Этотъ возгласъ вырвался у меня отъ внезапно охватившаго меня ужаса.

Вдругъ я почувствовалъ, что почва изчезаетъ подъ моими лапами, и я лечу въ пространство, лечу долго съ неудержимой быстротой.

Меня остановилъ внезапный толчекъ, и я очутился на днѣ какой-то глубокой бездны. Къ счастію, я не ушибся, хотя упалъ головой внизъ. Но гдѣ я? Я началъ ощупывать почву: она оказалась ровною и очень твердою, но, очевидно, это была не земля. Въ своемъ изслѣдованіи я руководствовался только осязаніемъ, потому что въ безднѣ было темно, хоть глазъ выколи. Я медленно щупалъ почву, высунувъ впередъ щупальцы и усики. По моимъ изслѣдованіямъ оказалось, что я нахожусь у подножья перпендикулярной стѣны, которая не имѣетъ никакихъ шероховатостей и выступовъ, и гладка, какъ полъ. Я медленно двигаюсь вдоль стѣны, тщательно ощупывая почву, чтобы избѣжать новаго паденія.

Я иду, иду, все подвигаюсь впередъ и все чувствую подъ ногами ту же ровную и твердую почву, а налѣво отъ меня все возвышается та же перпендикулярная стѣна безъ выступовъ и выбоинъ.

Гдѣ же я наконецъ очутился? Ломаю голову надъ этой загадкой и ничего не понимаю. Что это за подземный каналъ? Куда онъ ведетъ и гдѣ кончается? По моимъ соображеніямъ, я дол-

... я очутился на днѣ какой-то глубокой бездны. Къ счастью, я не ушибся, хотя упалъ головой внизъ (стр. 70).

женъ былъ значительно удалиться отъ своей точки отправленія, а все еще не дошелъ до конца этого подземнаго прохода! Для меня было ясно только то, что я не углублялся въ нѣдра земли, потому что все время шелъ по ровной поверхности. А вотъ надо мною какъ будто мелькнула звѣзда, да, вотъ и вторая тамъ, наверху. Я рѣшился выждать здѣсь утра. Если видны звѣзды, стало быть надо мною есть отверстіе, а съ восходомъ солнца мнѣ легче будетъ осмотрѣть окружающее. Я остановился перевести духъ и сталъ ждать.

А куда же дѣвался этотъ предметъ, который я тащилъ на хвостѣ во время бѣгства? Я не чувствую на себѣ его тяжести. Онъ вѣроятно оторвался во время моего паденія и остался тамъ, наверху.

Ночь показалась мнѣ ужасно длинной, а во время невольной физической неподвижности мысль неутомимо работала. Впрочемъ мои размышленія немного помогли мнѣ, потому что какъ я ни ломалъ себѣ голову, а все-таки не могъ понять своего страннаго положенія. Бѣдные мои товарищи! Что-то съ ними сталось? Медвѣдка вѣроятно скрылась въ одну изъ своихъ подземныхъ галерей: она привыкла къ такого рода тревогамъ; но паукъ и Лампиръ — имъ вѣрно пришлось плохо: они не умѣютъ бѣгать такъ скоро. Несчастный паукъ! Не успѣлъ онъ хорошенько насладиться жизнью, которую я спасъ ему. А свѣтлякъ? Тотъ вѣроятно совсѣмъ растерялся, не догадался потушить свой фонарь и безъ сомнѣнія палъ первою жертвою крота. Таковы были мои невеселыя мысли, когда чей-то голосъ внезапно окликнулъ меня. Я вздрогнулъ.

— Сверчокъ, позвалъ меня кто-то,— сверчокъ!

— Кто тамъ? Что вамъ нужно?

— Это я, паукъ, спасенный вами товарищъ.

— Неужели? Быть не можетъ.

— Тс! Говорите тише: кротъ, быть можетъ, недалеко отсюда.

— Кротъ? Да мы отъ него должно быть за тридевять земель. Какимъ образомъ вы попали сюда и успѣли догнать меня?

— Я не трогался съ мѣста съ момента нашего паденія.

— Полноте! Да я шелъ по крайней мѣрѣ часъ.

— Я прекрасно слышалъ. Вы ходили, только немного подвинулись впередъ.

— Что вы хотите сказать?

— Да вы все время кружились на одномъ мѣстѣ.

Эти слова объяснили мнѣ загадку: мы находились на днѣ круглаго углубленія и вотъ, почему я постоянно чувствовалъ съ лѣвой стороны все ту же стѣну. Да, дѣйствительно я кружился! Дѣло было очень просто: какъ это я не понялъ съ самаго начала?

— Проклятый паукъ! вскричалъ я въ порывѣ гнѣва.—Вы слышали, какъ я кружился вокругъ васъ битыхъ полтора часа и не сказали мнѣ ни слова?

— Да развѣ я зналъ, что́ съ вами дѣлается? Въ минуту нашего паденія я лишился сознанія, вѣроятно слишкомъ истощавъ отъ продолжительнаго поста. Когда я пришелъ въ себя и услыхалъ, что вы кружитесь не говоря ни слова, мнѣ представилось, что испугъ и потрясеніе... Поймите, вѣдь и болѣе ничтожныя причины дѣйствуютъ иногда на мозгъ... Скажите, вы не обидитесь,

если я вамъ признаюсь, что̀ мнѣ пришло въ голову?

— Да говорите же, что такое?

— Ну, мнѣ представилось, что вы...

— Сошелъ съума, что-ли?

— Именно такъ.

— Ха, ха, ха!

— Ради Бога, не смѣйтесь такъ громко.

— Дѣйствительно, мое продолжительное круженіе должно было навести васъ на такую мысль.

— И, признаться сказать, я таки побаивался. Въ самомъ дѣлѣ, непріятно остаться съ глазу на глазъ съ сумасшедшимъ. Я сейчасъ же протянулъ нитку снизу вверхъ и пріютился какъ можно подальше отъ васъ. Когда вы остановились, я подумалъ, что періодъ бѣшенства прошелъ, а потому и окликнулъ васъ.

— Знаете-ли вы, куда мы попали?

— Разумѣется, знаю: мы съ вами сидимъ въ цвѣточномъ, глиняномъ горшкѣ, который садовникъ поставилъ въ видѣ ловушки на медвѣдку. Помните, она намъ разсказывала объ этомъ?

— Помню, но какъ это до сихъ поръ не пришло мнѣ въ голову?

— Вы были слишкомъ взволнованы. Пока вы бѣгали, я размышлялъ. Мы съ вами, любезный другъ, попали въ ловушку, предназначенную для вашей кузины.

— Ну, значитъ мы погибли!

— Это еще бабушка на-двое сказала.

— Неужели вы надѣетесь, что мы выберемся отсюда?

— Надѣюсь, если кротъ не провалится сюда къ намъ, прорывая свою галерею. Но ужь это было бы исключительное несчастіе.

— Избави насъ Богъ отъ этого! Однако объясните мнѣ пожалуйста, какимъ образомъ вы попали вмѣстѣ со мной въ этотъ горшокъ! Стало быть вы бѣжали за мной слѣдомъ?

— Не только слѣдомъ, а вы тащили меня. Видите-ли, я не понадѣялся на быстроту своихъ лапъ, а потому, когда медвѣдка крикнула намъ, чтобы мы спасались, я уцѣпился за вашъ хвостъ и вы донесли меня сюда.

— Ахъ, такъ это васъ я тащилъ на буксирѣ? Не трудно было догадаться, но я былъ слишкомъ взволнованъ. Какъ жаль, что бѣдному Лампиру не пришло въ голову сдѣлать то же самое, — я притащилъ бы сюда и его.

— Не безпокойтесь! Я позаботился и объ немъ.

— Какимъ образомъ?

— При возгласѣ: «спасайтесь!» я кинулся къ нему, схватилъ его въ охабку, потомъ прицѣпился къ вашему хвосту и стиснулъ его своими челюстями, когда вы юркнули въ галерею.

— Но вы вѣрно обронили его на пути?

— Ничуть не бывало: онъ здѣсь съ нами! Когда мы летѣли внизъ, я инстинктивно разжалъ лапы, и мы оба стукнулись о потолокъ; я свалился внизъ, а онъ вѣроятно зацѣпился за что нибудь наверху; вонъ онъ, виситъ въ пространствѣ, надъ нами; видите, вонъ тамъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это—Лампиръ! А я его только что принялъ за звѣзду; рѣшительно у меня всѣ мысли перепутались въ головѣ.

— Это онъ и есть; онъ только немножко пригасилъ свой фонарь.

— Да что же онъ виситъ тамъ совершенно неподвижно и не говоритъ ни слова? Эй, Лампиръ!

— Тише! Не кричите такъ. Мнѣ кажется,

онъ въ обморокѣ. Когда онъ только что очнулся въ моихъ лапахъ, то вѣроятно не понялъ моихъ намѣреній и подумалъ, что пробилъ его послѣдній часъ. Онъ обмеръ со страха и до сихъ поръ не можетъ прійти въ себя.

— Надо-бы помочь ему; только какъ туда взобраться?

— Это я сейчасъ сдѣлаю.

Я понялъ, что паукъ собирается провести нитку отъ пола до потолка и съ помощью этой самодѣльной лѣстницы отцѣпить несчастнаго свѣтляка.

Пока паукъ взбирался наверхъ, я сообщилъ ему тайну, которую кузина открыла мнѣ на счетъ пола нашего пріятеля, и просилъ его уважать его инкогнито, что́ онъ и обѣщалъ мнѣ.

Вскорѣ свѣтлая точка, которую я принялъ за звѣзду, заколебалась, и я понялъ, что экспедиція паука удалась. Свѣтлая точка стала спускаться, а когда она почти достигла земли, я увидалъ при ея слабомъ свѣтѣ своего помертвѣвшаго товарища въ лапахъ паука, который медленно двигался со своею ношею. Сойдя внизъ, паукъ положилъ несчастнаго на полъ и сталъ растирать его, а меня попросилъ помочь ему. Лампиръ дѣйствительно лишился чувствъ, но, благодаря сильному тренію, онъ скоро очнулся, и, взглянувъ на насъ помутившимся взоромъ, тотчасъ спросилъ едва внятнымъ голосомъ, гдѣ мы находимся, что случилось и куда дѣвалась медвѣдка? Онъ ничего не помнилъ съ минуты, когда мы всѣ бросились бѣжать изъ столовой. Да и не мудрено: когда паукъ неожиданно сгребъ его въ лапы, онъ безъ

всякаго перехода впалъ изъ сна въ обморокъ и только теперь пришелъ въ себя.

Мы разсказали ему все, что́ случилось; узнавъ, что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ пауку, который обнаружилъ необыкновенную находчивость въ моментъ, когда всякій другой растерялся бы, свѣтлякъ сталъ горячо благодарить его. Онъ благодарилъ и меня, хотя въ дѣлѣ его спасенія я игралъ роль совершенно безсознательнаго орудія, что́ я ему и замѣтилъ шутливымъ тономъ.

— Теперь, любезный Лампиръ, разъ какъ вы пришли въ себя, сказалъ паукъ, потрудитесь-ка немножко разсвѣтить вашъ фанарь, а то здѣсь ужасно темно. Свѣтъ же намъ необходимъ, чтобы хорошенько осмотрѣть мѣстность и придумать какое-нибудь средство спасенія.

Лампиръ тотчасъ исполнилъ это желаніе, и, съ помощью его фонаря, мы принялись изслѣдовать ловушку, въ которую попали нежданно-негаданно.

Паукъ угадалъ: мы дѣйствительно сидѣли въ большомъ глиняномъ горшкѣ, въ которомъ выращиваютъ цвѣты. Потолокъ нашей тюрьмы состоялъ изъ куска дерна, укрѣпленнаго на тонкихъ сучьяхъ, между которыми свѣшивались корешки травъ. На одномъ изъ этихъ сучьевъ и повисъ свѣтлякъ. На верхнемъ краю горшка виднѣлось круглое отверстіе: это былъ выходъ изъ медвѣдкиной галереи. Насупротивъ, такое же отверстіе представляло собою продолженіе той же самой галереи, прерванной вставленнымъ въ нее горшкомъ.

Ловушка была хитро придумана, и мы дѣйствительно попались въ нее. Съ какой стороны я упалъ въ горшокъ—я самъ не могъ опредѣлить,

потому что потерялъ всякую способность оріентироваться въ этомъ кругломъ углубленіи.

— Вотъ откуда мы упали, сказалъ паукъ, догадавшись по моимъ глазамъ, какой вопросъ интересовалъ меня.

— Какъ вы можете опредѣлить это?

— Очень просто: вы видите по направленію моей нитки, куда я отправлялся за Лампиромъ. Онъ висѣлъ на томъ сучкѣ, а попасть онъ могъ туда только съ противоположной стороны. Если бы мы провалились въ то отверстіе, то онъ очутился бы на другой сторонѣ.

— Вы правы.

Сообразительность нашего товарища привела меня въ изумленіе, и съ этихъ поръ я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что его находчивость и тонкій умъ выручатъ насъ изъ бѣды.

ГЛАВА VII.

Всякій оказываетъ посильную пользу.

Ловушку, въ которой мы очутились, поставили вѣроятно недавно, потому что висѣвшіе на потолкѣ корешки были еще свѣжи. Полъ, какъ я уже говорилъ, отличался гладкостью и чистотою, а въ серединѣ находилось круглое отверстіе. Я подумалъ, что только черезъ него и можно будетъ выйти, по крайней мѣрѣ мнѣ, потому что паукъ ухитрится подняться съ помощью нитки до того или другого входа въ прерванную галерею. Не трудно ему будетъ встащить туда и свѣтляка, но я слишкомъ тяжелъ, а если-бы нитка оказалась настолько крѣпкою, чтобы выдержать даже меня, то я все-таки не былъ-бы въ состояніи взлѣзть по ней, такъ какъ не умѣю лазить, и члены мои не созданы для такого гимнастическаго упражненія. Я подошелъ къ круглому отверстію и принялся отбрасывать затыкавшую его землю. Работу эту я окончилъ скоро, но вдругъ подъ моими ногтями оказалось непреодолимое препятствіе. Я съ ужасомъ убѣдился, что горшокъ былъ поставленъ на камень, вслѣдствіе чего оказывалось совершенно невозможнымъ выбраться изъ ловушки черезъ круглое отверстіе.

— Поймите, сказалъ паукъ, слѣдившій за моей работой, что ловушка предназначалась для медвѣдки, которая мастерица рыть землю; садовникъ долженъ былъ принять свои предосторожности, чтобы помѣшать ей улизнуть черезъ это отверстіе.

— Какъ же мы однако выберемся отсюда?

— Это ужь мое дѣло, сказалъ паукъ. Предоставьте мнѣ спасать васъ. Прежде всего рѣшимъ одинъ вопросъ: по которой изъ двухъ галерей идти? По моему, было-бы неосторожно снова отправиться въ ту, по которой мы попали сюда: такимъ образомъ мы рисковали-бы попасться на зубъ кроту. Я предпочитаю направиться въ противоположную сторону. Мы не знаемъ, куда выйдемъ, но мнѣ кажется, что этотъ путь будетъ безопаснѣе. Что вы на это скажете?

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, отвѣчалъ я.

— А вы, Лампиръ?

— И я тоже. Впрочемъ, дѣлайте, что хотите; я во всемъ полагаюсь на васъ.

— Ну, разъ мы согласились, надо приниматься за дѣло.

Съ этими словами паукъ прицѣпилъ нитку къ отверстію, которое мы выбрали, и, прикрѣпивъ ее съ другой стороны къ полу, укрѣпилъ первую нитку второю. Нѣсколько разъ онъ ползалъ снизу вверхъ, прибавляя каждый разъ новую нитку къ предъидущимъ, пока образовался достаточно крѣпкій канатъ. Послѣ этого онъ началъ другую паралельную нитку на нѣкоторомъ разстояніи отъ первой и свилъ такой-же канатъ. Я смотрѣлъ на эту работу съ весьма понятнымъ участіемъ. Протянувъ такимъ образомъ два паралельныхъ кана-

та, паукъ принялся соединять ихъ поперечными перекладинами.

— Ахъ, это будетъ лѣстница! замѣтилъ я.

— А что, остроумно придумано? спросилъ паукъ.

— Какая богатая мысль! Удивляюсь вашей изобрѣтательности.

— Видите, прибавилъ онъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что уцѣпился за вашъ хвостъ во время бѣгства. Вы спасли меня быстротою своего бѣга, а теперь я отплачиваю вамъ услугой за услугу. Лампиръ также помогаетъ намъ, потому что безъ его фонаря мы не могли бы подготовить свое избавленіе.

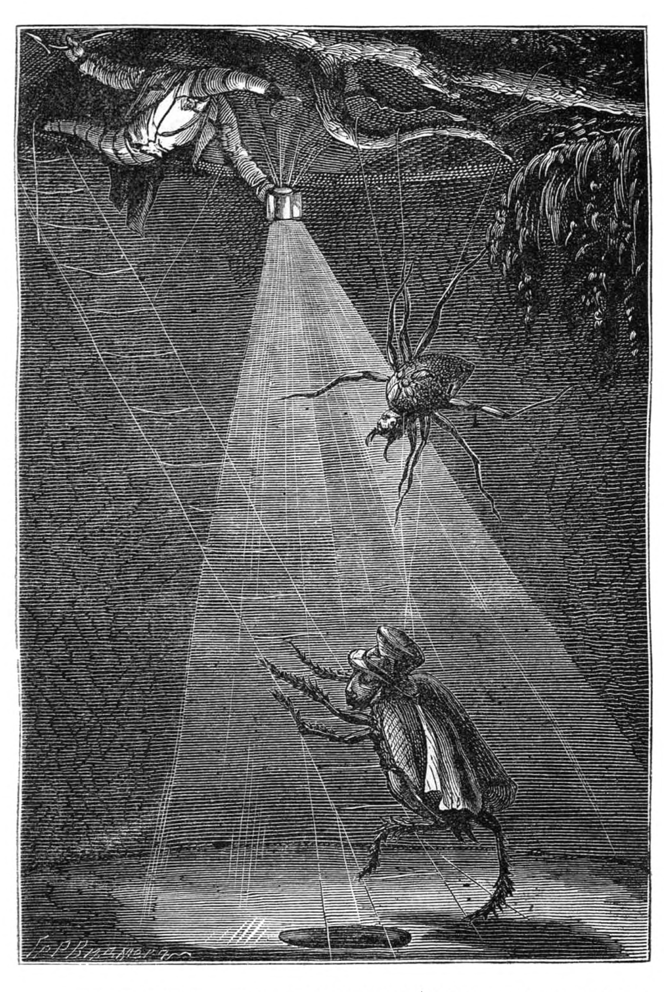
Разговаривая такимъ образомъ, паукъ неутомимо работалъ надъ постройкой лѣстницы, которая вскорѣ была готова.

Свѣтляка онъ перенесъ наверхъ въ одну минуту. Нашъ пріятель примостился на краю горшка, возлѣ отверстія, къ которому вела лѣстница, и освѣтилъ ее своимъ фонаремъ.

Я началъ взбираться наверхъ. Паукъ обвелъ вокругъ моего тѣла крѣпкую нитку, которую прикрѣпилъ другимъ концомъ къ одной изъ балокъ потолка, и сталъ тянуть меня вверхъ; съ его помощью, я безъ особеннаго труда достигъ послѣдней ступеньки, и вскорѣ мы очутились втроемъ на верхнемъ краю горшка, съ цѣлью пуститься по незнакомой галлереѣ, которая казалась намъ путемъ къ спасенію.

Коридоръ оказался слишкомъ узкимъ, чтобы идти троимъ въ рядъ. Послѣ короткаго совѣщанія

... протянувъ два параллельныхъ паутинныхъ каната, паукъ принялся соединять ихъ поперечными шнурками (стр. 81).

мы рѣшили пустить Лампира впередъ, чтобы онъ свѣтилъ намъ; я пойду за нимъ слѣдомъ, чтобы расчищать путь отъ препятствій, а паукъ останется въ аріергардѣ.

— Условимся хорошенько на счетъ нашего движенія, чтобы не растеряться въ случаѣ тревоги, сказалъ я.—Вамъ, крестовикъ, нечего бояться, потому что нападенія съ тылу нельзя предвидѣть. Если мы встрѣтимъ непріятеля, то только съ фронта. Въ такомъ случаѣ, Лампиръ, отступите сейчасъ-же ко мнѣ, спрячьтесь за меня, а я берусь выдержать первую атаку. Я вооруженъ лучше всѣхъ васъ и сильнѣе васъ, такъ что беру на себя защиту.

Я не безъ задней мысли составилъ этотъ планъ движенія, но счелъ лишнимъ сообщать товарищамъ свои соображенія: я предвидѣлъ, что намъ быть можетъ придется долго блуждать по подземнымъ галереямъ, не имѣя ни съѣстныхъ припасовъ, ни возможности добыть ихъ; Лампиръ существо слабое, а пауки пользуются дурною репутаціей. Въ настоящую минуту паукъ былъ очень расположенъ къ свѣтляку,—онъ спасъ ему жизнь въ минуту нашего поспѣшнаго бѣгства, и я допускалъ, что онъ сдѣлалъ это изъ благодарности, а не для того, чтобы заручиться освѣтительнымъ снарядомъ. Но голодъ—плохой совѣтникъ, и нельзя было поручиться, что намъ не придется въ скоромъ времени испытать всѣ ужасы голода.

Поставивъ Лампира во главѣ шествія, а паука въ аріергардѣ, я избавилъ послѣдняго отъ возможности совершить, подъ вліяніемъ голода, убійство, о которомъ онъ потомъ пожалѣлъ-бы самъ.

Условившись такимъ образомъ, мы двинулись

впередъ и вошли въ галерею подъ предводительствомъ свѣтляка. Я слѣдовалъ за нимъ, а паукъ замыкалъ шествіе. Мы шли нѣсколько времени молча. Коридоръ былъ на столько широкъ, что мы свободно двигались по немъ, но, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, повернуться въ немъ нельзя было-бы. Чрезвычайно извилистый, онъ велъ то къ верху, то къ низу и, какъ мнѣ показалось, отклонялся влѣво, хотя неправильность его мѣшала точно опредѣлить его направленіе. Мы шли уже нѣсколько минутъ, какъ вдругъ на разрыхленной почвѣ одна изъ моихъ ногъ провалилась, подо мною стала осыпаться земля и я оборвался въ углубленіе, но къ счастью довольно мелкое. Услыхавъ мое восклицаніе, Лампиръ поспѣшно вернулся ко мнѣ и намъ удалось изслѣдовать вдвоемъ причину моего паденія. Я свалился въ обширную галерею, которая въ этомъ мѣстѣ была проведена подъ нашимъ коридоромъ; они были отдѣлены другъ отъ друга тонкимъ слоемъ земли, который не выдержалъ моей тяжести.

У насъ обоихъ промелькнула одна и та же мысль: эта обширная галерея была подземнымъ путемъ крота!

Было не только безполезно, но и опасно останавливаться въ этомъ мѣстѣ, а потому, съ помощью моихъ товарищей, я поспѣшилъ выбраться въ верхній коридоръ, по которому мы пошли дальше.

Не успѣли мы пройти нѣсколько шаговъ, какъ съ нами случилась новая, совершенно неожиданная непріятность: нашъ коридоръ круто повернулъ налѣво и привелъ насъ въ ту же самую галерею, куда я только что провалился.

Мы остановились и стали держать совѣтъ. Паукъ принялся осматривать мѣстность и призадумался. — Очевидно, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, что медвѣдка рыла свой коридоръ при другихъ условіяхъ и что она не умышленно провела его къ этой галереѣ: послѣдняя, безъ сомнѣнія, построена позднѣе. Этотъ коридоръ перерѣзанъ, и мы вѣроятно найдемъ его продолженіе какъ разъ въ противоположной стѣнкѣ.

Это предположеніе было повидимому основательно. Послушавъ нѣсколько минутъ, нѣтъ ли какого нибудь живаго существа въ галереѣ, я спустился въ нее, держась направленія коридора, который въ этомъ мѣстѣ пересѣкался съ нею подъ острымъ угломъ, и сталъ осматривать противоположную стѣнку, отыскивая въ ней отверстія. Но поиски оказались тщетными, о чемъ я и сообщилъ своимъ товарищамъ.

— Не можетъ быть, сказалъ паукъ; у насъ прекрасное средство узнать навѣрное, куда слѣдуетъ направиться. Лампиръ, вернитесь-ка ко мнѣ.

Лампиръ исполнилъ эту инструкцію. Когда онъ подошелъ къ первому повороту, паукъ велѣлъ ему остановиться.

Галерея была совершенно темна и только на противоположной стѣнкѣ обрисовывался свѣтлый кругъ. Паукъ указалъ мнѣ на него.

— Вотъ гдѣ мы найдемъ продолженіе нашего коридора, сказалъ онъ. — Ройте тамъ, сверчокъ.

Я принялся за дѣло, но напрасно рылъ землю запуская въ нее ноги по самыя плечи; я не встрѣчалъ пустоты. Вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились, коридоръ образовалъ такой уголъ, что первоначальное направленіе его совпало съ направленіемъ галереи. Оказалось такимъ

образомъ безполезно терять время и отыскивать продолженіе коридора, которое, быть можетъ, не существовало. Надо было идти по самой галереѣ, рискуя встрѣтить въ ней какого нибудь неизвѣстнаго непріятеля. Паукъ высказывалъ въ полголоса всѣ эти размышленія, а я берегъ ихъ про себя. Мы все еще стояли въ раздумьи и недоумѣніи, когда неподалеку отъ насъ въ галереѣ раздались быстрые шаги.

— Скорѣе назадъ, въ корридоръ, прошепталъ паукъ, схватывая меня за хвостъ.

Но мы еще не успѣли отступить, какъ меня свалило съ ногъ какое-то быстро пробѣжавшее животное: это была маленькая полевая мышь; наткнувшись на меня, она, кажется, испугалась не меньше нашего, потому что ускорила свой бѣгъ.

— Какъ я испугался! Мнѣ представилось, что это — землеройка.

— Нечего дѣлать, пойдемте за нею, сказалъ паукъ. Если она не вернется назадъ, значитъ путь открытъ впереди, и намъ нечего бояться встрѣчи съ кротомъ; если же она вернется, то поищемъ другого выхода. Идите сюда, Лампиръ.

Вѣрность этого предположенія поразила меня; я пригласилъ свѣтляка и паука уцѣпиться за обѣ оконечности моего хвоста и побѣжалъ впередъ, таща ихъ за собою; галерея была достаточно широка, такъ что стѣнки не стѣсняли моихъ движеній. Черезъ нѣсколько минутъ я остановился перевести духъ.

— Какъ вы думаете, друзья мои, который часъ теперь? спросилъ я.

— Теперь часъ завтрака, проговорилъ Лампиръ меланхолически.

Я тоже думалъ о завтракѣ, но любезная ку-

зина моя исчезла и некому было предложить намъ вкусную и сытную трапезу. Чтобы поѣсть, надо было во что бы то ни стало выбраться изъ этого безконечнаго подземелья.

— Впередъ, друзья мои! вскричалъ я и снова потащилъ на буксирѣ своихъ товарищей. Вскорѣ мы снова очутились передъ крутымъ изгибомъ галереи. Я остановился въ недоумѣніи.

— Ступайте впередъ, по слѣдамъ полевой мыши, посовѣтовалъ паукъ; это самое рааумное, что́ мы можемъ сдѣлать.

Съ этими словами онъ сталъ внимательно осматривать почву, поползъ въ оба отверстія галереи, потомъ позвалъ свѣтляка и, попросивъ его разсвѣтить фонарь, продолжалъ свое изслѣдованіе и наконецъ остановился въ недоумѣніи.

— Что скажете? спросилъ я.

— Странное дѣло, отвѣчалъ онъ: до сихъ поръ мышь оставляла только одинъ слѣдъ, а здѣсь, въ обѣихъ вѣтвяхъ галереи, нѣсколько слѣдовъ и они совершенно запутаны. Мнѣ кажется, что мышь встрѣтила препятствіе въ одномъ изъ коридоровъ и, вернувшись, повернула въ другой. Пока все понятно, но усложненіе заключается въ томъ, что мышь не могла пройти и по другому корридору. На обоихъ путяхъ, которые открываются здѣсь передъ нами, видны слѣды животнаго, которое бѣгало взадъ и впередъ.

— Что же вы заключаете изъ этого?

— Ничего не заключаю, а только недоумѣваю.

— Нѣтъ ли крота въ одной изъ вѣтвей галереи?

— Нѣтъ. Если бы онъ былъ тамъ, то мышь не входила бы туда во второй и третій разъ.

— Пойдемте впередъ, авось куда нибудь да выйдемъ. Ничего лучшаго не придумаешь. Быть можетъ, то, что́ оказалось для мыши непреодолимымъ препятствіемъ, не остановитъ насъ. Вопервыхъ, у насъ есть свѣтъ, а во-вторыхъ, мы значительно меньше и можемъ проскользнуть тамъ, гдѣ мышь не могла пролѣзть. Повернемъ налѣво: тотъ путь ведетъ къ верху, и для насъ чрезвычайно важно приблизиться къ поверхности.

Мы повернули налѣво, но не далеко ушли. Эта вѣтвь заканчивалась глухою стѣной, такъ что мы вернулись назадъ и побрели по другой вѣтви, которая спускалась довольно круто внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ насъ снова остановило неожиданное пропятствіе, и мы поняли, почему мышь бѣгала взадъ и впередъ и оставила столь запутаннные слѣды на землѣ: галерея была наполнена водой.

Этотъ фактъ легко было объяснить свойствомъ почвы, которая состояла изъ плотной глины, плохо впитывающей воду; очевидно вода собралась вслѣдствіе недавнихъ проливныхъ дождей. Мы переглянулись и остановились въ нерѣшительности.

— Если галерея спускается все ниже, то вода безъ сомнѣнія будетъ глубже; если же она ведетъ къ верху, то быть можетъ мы и переправимся какъ нибудь черезъ воду,— сказалъ паукъ.

— Мнѣ кажется, что мы пройдемъ тамъ, гдѣ прошла полевая мышь, замѣтилъ я. Какъ вы думаете?

— Да, если только она дѣйствительно прошла, но вѣдь это неизвѣстно.

— Если бы она вернулась назадъ, мы встрѣтили бы ее.

— Она могла вернуться въ то время, когда мы были въ лѣвой вѣтви. Во всякомъ случаѣ я отправлюсь осмотрѣть мѣстность. Подождите меня здѣсь.

Съ этими словами паукъ протянулъ надъ водой нитку по направленію къ своду; вскорѣ мы увидали его надъ своими головами и онъ изчезъ въ темнотѣ.

Мы довольно долго ждали его, но наконецъ онъ появился.

— Пробраться можно, объявилъ онъ: — неподалеку отсюда галерея направляется къ верху. Преодолѣть это препятствіе довольно трудно, но возможно, а это главное! вы не боитесь промокнуть?

— Нисколько, отвѣчали мы въ одинъ голосъ.

— А вашъ фонарь не потухнетъ отъ воды, Лампиръ?

— Нѣтъ, онъ не боится воды.

— Въ такомъ случаѣ все прекрасно, и вотъ что слѣдуетъ предпринять: вы, Лампиръ, садитесь на закорки къ сверчку и держитесь какъ можно крѣпче, не выпускайте его ни въ какомъ случаѣ. Вамъ же, сверчокъ, я накину на шею нитку, а потомъ вы пойдете въ воду по моему сигналу; идите смѣло впередъ, пока вода не покроетъ васъ съ головой; все остальное ужь мое дѣло. Только помните одно: когда васъ понесетъ теченіе, прижмите лапы къ туловищу, чтобы не зацѣпиться ими за стѣнки коридора. Если вы зацѣпитесь, то нитка, на которой я васъ потащу волокомъ, пожалуй оборвется и тогда будетъ плохо.

Мы оба исполнили въ точности инструкціи

паука. Онъ повисъ на ниткѣ, протянутой вдоль свода, и скомандовалъ «впередъ». Я вошелъ въ воду и двигался впередъ до тѣхъ поръ, пока чувствовалъ почву подъ ногами. Но вскорѣ вода покрыла меня съ головой. Я прижалъ лапы къ туловищу и удержалъ дыханіе. Я чувствовалъ, что мы подвигаемся впередъ, на ниткѣ, которую тянулъ паукъ. Вдругъ мнѣ показалось, что я

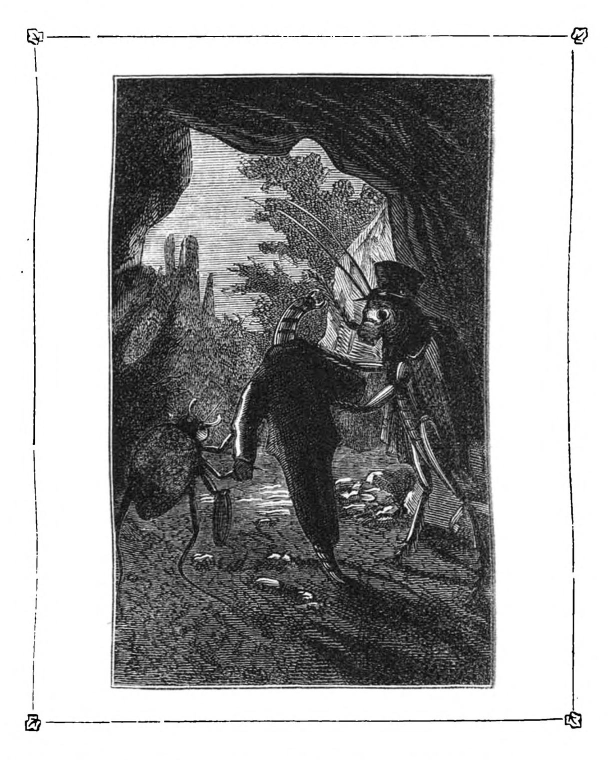
остановился и иду ко дну. Мнѣ представилось, что нитка лопнула, и я обмеръ отъ страха. Но къ счастью, это тягостное состояніе продолжалось недолго. Я снова почувствовалъ, что нитка тянетъ меня впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ снова ощупалъ почву подъ ногами. Мы благополучно перебрались черезъ затопленное мѣсто.

— Скажите, пожалуйста, чтó случилось во время нашего плаванія? спросилъ я паука: —

была минута, когда я считалъ себя погибшимъ.

— Одинъ изъ концовъ нитки, прикрѣпленной къ своду, оторвался, и я самъ свалился въ воду. Но мнѣ удалось выкарабкаться и починить нитку.

— И теперь мы, славу Богу, переправились черезъ опасное мѣсто.

Между тѣмъ, свѣтлякъ осматривалъ почву съ помощью своего фонаря, который не потухъ въ водѣ.

— Полевая мышь тоже переправилась черезъ воду, сказалъ онъ: — вотъ ея слѣды, они прекрасно видны.

Съ этого мѣста галерея направлялась къ верху.

— Я замѣтилъ, объявилъ паукъ, что сводъ галереи, надъ водой, не земляной, а каменный. Вѣроятно этотъ-то камень и заставилъ крота провести боковыя галереи къ поверхности.

Мы снова двинулись впередъ; слѣды полевой мыши, ясно отпечатавшіеся на почвѣ, подавали намъ надежду, что мы не встрѣтимъ уже никакихъ препятствій впереди.

Надежда эта вскорѣ осуществилась. Черезъ нѣсколько минутъ, мы вышли изъ своей галереи въ обширное подземелье, куда проникалъ дневной свѣтъ. Это была кроличья нора, отверстіе которой виднѣлось на нѣкоторомъ разстояніи. Мы поспѣшили выбраться на свѣтъ Божій и съ глубокою радостію привѣтствовали солнце, которое въ эту минуту вставало на горизонтѣ въ своемъ лучезарномъ величіи.

ГЛАВА VIII.

Урокъ прикладной геометріи.

— А теперь можно подумать и объ завтракѣ. Я сейчасъ сотку сѣтку на этомъ смородиномъ кустѣ. Куда вы намѣрены направиться?

— Я останусь здѣсь. Мы съ Лампиромъ поищемъ чего нибудь съѣстнаго. Черезъ четверть часа, самое большее, мы насытимся и придемъ сюда, на сборный пунктъ.

— Прекрасно. Я проведу нитку отъ своей сѣтки къ этой былинкѣ, возлѣ которой вы стоите. Когда вы вернетесь, дерните нитку, и я сейчасъ явлюсь.

Съ этими словами паукъ отправился къ кусту, а свѣтлякъ побрелъ въ другую сторону. Я остался у входа въ кроличью нору, чтобы хорошенько осмотрѣть мѣстность, гдѣ мы очутились.

Вотъ что оказалось послѣ внимательнаго осмотра. Нора выходила на опушку лѣса, расположеннаго на холмѣ позади меня. На нѣкоторомъ разстояніи впереди раскинулись грядки земляники, спускавшіяся отлогою покатостью къ большой аллеѣ, гдѣ меня чуть не переѣхала карета въ первый же вечеръ моихъ скитаній. За аллеей блестѣла зеркальная поверхность пруда. Налѣво

немножко пониже виднѣлась рѣшетка парка, черезъ которую я проникъ въ окрестности замка. Самый замокъ виднѣлся вдали направо и съ возвышенной мѣстности, на которой я теперь стоялъ, онъ открывался весь, какъ на ладони. Это былъ прекрасный барскій домъ съ параднымъ подъѣздомъ и верандой; по обѣ его стороны возвышались красивыя башни съ флюгерами.

Не трудно мнѣ было найти мѣсто, гдѣ я встрѣтился съ медвѣдкой и гдѣ находился входъ въ ея жилище. Продолжительное пребываніе мое у нея ознакомило меня со всѣми окружающими предметами. Жилище медвѣдки несомнѣнно находилось тамъ, на краю аллеи, возлѣ этого большаго бѣлаго камня. Мы прошли значительное пространство подъ землей, и я радовался счастливому исходу нашего приключенія. Одно размышленіе вызывало другое и я невольно засмѣялся, вспомнивъ, какъ кружился цѣлый часъ въ ловушкѣ садовника.

Надо мною паукъ поспѣшно ткалъ свою паутину. Это мнѣ напомнило, что пора подумать о пищѣ. Нѣсколько былинокъ молодой травы вскорѣ утолили мой голодъ; поѣвши, я отыскалъ камень, подъ которымъ находилось маленькое углубленіе, и, убѣдившись, что этотъ естественный гротъ пригодится мнѣ на всякій случай, чтобы пріютиться, я усѣлся возлѣ него и сталъ слѣдить за работой паука.

Я часто видѣлъ пауковъ, изготовлявшихъ свою сѣтку, но никогда не отдавалъ себя отчета въ томъ, какъ они ухитряются укрѣпить свою

основу; теперь представлялся прекрасный случай изучить это дѣло. Я обратился къ своему пріятелю съ распросами.

— Крестовикъ, крикнулъ я,—скажите пожалуйста, какъ вы ухитрились прицѣпить нитку къ этому кусту, не взлѣзши на него предварительно?

— Очень просто, отвѣчалъ онъ.—Знайте, вопервыхъ, что у меня на оконечности тѣла помѣщается маленькій мѣшечекъ съ жидкостью, которая, лишь только я ее выпускаю, высыхаетъ на воздухѣ, удлинняется и превращается въ шелковистую нитку. Но прежде, чѣмъ я выпущу эту жидкость, она должна пройти черезъ множество маленькихъ отверстій. Эта нитка, которая кажется вамъ единственною, состоитъ на самомъ дѣлѣ изъ сотни чрезвычайно тонкихъ ниточекъ, слѣпляющихся между собой при выходѣ изъ моего тѣла.

Я могу выпустить изъ своего тѣла, сколько мнѣ угодно, тончайшихъ нитей. Когда я начинаю свою сѣтку, то выпускаю изъ себя едва замѣтную, чрезвычайно легкую ниточку, которая колеблется въ воздухѣ отъ малѣйшаго вѣтерка. Я быстро пряду очень длинную нитку, и вскорѣ ея освобожденный конецъ цѣпляется за какой-нибудь предметъ, находящійся иногда на значительномъ разстояніи. Потомъ я натягиваю эту нитку, ползу по ней и отыскиваю мѣсто, къ которому можно прикрѣпить вторую нитку. То же самое я повторяю въ третій разъ, и у меня получается треугольникъ. Разумѣется, натянувъ свою первую нитку, я укрѣпляю ее, проводя нѣсколько нитокъ рядомъ. Образовавъ свой большой треугольникъ, я срѣзываю его углы поперечными нитками, вслѣдствіе чего получается многоугольникъ, и

въ немъ-то я устраиваю радіусы и наконецъ спиральный оборотъ, который связываетъ ихъ между собой.

Я поблагодарилъ паука за его объясненія. Положимъ, я не особенно хорошо понялъ термины: треугольникъ, многоугольникъ, радіусы и спиральные обороты, но, глядя на работу паука, угадалъ смыслъ непонятныхъ словъ; больше всего меня интересовало знать, какимъ образомъ онъ ухитрялся провести первую нитку, а это онъ мнѣ объяснилъ.

Довольный своимъ урокомъ геометріи, я началъ пѣть, чтобы какъ-нибудь убить время. Кончивъ свою третью или четвертую трель, я услыхалъ какой-то голосъ изъ подъ камня. Я сталъ прислушиваться и мнѣ показалось, что меня зовутъ.

— Сверчокъ, говорилъ какой-то подавленный голосъ, — сверчокъ!

Я вошелъ въ углубленіе и сталъ снова прислушиваться.

— Сверчокъ! раздалось снова, и на этотъ разъ гораздо явственнѣе.

— Кто тамъ? сказалъ я: — кто меня зоветъ?

— Несчастная, заживо погребенная жужелица; я умираю съ голоду. Помогите мнѣ!

— Чѣмъ я могу вамъ помочь?

— Проройте галерею ко мнѣ. Умоляю васъ, не откажите мнѣ въ этой услугѣ.

Я съ минуту колебался. Порода жужелицъ не внушала мнѣ симпатіи. Я не особенно уважалъ этихъ сварливыхъ, нахальныхъ, раздражительныхъ насѣкомыхъ, которыя въ сущности не имѣютъ понятія объ общежитіи. Однако затруднительное положеніе, изъ котораго я самъ

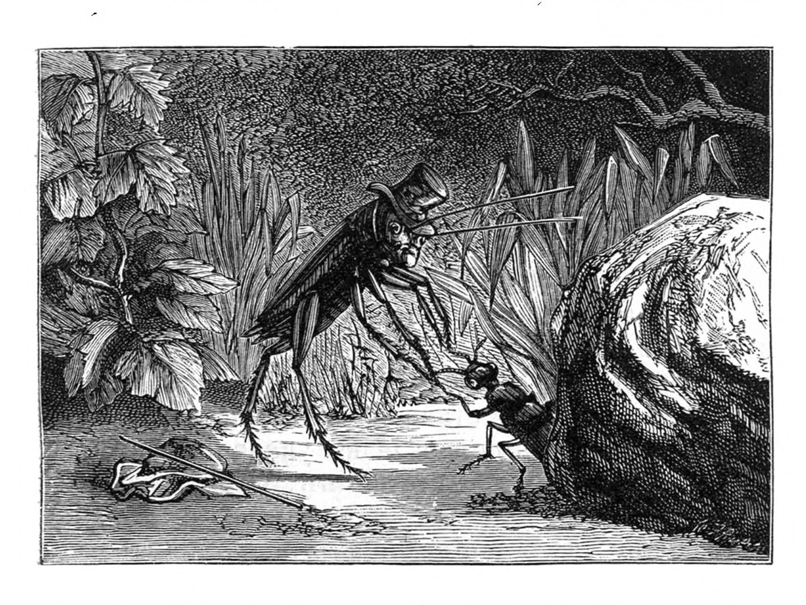

Я обратился къ своему пріятелю-пауку съ распросами (стр. 97).

только-что вышелъ столь удачно, возбудило во мнѣ состраданіе къ чужимъ несчастіямъ; я колебался недолго и принялся рыть землю изъ своего углубленія къ тому мѣсту, откуда раздавался голосъ жужелицы:

Черезъ нѣсколько минутъ я добрался до нея, вышелъ пятясь назадъ и вытащилъ ее съ собой.

— Спасибо, сказала она мнѣ, выбравшись на

воздухъ. Вы оказали мнѣ огромную услугу: безъ васъ я умерла-бы съ голоду подъ этимъ камнемъ.

— Какимъ образомъ вы очутились въ этой засадѣ?

— Да это мое жилье, но меня заперла въ немъ несчастная случайность: три дня тому назадъ ливень размылъ землю, которая и завалила выходъ изъ моего жилья. Когда я замѣтила бѣду, было уже слишкомъ поздно спасаться: выходъ

оказался закупореннымъ, и я очутилась въ заточеніи. Я пыталась какъ нибудь выбраться изъ подземелья, но это мнѣ не удалось, потому что я не умѣю рыть землю. Я потеряла всякую надежду увидать когда нибудь солнечный свѣтъ, какъ вдругъ услышала ваше пѣніе.

Я внимательно разсматривалъ жужелицу во время ея разсказа. Она была крупныхъ размѣровъ, черная съ синимъ отливомъ, крѣпко сложенная и вооруженная парою сильныхъ челюстей.

— Вы, кажется, очень истощены, замѣтилъ я.

— Я совсѣмъ выбилась изъ силъ, отвѣчала она упавшимъ голосомъ:—мнѣ ужасно хочется ѣсть.

— А чѣмъ вы обыкновенно питаетесь?

— Личинками, червями, разными яствами въ этомъ родѣ. Впрочемъ я съѣла-бы теперь что попало.

— Такъ подите на эти земляничныя грядки; я видѣлъ тамъ слизняка, который вамъ вѣроятно понравится.

Жужелица не заставила меня повторять этотъ совѣтъ, а тотчасъ поползла къ указанному мѣсту. У меня вдругъ мелькнула въ умѣ тревожная мысль; я отправился за жужелицей и слѣдилъ за нею до тѣхъ поръ, пока увидалъ, что она нашла слизняка и впустила ему въ спину обѣ свои челюсти; я вернулся назадъ нѣсколько успокоенный: у меня вдругъ явился страхъ, что она встрѣтитъ моего друга Лампира и съѣстъ его. Успокоившись на этотъ счетъ, я снова принялся пѣть.

Занявшись болѣе часа музыкой и не зная, какъ убить время, я отправился посмотрѣть,

успѣшно-ли охотился паукъ. Онъ сидѣлъ неподвижно въ серединѣ своей паутины, по неприкосновенности которой я догадался, что мой пріятель еще ждетъ завтрака. Былъ знойный полдень; огненный шаръ солнца стоялъ на безоблачномъ небѣ и жегъ землю своими отвѣсными лучами; вся природа будто уснула, истомленная зноемъ, и нигдѣ въ воздухѣ не показывалась ни одна мушка. Только изрѣдка кое-гдѣ вдали поспѣшно пролетали осы или пчелы и ихъ легкое жужжанье нарушало глубокое безмолвіе.

— Ну, любезный другъ, не скоро тебѣ придется завтракать, да и обѣда, чего добраго, подождешь. Впрочемъ тебя природа одарила необыкновеннымъ терпѣніемъ и хитростью. Желаю успѣха!

Я опять пошелъ прогуливаться, повернувъ на опушку лѣса, о которой только-что упомянулъ. Между лѣсомъ и земляничными грядками, которыя разстилались налѣво, находилась дикая площадка, кое-гдѣ поросшая верескомъ, сорною травою и дрокомъ. Почва была сухая, безплодная и песчаная. Мѣстность казалась необитаемою, и я не замѣтилъ ни одного живаго существа, кромѣ полудюжины саранчи и нѣсколькихъ муравьевъ, сновавшихъ взадъ и впередъ.

Саранча была рослая, съ сѣрымъ туловищемъ и голубыми нижними крыльями. Они привѣтствовали меня при моемъ появленіи и отнеслись ко мнѣ весьма дружелюбно.

Саранча приходится намъ сродни, и мы всегда жили съ нею въ ладахъ. Между нами существуетъ большое родственное сходство, но я долженъ признаться по совѣсти, что во многихъ отношеніяхъ эта семья стоитъ выше нашей: саранча изящнѣе,

граціознѣе сверчковъ, поступь ея легче, движенія красивѣе и быстрѣе. Наши родственники—страшные музыканты и считаютъ себя первоклассными артистами. Однако я замѣчу, что пѣніе ихъ нѣсколько однообразно, рѣзко и въ концѣ-концовъ раздражаетъ нѣжный слухъ. Есть у нихъ одна особенно крикливая нота, которою они сильно злоупотребляютъ. Впрочемъ, спѣшу оговориться, что такова моя личная оцѣнка, и я нисколько не выдаю ее за всеобщее мнѣніе. Я самъ—артистъ и разумѣется предпочитаю свою манеру всякой другой, а потому меня легко заподозрить въ пристрастіи. Надѣюсь, что мнѣ не зачтется въ вину эта критика моихъ родственниковъ, тѣмъ болѣе, что я откровенно призналъ ихъ превосходство въ другихъ отношеніяхъ.

— Ахъ, это вы сейчасъ распѣвали! вскричалъ одинъ изъ моихъ родственниковъ. Вы насъ очень заинтриговали! Какому счастливому случаю мы обязаны удовольствіемъ видѣть васъ въ здѣшнихъ краяхъ?

Я разсказалъ имъ вкратцѣ свои недавнія приключенія и сообщилъ о причинахъ, побудившихъ меня покинуть семью. Мой разсказъ повидимому заинтересовалъ ихъ и вызвалъ сочувствіе ко мнѣ.

Я уже собирался проститься съ ними, какъ вдругъ къ намъ подошелъ кузнечикъ-саранча, огромнаго роста.

— Кто этотъ великанъ? спросилъ я, съ удивленіемъ разсматривая незнакомца.

— Это—иностранецъ, отвѣчали мои родственники. Третьяго дня онъ буквально свалился къ намъ съ неба. Ужасный чудакъ: увѣряетъ, что прибылъ издалека, разсказываетъ какія-то невѣроятныя исторіи...

— Я вамъ разсказывалъ только истинныя происшествія, сказалъ иностранецъ высокомѣрно. Онъ подошелъ къ намъ очень близко и слышалъ послѣднія слова моихъ родственниковъ.

— Ну, полноте, не сердитесь, сказалъ одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ шутливо. Только признайтесь, вѣдь вы вчера смѣялись надъ нами, разсказывая намъ всякую небывальщину?

— Ничуть не бывало, я говорилъ правду, обидчиво возразилъ великанъ: ураганъ пронесъ меня цѣлыя сотни миль и разлучилъ съ товарищами.

— Послушайте-ка, онъ опять начинаетъ завираться, шепнулъ мнѣ одинъ изъ родственниковъ, а потомъ прибавилъ въ слухъ: а товарищи ваши были очень многочисленны, не правда-ли, пріятель?

— Насъ были тысячи милліоновъ, и наша стая образовала на лету сплошную тучу въ нѣсколько миль длины и ширины; мы заслоняли солнце и поражали ужасомъ страны, надъ которыми проносились. Разъ въ насъ стрѣляли изъ пушекъ...

Услыхавъ, что иностранецъ разсказываетъ съ самымъ серьезнымъ видомъ столь невѣроятныя вещи, я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и обвелъ вопросительнымъ взглядомъ своихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ взглянулъ на меня особенно выразительно и дотронулся лапой до лба.

Увидавъ этотъ жестъ и недоумѣвающее выраженіе моего лица, всѣ прыснули со смѣху и разбѣжались въ разныя стороны, оставивъ меня съ глазу на глазъ съ великаномъ.

Признаюсь, я немножко струсилъ.

— Нахалы! Невѣжды! гнѣвно произнесъ вели-

канъ. Они никогда ничего не видали, кромѣ этихъ кустовъ вереска, подъ которыми родились и смѣются надъ тѣмъ, кто умнѣе ихъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ я мягко, что вашъ разсказъ дѣйствительно изумителенъ и, извините, нѣсколько невѣроятенъ.

— Однако это все-таки правда. Я разсказывалъ истинное происшествіе. Изъ-за чего мнѣ было-бы морочить ихъ?

— Вы совершенно правы.

— Вы, сверчокъ, кажется существо разумное; скажите, вы не считаете меня обманщикомъ?

— Разумѣется нѣтъ, поспѣшилъ я успокоить его. А на нихъ право не стоитъ сердиться—они ужасные вѣтрогоны.

Мнѣ становилось не по себѣ въ обществѣ великана, который вѣроятно былъ не въ здравомъ умѣ, а потому я поспѣшилъ проститься съ нимъ самымъ вѣжливымъ образомъ.

Размышляя объ этой встрѣчѣ, я вспомнилъ, что когда-то слыхалъ разсказы про саранчу, извѣстную подъ именемъ перелетной и пѣшей, которая имѣетъ обыкновеніе путешествовать огромными массами. Этотъ загадочный иностранецъ, быть можетъ, принадлежалъ къ этой породѣ и отбился отъ своихъ. Минутъ черезъ десять я пришелъ къ тропинкѣ, которая вела изъ лѣса и внезапно прерывала дикую площадку. По обѣ стороны этой выбитой дороги возвышались откосы, на которыхъ не было никакой растительности. Верхній край откоса состоялъ изъ сплетшихся старыхъ корней вереска и образовалъ выступъ, съ высоты котораго я могъ осмотрѣть дорогу на довольно значительномъ разстояніи. Я остановился по необходимости на краю обрыва. Идти дальше было незачѣмъ, и я уже намѣревался повернуть назадъ, какъ вдругъ замѣтилъ что-то необыкновенное и остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный.

ГЛАВА IX.

Поучительная сторона путешествій.

На вершинѣ противоположнаго откоса, какъ разъ подъ обрывомъ, о которомъ я упомянулъ, я увидалъ внезапно маленькое облачко, происходящее отъ взбрасываемаго въ воздухъ песку и поднимавшееся періодически. Тамъ происходили какъ будто легкіе взрывы, — таково по крайней мѣрѣ было мое первое впечатлѣніе. Вдумавшись хорошенько въ это явленіе, я заключилъ, что оно вызвано какимъ нибудь живымъ существомъ, которое исполняло какую нибудь непонятную для меня работу. Любопытство мое было сильно возбуждено, и я рѣшился хорошенько изслѣдовать то, чтó меня заинтриговало.

Замѣтивъ хорошенько мѣсто, куда мнѣ надо было отправиться для наблюденія надъ упомянутымъ явленіемъ, я поспѣшно спустился съ находившагося подо мною откоса и взлѣзъ на противоположный.

Не легко мнѣ было взобраться на его вершину, находившуюся какъ разъ подъ выступомъ изъ затвердѣвшей почвы и корней, который возвышался надо мною въ видѣ навѣса, а слѣдовательно былъ для меня недоступенъ. Впрочемъ было без-

полезно лѣзть выше, потому что я находился на одномъ уровнѣ и въ близкомъ разстояніи отъ пункта, гдѣ только что замѣтилъ заинтересовавшіе меня песчаные взрывы.

Нѣсколько времени я простоялъ неподвижно въ ожиданіи новаго взрыва, который указалъ бы мнѣ на мѣсто подземной работы; но я прождалъ нѣсколько минутъ напрасно. Ничто не шевелилось. Однако, по моему разсчету, я находился не далеко отъ землекопа. Ужь не увидалъ ли онъ меня? Это казалось мнѣ невѣроятнымъ, потому что въ такомъ случаѣ и я увидалъ бы его. Скорѣе можно было предположить, что песокъ осыпался подо мною. Когда я взбирался наверхъ, вѣроятно землекопъ притаился изъ осторожности. Это предположеніе показалось мнѣ тѣмъ болѣе основательнымъ, что кругомъ господствавала невозмутимая тишина, при которой можно было разслышать малѣйшій звукъ. Я замѣтилъ, спускаясь на дорожку, что песочные взрывы происходили какъ разъ подъ кустикомъ цвѣтущаго тимьяна, который выдѣлялся розовымъ пятномъ на черноватомъ гребнѣ откоса. Этотъ кустикъ обрисовывался на небѣ въ близкомъ разстояніи. Руководствуясь этою вѣрною примѣтою, я сталъ тихонько подкрадываться.

— Должно быть здѣсь, подумалъ я, подойдя къ краю круглаго углубленія въ видѣ лейки; это углубленіе образовалось не случайно; но гдѣ же самъ работникъ?

Дѣйствительно, нигдѣ не было видно живаго существа. Я былъ совершенно одинъ среди дикой мѣстности. Я подошелъ къ углубленію и сталъ любоваться его правильностью, а также правильностью откосовъ, которые представляли собою

хорошо очерченную наклонную линію. Замѣтилъ я также, что земля откосовъ была совершенно разрыхлена, въ чемъ я убѣдился, ощупавъ ее одной изъ своихъ лапокъ.

Пока я производилъ эти наблюденія, вдругъ изъ подъ земли раздался какой-то голосъ; онъ произнесъ энергичное ругательство и гнѣвнымъ тономъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Убирайтесь прочь, идите своей дорогой! развѣ вы не видите, что портите мою работу?

Въ ту же минуту маленькая голова, вооруженная большими челюстями, высвободилась изъ подъ песку, и со дна лейки на меня уставились чьи-то злобные глаза.

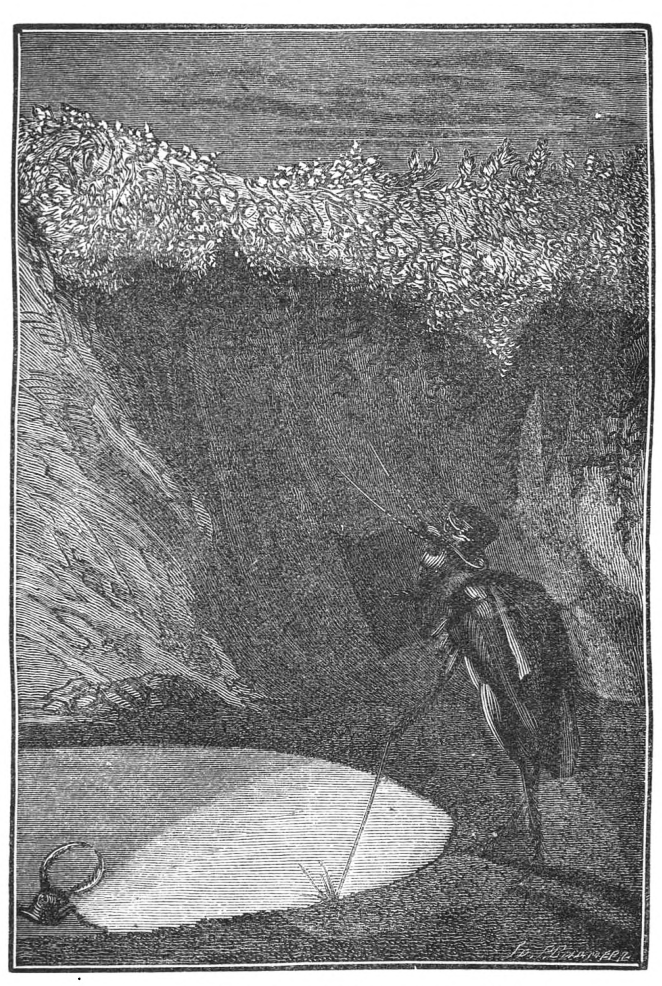

Признаюсь, я немножко струсилъ отъ этого неожиданнаго появленія и отъ недружелюбнаго тона обращенныхъ ко мнѣ словъ. Нервы у меня слабы и я не люблю никакихъ неожиданностей. Стоя лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, хотя бы и сильнѣйшимъ, я никому не уступлю въ храбрости, но всякая неожиданность производитъ на меня непріятное впечатлѣніе,— таковъ мой темпераментъ.

Испугъ мой однако былъ непродолжителенъ. Я успокоился, увидавъ маленькіе размѣры головы, обратившейся ко мнѣ съ ругательствами, и принялся внимательно разсматривать ее.

— Ну что, довольно вы поглазѣли на меня? обратилась ко мнѣ та-же голова черезъ нѣсколько минутъ. Идите своей дорогой и не мѣшайте мнѣ заниматься дѣломъ.

Услыхавъ, что это странное существо проситъ меня не мѣшать ему, я захотѣлъ узнать, какимъ

... маленькая голова, вооруженная большими челюстями, высвободилась изъ песка, и со дна воронки на меня уставились чьи-то злобные глаза (стр 110).

дѣломъ оно можетъ заниматься въ этомъ углубленіи, которое очевидно само себѣ устроило.

— Извините, мой другъ, сказалъ я ему самымъ любезнымъ тономъ, извините, если я причинилъ вамъ какой нибудь вредъ, и повѣрьте, что я сдѣлалъ это неумышленно. Я не подозрѣвалъ о вашемъ присутствіи, такъ какъ вы сидите въ этомъ углубленіи, куда вѣроятно попали нечаянно; не помочь ли вамъ вылѣзть?

Это предложеніе я сдѣлалъ только для того, чтобы задобрить его, и дѣйствительно достигъ желаннаго успѣха. Неизвѣстное насѣкомое засмѣялось.

— Глупецъ, сказало оно рѣзко, но уже безъ гнѣва: я самъ устроилъ себѣ это углубленіе и сижу въ немъ потому, что это мнѣ нравится.

— Вы вѣроятно смѣетесь надо мной! Трудно повѣрить, чтобы вы сами, безъ посторонней помощи, вырыли такое большой углубленіе, да еще безъ всякой уважительной причины.

— Вѣрьте или нѣтъ, но это правда. Я вырылъ это углубленіе одинъ и имѣлъ на это весьма уважительныя причины.

Я зналъ, что незнакомецъ говоритъ правду, потому что только такимъ образомъ можно было объяснить песочные взрывы, которые я видѣлъ издали. Но мнѣ хотѣлось знать, какимъ образомъ маленькое насѣкомое исполняло свою странную работу и съ какою именно цѣлью.

— Я вамъ вѣрю, потому что не смѣю сомнѣваться въ истинѣ вашихъ словъ; но скажите мнѣ пожалуйста, съ какою цѣлью вы предприняли этотъ утомительный трудъ?

— Мнѣ незачѣмъ скрывать свои цѣли. Я питаюсь живою добычей и предпочитаю муравьевъ

всякой другой пищѣ, но такъ какъ они бѣгаютъ скорѣе меня,—я-же, надо вамъ сказать, не умѣю ходить какъ всѣ, а вынужденъ пятиться,—то мнѣ скоро пришлось бы умереть съ голоду, если бы я вздумалъ гоняться за ними, а потому я и устраиваю на нихъ засаду.

— Понимаю, замѣтилъ я: — когда они попадаютъ въ вашу лейку, вы хватаете ихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ выкарабкаться изъ нея.

— Ничего вы не понимаете, сверчокъ; я и прыгать не умѣю, а потому дѣлаю вотъ что.

Съ этими словами маленькое насѣкомое высунуло голову и быстрымъ движеніемъ обдало меня цѣлымъ дождемъ песку; струя была такъ сильна, что я свалился бы съ ногъ, если-бы былъ поменьше ростомъ.

— Вотъ какимъ образомъ я привѣтствую муравьевъ, если они, на свое несчастіе, попадаются на моемъ пути. Съ помощью этого песочнаго града я одуряю ихъ, и они сами подкатываются ко мнѣ. Этими челюстями я высасываю изъ ихъ тѣла весь сокъ, потомъ отбрасываю высохшій трупъ и поджидаю новой добычи.

Я былъ изумленъ. Вдругъ смутное воспоминаніе промелькнуло въ моемъ умѣ.

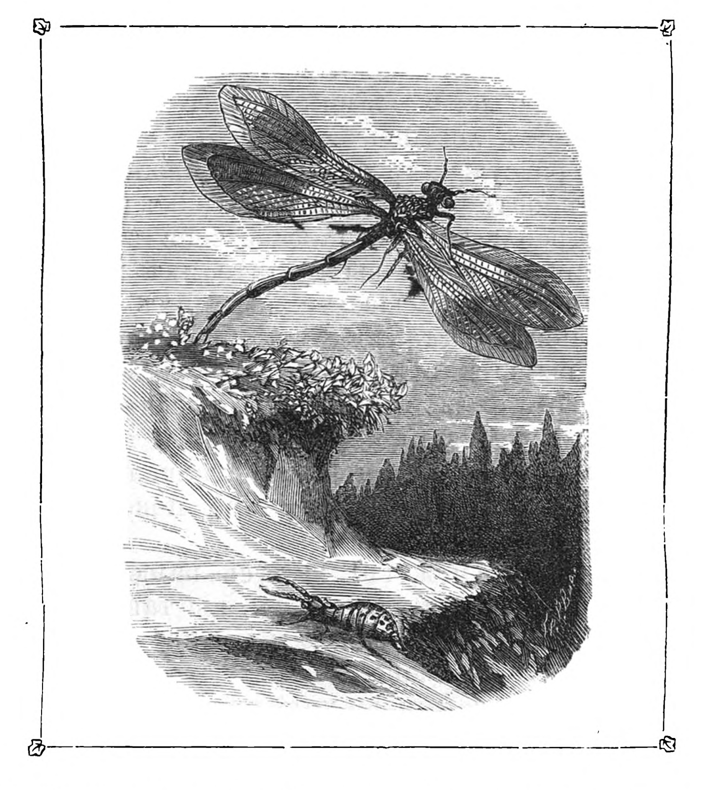
— Да вы не муравьиный-ли левъ? вскричалъ я.

— Именно такъ.

— Я слыхалъ про васъ въ дѣтствѣ. Кто и когда разсказывалъ мнѣ вашу исторію, не припомню, но она мнѣ извѣстна. Мнѣ говорили о вашемъ необыкновенномъ способѣ охоты на муравьевъ и о томъ, что вы сваливаете ихъ въ пропасть песочною картечью, но я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Позвольте... вы когда нибудь пере-

живете превращеніе; у васъ выростутъ крылья, и вы будете летать по воздуху, какъ бабочки и стрекозы, не правда-ли?

— Вы не ошибаетесь, такова моя будущая судьба. Вскорѣ я самъ устрою себѣ здѣсь въ

пескѣ нѣчто въ родѣ прочной скорлупы, въ которой проведу неподвижно и безъ пищи двѣ недѣли. Въ это время постепенно совершится мое превращеніе, у меня выростутъ крылья, и тогда мнѣ останется только разорвать свое скромное платье, въ которое я теперь одѣтъ, пробить скор-

лупу, которая будетъ предохранять меня во время періода превращенія, и наконецъ, расправивъ крылья, я весело понесусь по воздуху. Какъ видите, у меня въ виду блестящая будущность, хотя теперешняя моя доля и незавидна. Я думаю объ этомъ прекрасномъ будущемъ въ долгіе часы бездѣйствія, на которое осуждаетъ меня теперешній мой образъ жизни, и эта мысль утѣшаетъ меня; она же облегчаетъ мнѣ утомительный трудъ при устройствѣ ловушекъ.

— Вы разсуждаете очень разумно, точно человѣкъ; вѣроятно и муравьи, которыхъ вы ежедневно истребляете, утѣшаютъ себя такими-же соображеніями, когда вы душите ихъ въ своихъ щупальцахъ и высасываете изъ нихъ сокъ. Но скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы ухитряетесь вырыть эту лейку? Я былъ-бы вамъ очень благодаренъ, если-бы вы посвятили меня въ тайну своего искусства.

Муравьиный левъ не сразу отвѣчалъ на мою просьбу, а сначала недовѣрчиво покосился на меня.

— Я, быть можетъ, кажусь вамъ навязчивымъ, сказалъ я; но видите-ли, вы такъ заинтересовали меня, что я желаю пополнить свои свѣдѣнія относительно вашего образа жизни. Я очень любознателенъ и мнѣ не хотѣлось-бы разстаться съ вами, не узнавъ во всѣхъ подробностяхъ вашу необыкновенную исторію.

— Послушайте, сказалъ муравьиный левъ: я вамъ скажу откровенно, почему не сразу рѣшился удовлетворить ваше любопытство. Я сознаю свою слабость и вслѣдствіе этого становлюсь недовѣрчивымъ; я побоялся, что если выйду изъ своего убѣжища...

— Полноте, какъ вы могли хоть на минуту заподозрить меня въ дурныхъ намѣреніяхъ! Слава Богу, сверчки никогда не слыли ни обманщиками, ни предателями. Положимъ, я тоже охочусь, но охочусь честно, среди бѣлаго дня, не прибѣгая къ недостойнымъ моего происхожденія уловкамъ, сказалъ я, гордо выпрямляясь. Если-бы я задался цѣлью сдѣлать вамъ зло, то развѣ я сталъ-бы выманивать васъ изъ вашего убѣжища, когда мнѣ стоило бы только броситься на васъ и задушить въ этой самой лейкѣ?

Восхваляя такимъ образомъ свой рыцарскій характеръ, я совершенно упустилъ изъ виду (а это часто случается со мной), что мой собесѣдникъ не обладалъ именно тѣми качествами, которыми я хвастался, потому что онъ всю жизнь только хитрилъ и прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ. Впрочемъ моя выходка не оскорбила его, а сильнѣе всего повліялъ на него мой послѣдній аргументъ.

— Вы правы, сказалъ онъ; не сердитесь на меня за мое недовѣріе. Теперь я совершенно полагаюсь на вашу честность.

Съ этими словами онъ выкарабкался изъ своего убѣжища, и тутъ только я въ первый разъ увидалъ его, потому что до сихъ поръ могъ разсмотрѣть лишь его голову и челюсти.

Это было весьма странно сложенное существо: туловище его, величиною съ мою голову, казалось мягкимъ и отличалось грязновато-сѣрымъ цвѣтомъ; грудная полость была сравнительно мала, также какъ и голова, совершенно сплюс-

нутая сверху. Какъ я уже замѣтилъ, голова была снабжена двумя тонкими, выгнутыми щупальцами, зазубренными внутри, какъ пила.

Походка его была чрезвычайно странна. Онъ не двигался впередъ, какъ мы всѣ, съ помощію своихъ лапъ, а пятился назадъ скачками, выгибая заднюю оконечность тѣла и упираясь ею въ песокъ. Кромѣ того, онъ не держался на поверх-

ности почвы, а зарывался на половину, и оставлялъ за собою довольно глубокую борозду. Я шелъ за нимъ слѣдомъ. Отойдя немножко отъ своей норки, онъ объявилъ, что начнетъ свою работу, и начертилъ вокругъ себя кругъ, имѣвшій въ діаметрѣ линію втрое больше моего тѣла и разъ въ десять или двѣнадцать больше его собственнаго. Меня удивила безукоризненная правильность этого круга тѣмъ болѣе, что, описы-

вая его, муравьиный левъ руководствовался однимъ инстинктомъ: зарывшись въ песокъ, онъ не могъ видѣть своей работы. Я уже сказалъ, что онъ двигался скачками. На каждомъ шагу онъ вскидывалъ свою опущенную голову и разбрасывалъ во всѣ стороны покрывавшій ее песокъ. Тогда я снова увидалъ тѣ маленькіе взрывы, которые такъ заинтересовали меня въ первый разъ, когда я стоялъ на вершинѣ противоположнаго откоса.

— Теперь вы видѣли, какъ я работаю, сказалъ муравьиный левъ останавливаясь. По моему, не стоитъ продолжать, тѣмъ болѣе, что я повторяю тотъ-же пріемъ, только постепенно съуживаю круги по мѣрѣ того, какъ моя норка углубляется. Это трудъ не легкій, увѣряю васъ.

Я спросилъ его, во сколько времени онъ можетъ кончить засаду.

— Надо проработать по крайней мѣрѣ часъ, отвѣчалъ онъ. Иногда выберешь неудобное мѣсто, ничего не поймаешь и приходится рыть въ другомъ мѣстѣ; иногда какой нибудь несчастный случай разрушитъ норку и тогда приходится начинать работу снова. Слава Богу, не долго мнѣ придется промучиться; я достигъ нормальнаго роста и вскорѣ засяду въ скорлупу, чтобы пережить превращеніе.

Я искренно поблагодарилъ муравьинаго льва за любезность и, разставаясь съ нимъ, поздравилъ его съ предстоящимъ превращеніемъ, что́, кажется, доставило ему удовольствіе.

Я собирался спуститься съ откоса, очень довольный своею дальнею прогулкою. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я находился, откосъ возвышался почти отвѣсно, и я остановился на минутку въ нерѣ-

шительности, спрашивая себя, спрыгнуть-ли на тропинку или идти обратно по той-же дорогѣ, по какой я пришелъ. Минутное колебаніе замедлило мое возвращеніе и чуть не накликало на меня бѣду, какъ читатель узнаетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА X.

Катастрофа.

Изъ двухъ открывавшихся передо мною дорогъ я выбралъ старую, по которой пришелъ, свернулъ направо и, пробираясь подъ выступомъ, о которомъ только что говорилъ, вышелъ къ тому мѣсту, гдѣ мнѣ было легко спуститься по отлогому откосу.

Я забылъ сказать, что, во время моей бесѣды съ муравьинымъ львомъ, небо постепенно заволокло тучами. Вскорѣ дневная жара смѣнилась удушливою атмосферой, а полная неподвижность будто замершихъ березъ и осинъ свидѣтельствовала о томъ зловѣщемъ затишьи, которое въ знойное лѣто предвѣщаетъ неминуемую грозу. И дѣйствительно, не успѣлъ я выйти изъ подъ навѣса, на вершинѣ откоса, какъ сильная молнія и ударъ грома возвѣстили мнѣ о приближеніи грозы. Въ то-же время дождь сталъ накрапывать крупными каплями, забарабанилъ по листьямъ деревьевъ и вскорѣ полилъ какъ изъ ведра, сопровождаемый глухимъ шумомъ ниспадавшей съ неба воды. Казалось, будто на небѣ открыли какой-то шлюзъ и спустили на землю цѣлый потокъ. Нечего было и думать возвращаться назадъ при такихъ

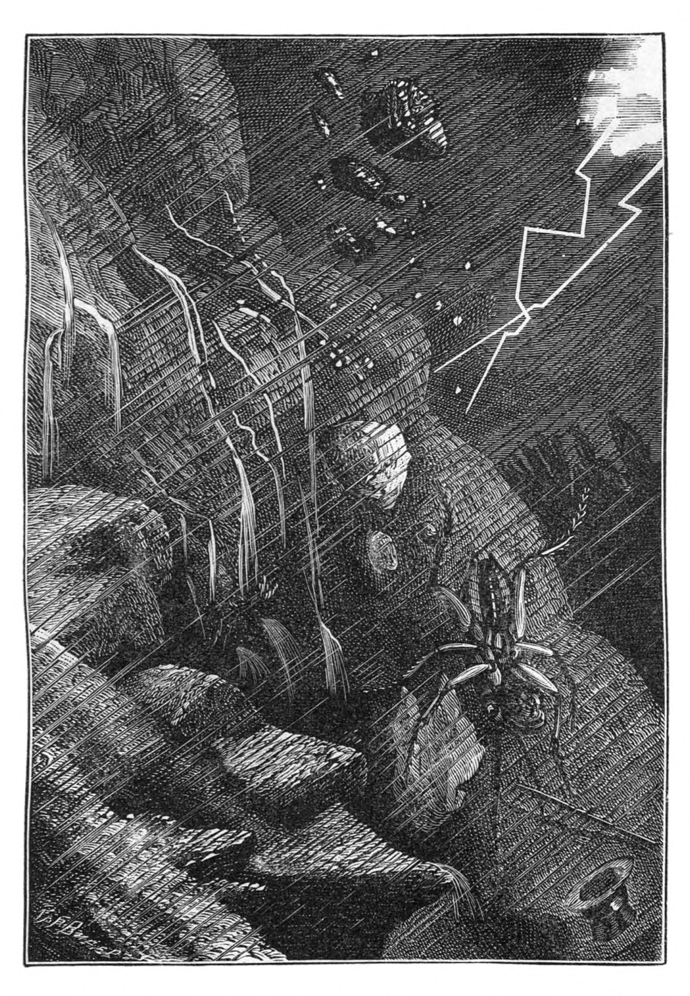
условіяхъ, я стоялъ подъ защитой навѣса и сталъ выжидать, не пройдетъ-ли ливень. Дожди, сопрождаемые грозою, обыкновенно бываютъ непродолжительны.

Черезъ нѣсколько минутъ на выбитой дорогѣ подо мною образовался цѣлый ручей, который постепенно увеличился и мало-по-малу принялъ размѣры маленькаго потока, направляясь изъ лѣса черезъ земляничную полянку и изливаясь въ прудъ, находившійся въ углубленіи долины.

Дождь лилъ и лилъ, и вскорѣ съ выступа, подъ которымъ я пріютился, стала струиться вода, образуя въ самомъ откосѣ множество желобовъ. Находясь въ безопасности, я съ любопытствомъ слѣдилъ за успѣхами наводненія, отдавая полную справедливость предусмотрительности муравьинаго льва, который оградилъ свою засаду отъ дождя. Вдругъ меня начало сильно мочить. Я съ удивленіемъ оглянулся: вода проникала въ какую-то разсѣлину и стекала по стѣнкѣ, къ которой я прислонился. Въ ту-же минуту маленькіе камешки стали сваливаться сверху и, поднявъ голову, я увидалъ съ ужасомъ, что масса земли, образовавшая сводъ надъ моей головой, заколыхалась, подмытая водою и грозила раздавить меня своимъ обваломъ. Быстрымъ прыжкомъ я отскочилъ въ сторону.

Что произошло затѣмъ — это я помню лишь весьма смутно.

Я свалился сверху внизъ по откосу, сопровождаемый камнями, глыбами песку и всевозможными обломками, а когда я опомнился отъ ужаса, то очутился въ потокѣ, уносившемъ меня со всякими неодушевленными предметами, которые безпрестанно толкали меня; я былъ въ полу-

Я свалился внизъ по откосу, сопровождаемый каменьями, глыбами песку и всевозможными обломками (стр. 122).

безпамятствѣ. Помню только смутно, что инстинктивно уцѣпился за что-то, плывшее вмѣстѣ со мною по водѣ и долго не выпускалъ этого предмета.

Нашъ инстинктъ часто заставляетъ насъ дѣлать глупости, и мы иногда бываемъ ихъ жертвами. Будь я въ состояніи размышлять въ своемъ тогдашнемъ положеніи, я, разумѣется, не уцѣпился-бы ни за какой твердый большой предметъ, потому что онъ могъ раздавить меня въ нашемъ быстромъ водяномъ путешествіи.

Впрочемъ дѣло обошлось благополучно. Послѣ продолжительнаго круженія и нырянія въ глубину потока, я попалъ въ болѣе спокойное теченіе; оглушительный шумъ воды, игравшій мною, какъ былинкой, смѣнился успокоительнымъ затишьемъ. Я мало-по-малу пришелъ въ себя и замѣтилъ, что предметъ, за который я уцѣпился, былъ не что иное, какъ еловая шишка, свалившаяся вмѣстѣ со мною съ откоса.

Шишка плыла на поверхности, и мнѣ нужно было во что бы то ни стало выкарабкаться на непогруженную въ воду часть ея, чтобы перевести духъ и отдохнуть; я вскорѣ убѣдился, что сдѣлать это не такъ легко, какъ казалось съ перваго взгляда. Чешуйки ея представляли мнѣ прекрасную точку опоры, но лишь только я пытался выскочить изъ воды, шишка опрокидывалась и я снова былъ внизу После нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ я рѣшился взобраться на свой слишкомъ подвижный плотъ по одной изъ его оконечностей, по направленію оси. Наконецъ мнѣ удалось выбраться на верхъ, гдѣ

мнѣ пришлось удерживаться посредствомъ самой искусней эквилибристики. Очнувшись въ такомъ болѣе удобномъ, хотя далеко не безопасномъ положеніи, я вздохнулъ свободнѣе. Былъ моментъ когда я считалъ себя погибшимъ и дѣйствительно только чудо спасло меня отъ калѣчества при этой страшной катастрофѣ. Прежде всего я вздохнулъ нѣсколько разъ полною грудью, а потомъ сталъ оглядываться кругомъ, чтобы понять свое положеніе.

Я плылъ по обширному водному пространству, ограниченному почти со всѣхъ сторонъ пологимъ склономъ луга, на которомъ тамъ и сямъ росли группы деревьевъ. Я прекрасно зналъ этотъ прудъ, находившійся въ паркѣ, куда я проникъ въ первый-же день своего путешествія. Я видѣлъ его вдали, съ опушки лѣса, съ которой сегодня-же утромъ осматривалъ мѣстность. Вонъ тамъ лѣсокъ, а у самой его опушки дикая площадка; тамъ, пониже, земляничная полянка, пересѣкаемая выбитою дорогою, на которую я недавно такъ поспѣшно спрыгнулъ, а тамъ, пониже, большая дорога, отдѣленная отъ пруда лишь зеленой полосой прибрежья. Съ этой возвышенности еще лилась вода цѣлыми каскадами. Именно эти каскады, направляясь по дорожкѣ, которую ливень переврратилъ въ потокъ, и пересѣкая дорогу на пути къ пруду, снесли меня на то мѣсто, гдѣ я въ настоящее время находился.

Дождь почти пересталъ. Солнце, приближавшееся къ закату, пробивалось сквозь тучи и освѣщало всю мѣстность своими косыми лучами.

Вихрь прошелъ, и теперь меня обдувало легкимъ вѣтеркомъ, освѣженный мягкій воздухъ былъ пропитанъ благоуханіями. Вереницы стрижей быстро проносились надо мною съ пронзительными криками, а ласточки рѣяли надъ поверхностію пруда, иногда касаясь воды своими крыльями. Одна изъ нихъ, пролетѣвъ мимо меня, чуть не столкнула меня съ плота и ихъ эволюціи внушали мнѣ самыя серьезныя опасенія. Я держался на еловой шишкѣ съ величайшимъ трудомъ, боясь, что малѣйшее неосторожное движеніе перевернетъ ее.

Недалеко отъ меня плылъ по водѣ листъ кувшинчика и я подумалъ, что если бы мнѣ удалось перебраться на него, то на немъ я подвергался бы меньшимъ опасностямъ и мнѣ было бы во всякомъ случаѣ удобнѣе, чѣмъ на еловой шишкѣ.

Когда я попалъ въ воду, стремительное теченіе отбросило меня далеко отъ берега, но вскорѣ оно замедлилось и совершенно прекратилось въ томъ мѣстѣ гдѣ я находился, такъ что моя еловая шишка почти не подвигалась впередъ.

Уровень воды значительно поднялся въ прудѣ отъ проливнаго дождя и вода стала очень мутна. На поверхности ея плавали сухіе сучья, былинки травы и трупы насѣкомыхъ. Разсматривая эти печальные слѣды разрушительной бури, я обратилъ вниманіе на какое-то странное движеніе происходившее подъ водой на нѣкоторомъ растояніи отъ меня, по направленію къ листу кувшинки. Движеніе это я замѣтилъ только по концентрическимъ кругамъ и по легкой ряби на поверхности, но подумалъ сначала, что въ водѣ

барахтается какая нибудь тонущая козявка. Я крикнулъ нѣсколько разъ, чтобы привлечь ея вниманіе и указать ей, куда направиться, если она еще въ состояніи плыть. Мнѣ показалось, что кто-то откликнулся на мой голосъ, но очень слабо, едва внятно. Очевидно, погибавшій услыхалъ меня и просилъ помощи, но чѣмъ и какъ могъ я помочь несчастному утопающему? Я повторилъ свои крики, желая по крайней мѣрѣ

ободрить его надеждою на близкую помощь. Тотъ же голосъ опять отвѣчалъ мнѣ, но на этотъ разъ мнѣ показалось, что онъ ближе и сильнѣе. Я сталъ звать еще и еще, но мои усилія привели къ совершенно неожиданному для меня результату. Между тѣмъ, какъ я старался приподнятся на ногахъ, отыскивая глазами несчастнаго, котораго я надѣялся спасти и ободрялъ словами, вдругъ изъ глубины вынырнула огром-

ная, отвратительная голова, раскрылась и беззвучно закрылась широкая пасть, потомъ все изчезло, взволновавъ воду такъ, что я чуть не опрокинулся вмѣстѣ со своимъ плотомъ. Передомною разыгралась драма. Сильно взволнованный, не столько изъ-за неизвѣстной мнѣ жертвы, какъ изъ-за собственной судьбы, я въ смертельной тревогѣ сталъ ожидать вторичнаго появленія чудовища; читатель вѣроятно уже угадалъ, что это была огромная лягушка; мнѣ казалось, что она готовится кинуться на меня. Я ее неосторожно подозвалъ своими криками, во мнѣ пробудился эгоизмъ, и я сталъ проклинать глупое чувство состраданія, которое могло накликать на меня серьезную бѣду. Очень нужно заботиться о спасеніи другихъ, когда собственная жизнь подвергается опасности!

Пока я сѣтовалъ такимъ образомъ на себя, волненіе, вызванное погруженіемъ лягушки, подтолкнуло мой плотъ къ листу кувшинчика. Я смѣрялъ быстрымъ взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее меня еще отъ этого листка, и, присѣвши на лапы, перепрыгнулъ на него съ шишки.

Рѣшительно мои дѣла поправились. Мой новый плотъ былъ гораздо обширнѣе, а главное устойчивѣе прежняго, и я съ наслажденіемъ расправилъ свои члены, онѣмѣвшіе отъ неподвижности, въ которой находился нѣсколько часовъ. Я безъ сожалѣнія смотрѣлъ на еловую шишку, которая удалялась отъ меня, вслѣдствіе толчка, сообщеннаго ей моимъ прыжкомъ. Я былъ похожъ на несчастнаго, спасшагося отъ кораблекрушенія на обломкѣ и цѣпляющагося за скалу, на которую выбрасываетъ его волна, хотя бы ему пришлось вскорѣ погибнуть отъ голода и жажды.

Появленіе лягушки привело меня въ ужасъ, и я поспѣшилъ замѣнить свой неустойчивый плотъ другимъ, гораздо болѣе удобнымъ. Листъ, на который я вскочилъ, былъ очень великъ, совершенно гладокъ, почти круглой формы, и я не замѣтилъ на немъ ни одного живаго существа. Я обошелъ и тщательно осмотрѣлъ его. Ѣды на немъ, разумѣется, никакой не было; но прежде всего мнѣ нужно было самому избавиться отъ опасности быть съѣденнымъ, и, подобно всѣмъ жертвамъ кораблекрушенія, я сталъ надѣяться на время и счастливый случай, чтобы выйти изъ новаго затруднительнаго положенія. Вода начинала отстаиваться, а заглянувъ въ нее, я еще болѣе наслаждался чувствомъ своей относительной безопасности. Въ пруду жили не однѣ лягушки: онъ кишѣлъ множествомъ другихъ чудовищъ; на минуту на поверхности появилось какое-то опасное животное: оно было больше, но тоньше меня, а зеленоватое тѣло его, состоявшее изъ подвижныхъ колецъ, двигалось по змѣиному. Его широкая, угрожающая голова была вооружена огромными чрезвычайно острыми челюстями. Оно посматривало на меня съ минуту такимъ лютымъ взоромъ, что я задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Безъ сомнѣнія, это не было безобидное существо; я никогда не видалъ ему подобныхъ и въ то время не зналъ его имени. Потомъ мнѣ разсказали, что это была личинка плавунца, одного изъ самыхъ опасныхъ водяныхъ насѣкомыхъ.

Стало смеркаться; надъ прудомъ проносились отъ времени до времени летучія мыши, и одна изъ нихъ даже чуть не задѣла меня крыломъ. Я сознавалъ, что положеніе мое становится все

болѣе и болѣе опаснымъ: я былъ совершенно одинъ на своемъ листѣ,—ничто не скрывало меня отъ глазъ голодныхъ вампировъ, а тѣло мое рѣзко обрисовывалось на зеленомъ фонѣ плота. Что дѣлать? Что предпринять? Новая

опасность приводила меня въ отчаяніе, но вдругъ счастливая мысль озарила меня, и я тотчасъ привелъ ее въ исполненіе. Подбѣжавъ къ краю листа, я схватился за него челюстями и со всѣхъ силъ потянувъ его къ себѣ, перегнулъ почти пополамъ. О, блаженство! на обратной сторонѣ

моего плота сидѣлъ, присосавшись, жирный слизнякъ. Въ одну минуту я схватилъ его и унесъ подъ самодѣльный навѣсъ. Такимъ образомъ я сразу пріобрѣлъ ужинъ и спасительный кровъ.

Теперь я могъ спокойно провести ночь и, устранивъ хотя временно главное неудобство, принялся ѣсть съ особеннымъ апетитомъ. Потребность отдыха все болѣе и болѣе давала себя чувствовать, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ, расположившись возможно удобнѣе подъ своимъ навѣсомъ.

ГЛАВА XI.

Шестиногій Робинзонъ и его Пятница.

Первая половина ночи прошла благополучно. По временамъ мой плотъ сильно колыхался, что̀ неоднократно нарушало мой сонъ. Я не зналъ хорошенько, чему приписать эти толчки, но предположилъ, что лягушки, плавая по пруду, толкали стебель моего листа. Впрочемъ все было невозмутимо спокойно вокругъ меня. Разъ я полюбопытствовалъ взглянуть, какова погода, и высунулъ голову изъ подъ своей импровизованной крыши. Ночь стояла превосходная и необыкновенно тихая; ни одинъ порывъ вѣтра не рябилъ зеркальную поверхность воды. Луна, заслоненная прозрачною дымкою легкихъ облачковъ, мягко озаряла своимъ голубоватымъ свѣтомъ окрестную мѣстность, и при этомъ слабомъ свѣтѣ обрисовывались только общія очертанія и крупные рельефы пейзажа. Летучія мыши изчезли, а съ ними вмѣстѣ и опасности, которыхъ я такъ боялся вечеромъ.

Я съ блаженнымъ чувствомъ сравнивалъ свою теперешнюю безопасность съ тѣмъ ужаснымъ кризисомъ, который чуть не стоилъ мнѣ жизни, и благословлялъ судьбу за свое неожиданное

избавленіе. «Гдѣ теперь мои товарищи, паукъ и Лампиръ?» думалъ я: «ужь не погибли ли они во время грозы?»

Что же касается лично меня, то для сверчка мое положеніе было достаточно комично. Правда, въ настоящую минуту я находился въ безопасности, устроилъ себѣ комфортабельное жилище, которое, при нѣкоторомъ стараніи, можно было улучшить, случай послалъ мнѣ вкусную провизію — слизнякомъ я могъ продовольствоваться нѣсколько дней. Но что дѣлать потомъ? Положимъ, при нуждѣ, можно съѣсть и самый плотъ; но, во-первыхъ, такая пища не особенно разнообразна, а во-вторыхъ, нельзя же долго ѣсть этотъ листъ: настанетъ время, когда по необходимости придется голодать, потому что съѣсть весь плотъ значило бы снова погрузиться въ воду. Я разсчиталъ въ умѣ, какую часть плота можно принести въ жертву желудку, не рискуя снова утонуть. Оказалось, что провизіи хватитъ на двѣ недѣли. Двѣ недѣли! Эта перспектива успокоила меня. Кто знаетъ, чтó можетъ случиться въ теченіи столь продолжительнаго времени и какъ неожиданныя обстоятельства измѣнятъ мою судьбу!

Я предавался этимъ размышленіямъ, какъ вдругъ возлѣ меня раздался отчаянный крикъ. Я обернулся въ ту сторону, откуда слышался звукъ. Что-то барахталось у самаго края моего плота. Я бросился туда; раздался новый, еще болѣе отчаянный крикъ, и я увидалъ большаго муравья, который, уцѣпившись за мой листъ, изо всѣхъ силъ отбивался отъ какого-то животнаго, высунувшаго изъ воды одну лишь голову и тянувшаго его за собою.

Нисколько не колеблясь и поддаваясь великодушному порыву, я схватилъ муравья за переднія лапы и, сдѣлавъ страшное усиліе, втащилъ его и его врага на свой плотъ.

Хищное насѣкомое, у котораго я такимъ образомъ отбилъ добычу, оказалось личинкою плавунца; очутившись внѣ своей стихіи, плавунецъ выпустилъ муравья и бросился на меня, опасаясь вѣроятно нападенія съ моей стороны.

Мнѣ очень хотѣлось вразумить его и объяснить, что я не имѣю на его счетъ никакихъ дурныхъ намѣреній; но въ настоящую минуту нечего было и думать объ объясненіяхъ съ разсвирѣпѣвшимъ хищникомъ, и надо было защищаться, быстро отклонившись въ сторону; я не далъ противнику схватить меня за голову, такъ что онъ впился мнѣ своими широко разинутыми

челюстями только въ переднюю ногу. Эти страшныя челюсти оказались, къ счастію, только колкими, а не острыми, такъ что плавунецъ только оцарапалъ, а не перерѣзалъ мнѣ ногу. Однако, натискъ противника былъ такъ силенъ, что я упалъ навзничь. Его гибкое тѣло обвивалось вокругъ моего туловища, а челюсти не выпускали схваченную ногу. Благодаря своей прочной бронѣ, я оставался нечувствительнымъ къ его ударамъ; онъ понялъ это и, тотчасъ перемѣнивъ тактику, сталъ толкать меня къ краю листа, стараясь свалить въ воду, гдѣ ему было бы не трудно одолѣть меня. Однако мнѣ удалось вскочить на ноги, и въ этомъ положеніи я уже не боялся, что онъ стащитъ меня въ воду. На бѣду, плавунецъ схватилъ меня такъ, что я не могъ пустить въ ходъ свои челюсти потому, что шея у меня недостаточно гибка. Оставалось оказывать пассивное сопротивленіе, и борьба могла бы затянуться на долго, если бы вдругъ не явилась неожиданная помощь въ моментъ, когда я уже терялъ надежду выйти побѣдителемъ изъ борьбы. Въ началѣ борьбы, муравей держался въ сторонѣ, ожидая вѣроятно удобнаго случая, чтобы подоспѣть мнѣ на помощь. Увидавъ, что всѣ усилія мои тщетны и что я никакъ не могу отбиться отъ противника, онъ счелъ нужнымъ въ свою очередь вмѣшаться въ дѣло, храбро кинулся на плавунца и впился ему въ шею своими челюстями.

У личинокъ плавунцовъ эта часть тѣла очень нѣжна и покрыта только тонкою кожицею. Въ силу особенности своего сложенія, голова ихъ вращается во всѣ стороны, но за то плохо защищена на мѣстѣ соединенія съ туловищемъ, гдѣ и находится самая уязвимая часть ихъ тѣла.

Мнѣ удалось вскочить на ноги, и въ этомъ положенiи я уже не боялся, что плавунецъ стащитъ меня въ воду. (стр. 136).

Крѣпкія челюсти муравья стиснули шею личинки и на половину перерѣзали ее. Хищникъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и тотчасъ же выпустилъ меня, чтобы отразить неожиданное нападеніе; но муравей не далъ ему опомниться и покончилъ его, укусивъ еще два-три раза. Въ одинъ моментъ голова отлетѣла отъ туловища, и мой обезглавленный, безвредный врагъ свалился съ плота, оставляя намъ въ видѣ трофея свою голову; онъ ринулся въ свою стихію, гдѣ, безъ сомнѣнія, вскорѣ погибъ ужасною смертью.

Эта неожиданная развязка пришла какъ разъ впору, потому что я совершенно обезсилѣлъ.

Переведя духъ, я внимательно взглянулъ на муравья, котораго не успѣлъ хорошенько разсмотрѣть, когда вытягивалъ изъ воды. Онъ принадлежалъ къ той многочисленной породѣ насѣкомыхъ, которая живетъ цѣлыми обществами въ огромныхъ земляныхъ кучахъ среди лѣсовъ. Я никогда не видалъ этихъ городовъ, потому что къ нимъ опасно приближаться, но зналъ ихъ по наслышкѣ, по разсказамъ одной моей пріятельницы-пчелы. Муравей, котораго послала мнѣ судьба, былъ очень большаго роста, особенно же поразило меня въ немъ странное калѣчество: у него не было одного усика, и это отсутствіе симетріи въ его наружности придавало ему какой-то особенно оригинальный видъ. Муравей тоже молча разсматривалъ меня и чистилъ передними лапами голову и челюсти, запачканныя кровью врага. На плоту билась въ послѣднихъ конвульсіяхъ

голова плавунца, судорожно раскрывая и сжимая челюсти.

Не желая видѣть ея конвульсій я накрылъ своей трофей шляпой, но легкая струя вѣтра успѣла сбросить ее въ воду, откуда мнѣ едва-едва удалось ее выудить.

Муравей первый прервалъ молчаніе, которое становилось тягостнымъ.

— Вы какъ разъ вò-время оказали мнѣ помощь, сверчокъ. Безъ васъ я уже былъ бы теперь подъ водой между этими двумя челюстями.

— А безъ вашей помощи, возразилъ я въ свою очередь, борьба могла бы окончиться для меня такой же катастрофою.

— Очень можетъ быть, но эта борьба завязалась изъ-за меня; я кругомъ обязанъ вамъ, вы спасли мнѣ жизнь, а потому я считаю пріятнымъ долгомъ выразить вамъ свою признательность и предложить свою дружбу. Будемте же жить отнынѣ друзьями на жизнь и на смерть, хотите?

Этотъ искренній, сердечный тонъ сразу расположилъ меня въ пользу муравья и понравился мнѣ. Я не колеблясь принялъ дружбу, которая была предложена мнѣ отъ чистаго сердца.

Я мало зналъ муравьевъ, хотя часто видалъ ихъ, и еще чаще слыхалъ объ нихъ, потому что эта могущественная раса играетъ въ нашемъ мірѣ важную роль; но мнѣ никогда не приходилось вступать съ ними въ близкія отношенія, да, по правдѣ сказать, я и не добивался такого сближенія. Въ нашемъ кругу они слывутъ сварливыми, вспыльчивыми и злыми насѣкомыми. По другимъ же отзывамъ, они очень умны, дѣятельны, трудолюбивы, привязаны къ семьѣ, воодушевлены сильно развитымъ національнымъ чувствомъ, которое доведено у нихъ до крайности и переходитъ въ то, что̀ люди называютъ, кажется, *кваснымъ патріотизмомъ*. Каждое изъ муравьиныхъ племенъ, а ихъ очень много, считаетъ себя первымъ, и это соперничество вызываетъ частыя войны между ними. Слыхалъ я также, что муравьи не отличаются гостепріимствомъ и плохо принимаютъ тѣхъ, которые осмѣливаются неосторожно приблизиться къ нимъ. Крупная порода лѣсныхъ муравьевъ, къ которой принадлежалъ мой новый товарищъ, пользова-

лась въ этомъ отношеніи незавидною репутаціей. Большіе города, въ которыхъ она живетъ, представляютъ собою что-то таинственное. Никто не рѣшается не только проникнуть въ нихъ, но даже приблизиться къ нимъ, боясь лютой смерти, а все, что̀ извѣстно объ нихъ, основано на неопредѣленныхъ слухахъ, распускаемыхъ крылатыми насѣкомыми, которыя одни только рискуютъ посѣщать окрестности муравьиныхъ городовъ. Относительно гостепріимства я до нѣкоторой степени ошибался, потому что узналъ впослѣдствіи, что у нихъ живутъ многочисленные гости, а познакомившись съ ними хорошенько, я отрѣшился отъ многихъ своихъ предубѣжденій.

Въ описываемый мною моментъ я еще находился подъ вліяніемъ этихъ предубѣжденій. Однако я не могъ отвергнуть предложеніе, сдѣланное мнѣ муравьемъ при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы оба находились, и отвѣчалъ на него столь же сердечно.

— Скажите пожалуйста, какой несчастный случай привелъ васъ сюда?

— Я ушелъ довольно далеко отъ жилья, какъ вдругъ разразилась вчерашняя, извѣстная вамъ буря. Когда пошелъ дождь, я шелъ по тропинкѣ, которая ведетъ къ лѣсу съ большой дороги. Мѣстность хорошо мнѣ извѣстна, потому что я часто хожу тамъ. Когда дождь хлынулъ, я пустился бѣжать, но вскорѣ долженъ былъ остановиться и пріютился подъ камнемъ, надѣясь переждать ливень. Но, къ сожалѣнію, я

плохо выбралъ убѣжище: не прошло и четверти часа, какъ стремительный потокъ опрокинулъ мой камень и снесъ меня въ прудъ. Я долго плылъ, самъ не знаю куда, и едва боролся съ волнами; наконецъ, мнѣ удалось выкарабкаться на цвѣтокъ кувшинчика, по близости отъ листа, на которомъ мы теперь находимся съ вами. Я вползъ въ него съ намѣреніемъ отдохнуть, а потомъ выискать способъ вернуться на землю. Я проспалъ въ своемъ убѣжищѣ до поздней ночи, потомъ захотѣлъ было выйти посмотрѣть, какова погода, но вдругъ, къ изумленію моему, замѣтилъ, что цвѣтокъ свернулся и сдѣлался моей тюрьмой!

Впрочемъ это не встревожило меня: я былъ увѣренъ, что во всякую данную минуту безъ особеннаго труда освобожусь изъ заключенія; чувствуя себя въ полной безопасности въ чашечкѣ цвѣтка, я рѣшилъ переночевать тамъ и крѣпко заснулъ.

Проснувшись и думая, что солнце встало, я принялся точить челюстями лепестки моей цвѣточной тюрьмы и вскорѣ просверлилъ въ ней отверстіе, но не мнѣ первому пришлось проникнуть сквозь него. Лишь только оно образовалось, какъ, къ великому моему удивленію, въ него проникла струйка воды, которая вскорѣ залила всю чашечку цвѣтка, такъ что я рисковалъ утонуть, если бы не поспѣшилъ выйти изъ нея вонъ; но тутъ произошло нѣчто болѣе удивительное.

По неизвѣстной мнѣ причинѣ—вѣроятно потому, что вода въ прудѣ прибыла отъ дождя—цвѣтокъ, въ которомъ я пріютился нѣсколько часовъ тому назадъ, уже не стоялъ надъ водою, а почти погрузился въ нее, такъ что мнѣ при-

шлось отыскивать вплавь новаго убѣжища. Проточивъ цвѣтокъ, я самъ сдѣлался виновникомъ катастрофы. Я пустился вплавь и вскорѣ добрался до этого листа, но, уцѣпившись за него передними лапами, почувствовалъ, что что-то схватило меня сзади. Я еще сильнѣе уцѣпился за край листа и закричалъ отъ ужаса. Все остальное вамъ извѣстно.

— Счастливъ вашъ Богъ, замѣтилъ я, что въ эту самую минуту я полюбопытствовалъ взглянуть на погоду и вышелъ изъ подъ своего навѣса. Не будь этого, вы погибли бы.

— Непремѣнно. Я уже совсѣмъ обезсилѣлъ и безъ вашей помощи сдѣлался бы жертвою гнуснаго хищника. А вы какимъ образомъ попали сюда?

— Точно также, какъ и вы. Я тоже шелъ по тропинкѣ, о которой вы упомянули, и тотъ же потокъ снесъ меня въ этотъ прудъ.

— Ну, теперь наше любопытство удовлетворено, а потому позвольте мнѣ подумать о своемъ желудкѣ. У меня ужъ давно не было маковой росинки во рту, и я чуть не умираю съ голоду.

Съ этими словами муравей подошелъ къ головѣ личинки и принялся протачивать ея роговую оболочку, чтобы высосать внутреннія мягкія части. Я оставилъ его за этимъ пріятнымъ занятіемъ и отправился подъ свой навѣсъ, гдѣ и проспалъ безмятежнымъ сномъ до восхода солнца.

ГЛАВА XII.

Я принимаю приглашеніе.

Остальная часть ночи прошла безъ новыхъ приключеній. Когда я снова вышелъ изъ подъ навѣса, уже совсѣмъ разсвѣло. Муравей, пріютившись на самомъ высокомъ мѣстѣ изгиба листа, занимался своимъ туалетомъ, т. е. растиралъ себѣ тѣло и голову и очищалъ всѣ члены челюстями. Я послѣдовалъ его примѣру, предварительно поздоровавшись съ нимъ.

Окончивъ это дѣло, мы стали совѣщаться о вопросѣ, который сильно занималъ меня, а именно о томъ, какимъ образомъ причалить къ берегу.

— Объ этомъ не стоитъ и заботиться, сказалъ онъ. Лишь только поднимется вѣтеръ, мы подплывемъ къ берегу, а пока побесѣдуемъ.

— Знаешь ли ты, какое нибудь средство помочь бѣдѣ? сказалъ я, переходя съ нимъ отъ церемоннаго *вы* къ дружескому *ты*.

— Разумѣется, знаю.

— Пожалуйста сообщи.

— Самъ увидишь: это ужь мое дѣло; не безпокойся, мы причалимъ къ берегу, когда тебѣ будетъ угодно.

Его увѣренность успокоила меня. Вполнѣ полагаясь на умъ своего новаго друга, я пересталъ настаивать и распрашивать.

Мы стали бесѣдовать объ разныхъ разностяхъ, о его мѣстожительствѣ, о населеніи его роднаго города и обыденныхъ занятіяхъ жителей. Я узналъ, что мой товарищъ живетъ въ сосѣднемъ лѣсу, въ городѣ, имѣвшемъ нѣсколько тысячъ жителей, что этотъ городъ не единственный въ окрестностяхъ, что есть неподалеку другой, почти столь же населенный.

— Хотя жители другаго города одной породы съ нами, сказалъ муравей, однако мы не ладимъ между собой: они—плохіе сосѣди.

Я подумалъ, что эти сосѣди вѣроятно говорятъ то же самое о согражданахъ моего новаго друга.

— Недалеко отъ насъ, продолжалъ онъ, есть еще муравьиныя колоніи; тамъ живутъ желтые, черно-пепельные, бурые и т. д. Но это—мелюзга, на которую мы не обращаемъ вниманія.

Я разсказалъ ему въ свою очередь въ нѣсколькихъ словахъ, пропуская лишнія подробности, какія причины заставили меня прійти сюда.

— Дѣйствительно, я удивился, встрѣтивъ тебя здѣсь, сказалъ онъ. Сверчки, кажется, обыкновенно живутъ обществами; но въ здѣшней мѣстности я никогда не слыхалъ и не видалъ вашего брата.

— Да я—настоящій бродяга, пожалуй искатель приключеній; у меня нѣтъ ни кола ни двора, сказалъ я, смѣясь.

— Куда же ты дѣнешься, когда мы высадимся на землю?

— Да у меня есть импровизованное жилище и кое-какіе пріятели, но Богъ знаетъ, найду ли я первое въ сохранности, а вторыхъ въ живыхъ послѣ вчерашней катастрофы.

— Это сомнительно. Во всякомъ случаѣ, если ты находишься въ затруднительномъ положеніи, то я предложу тебѣ пристанище у насъ.

При этомъ совершенно неожиданномъ предложеніи я подскочилъ отъ удивленія и съ нѣкоторымъ испугомъ посмотрѣлъ на своего друга. Онъ замѣтилъ мое удивленіе.

— Ты, кажется, недоумѣваешь?

— Дѣйствительно, и не безъ причины.

— Почему?

— Мнѣ всегда говорили, что доступъ въ муравейники воспрещается чужимъ, подъ страхомъ смертной казни.

— Дѣйствительно, если бы ты пришелъ въ нашъ городъ одинъ, то рисковалъ бы поплатиться за это жизнью. Но со мной тебѣ нечего бояться. У насъ въ муравейникѣ множество гостей.

— Ты думаешь, что меня примутъ?

— Разумѣется; почему же не принять?

— Видишь ли, про васъ идетъ молва, что вы крайне не гостепріимны.

— Говоря вообще, это правда; мы довольно непривѣтливо встрѣчаемъ назнакомыхъ, но не слѣдуетъ однако приписывать это слѣпой и систематической враждѣ ко всѣмъ иностранцамъ. Мы дѣйствительно не любимъ навязчивыхъ, праздныхъ и безполезныхъ существъ, вотъ и все.

— Боюсь, что меня причислятъ къ послѣдней категоріи.

— Да ужь я все это улажу... Во всякомъ случаѣ, со мною...

— О, подъ твоимъ покровительствомъ я, разумѣется, ничего не побоюсь. Ты говоришь, что у васъ есть гости?

— Даже очень много. Кромѣ того, у насъ есть слуги, невольники, которыхъ мы заставляемъ работать, существа, которыя забавляютъ насъ... а вотъ что: я представлю тебя, какъ музыканта.

— Прекрасно, сказалъ я смѣясь; я рискну посѣтить васъ.

Мы долго болтали о томъ и о семъ. Муравей отличался веселымъ нравомъ, живымъ умомъ и разнообразными свѣдѣніями. Вдругъ я замѣтилъ на его лицѣ отпечатокъ какого-то тревожнаго чувства и спросилъ, о чемъ онъ безпокоится?

— Здѣсь есть стрекозы, отвѣчалъ онъ, а это разбойники, которые не любятъ шутить. Какъ ты думаешь, не слишкомъ ли я на виду на этомъ мѣстѣ?

— Да ты не бойся, я тебя не дамъ въ обиду и буду защищать въ случаѣ нападенія.

— Спасибо, но я все-таки просверлю дырочку въ этомъ изгибѣ, чтобы имѣть убѣжище на всякій случай.

Я согласился, что не мѣшаетъ принять нѣкоторыя предосторожности: на оконечностяхъ изгиба были дырочки, но въ нихъ не такъ легко было влѣзть, какъ въ ту, которую собирался просверлить муравей. Вскорѣ мы вдвоемъ устроили безопасное убѣжище.

— Теперь мнѣ ужь нечего бояться, сказалъ онъ; при малѣйшей тревогѣ я исчезну.

— А ты очень боишься стрекозъ?

— Да, и не безъ причины. Если бы я по-

пался въ лапы которой нибудь изъ нихъ, она сразу проглотила бы меня.

— А тамъ на берегу пруда ихъ очень много.

— Да, я вижу представителей всевозможныхъ породъ.

Мы нѣсколько минутъ молча слѣдили за ихъ граціозными и быстрыми эволюціями. Вскорѣ муравей сказалъ мнѣ:

— Поднялся вѣтеръ, какъ ты думаешь, не слѣдуетъ ли намъ позаботиться о высадкѣ?

— Не мѣшало бы; нельзя же оставаться здѣсь неопредѣленное время. Но какъ же мы поплывемъ?

— На этомъ самомъ листѣ.

— Да вѣдь онъ прикрѣпленъ.

— Ну такъ что же, мы оторвемъ его.

— Прекрасно! воскликнулъ я; какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову!

— Ну принимайся за дѣло, ты сильнѣе меня: грызи, точи и снимемся съ якоря.

Я немедленно принялся пилить стебелекъ листа у самой его оконечности.

— Не такъ, сказалъ муравей; оторви самый листъ повыше, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ тоньше.

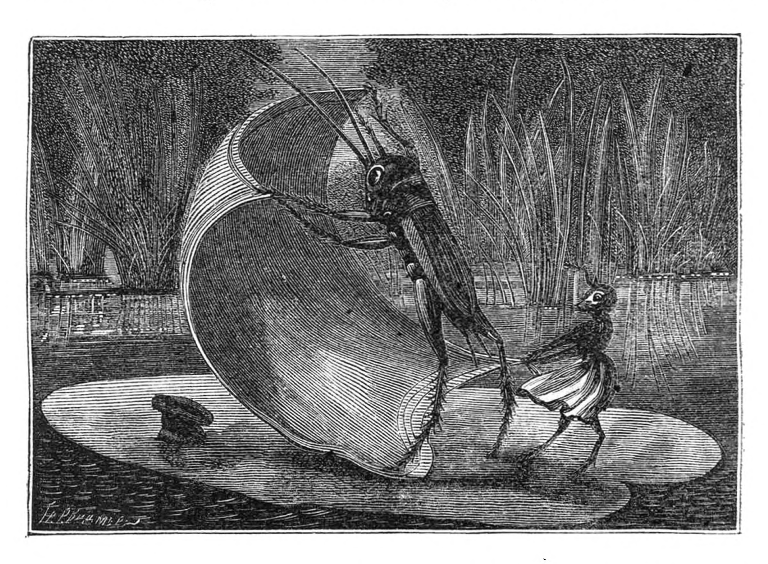
Я послѣдовалъ его совѣту, и вскорѣ мы снялись съ якоря и поплыли на свободѣ по направленію вѣтра.

Наше плаваніе совершилось благополучно. Раза два-три мы запутывались въ группы ряски и спорышей, но подвижные листы этихъ растеній не представляли собой непреодолимыхъ преградъ. Вода была совершенно прозрачна. Проплывая надъ однимъ кустикомъ я обратилъ вниманіе

муравья на изящество и тонкость листьевъ этого подводнаго растенія. Между его стебельками копошились миріады всевозможныхъ насѣкомыхъ. Мнѣ хотѣлось остановиться и полюбоваться столь новымъ для меня зрѣлищемъ, но это было невозможно. Вѣтеръ гналъ насъ довольно быстро къ берегу, благодаря парусу, который мы устроили себѣ изъ листа.

Муравей былъ чѣмъ то озабоченъ и внимательно смотрѣлъ на тотъ пунктъ, гдѣ, по всѣмъ

вѣроятностямъ, мы должны были пристать къ берегу. Я спросилъ его, чѣмъ онъ встревоженъ.

— Все идетъ прекрасно, пока мы плывемъ по глубокой водѣ, сказалъ онъ; но та часть пруда, къ которой несетъ насъ вѣтеръ, окаймлена ситниками, и мы непремѣнно остановимся на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Если полоса ситниковъ не широка, то мы срѣжемъ нѣсколько

листьевъ и устроимъ себѣ изъ нихъ мостъ, но если по ту сторону ихъ есть еще вода, то придется изобрѣсти какое. нибудь другое средство. Послѣднее кажется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ, потому что отъ вчерашняго дождя вода сильно прибыла и часть берега должна быть затоплена.

Соображенія товарища показались мнѣ вполнѣ основательными; но онъ упустилъ изъ вида другое препятствіе, которое обнаружилось прежде, чѣмъ мы достигли группы ситниковъ.

Вода, совершенно чистая и прозрачная на серединѣ пруда, становилась все болѣе и болѣе сорною по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу. Къ намъ на встрѣчу плыла всевозможная дрянь. Вчерашній дождь смылъ съ земли и снесъ въ прудъ множество всякихъ обломковъ, сучьевъ, соломы, листьевъ, зеренъ и тысячи другихъ предметовъ, въ томъ числѣ множество труповъ насѣкомыхъ. Весь этотъ соръ, гонимый вѣтромъ, собрался къ берегу, куда насъ тоже несло; онъ вскорѣ образовалъ сплошной слой, на который мы наткнулись, такъ что нашъ плотъ остановился недалеко отъ ситниковъ.

— Что же теперь дѣлать? спросилъ я.

— Если бы я былъ одинъ, отвѣчалъ муравей, то легко перешелъ бы пѣшкомъ черезъ это препятствіе. Но ты тяжелѣе меня и чего добраго провалишься на этомъ плавучемъ мосту.

— Да, меня этотъ слой не выдержитъ. Иди одинъ, прибавилъ я; у тебя есть друзья и товарищи, которые ждутъ тебя и безпокоются объ тебѣ. Мнѣ же некуда торопиться; я останусь

на этомъ плоту, пока спадетъ вода, и все таки авось какъ нибудь выпутаюсь изъ бѣды.

— Нѣтъ, возразилъ муравей, я тебя не оставлю на произволъ судьбы. Или мы найдемъ возможность пробраться на берегъ вмѣстѣ, или останемся вмѣстѣ здѣсь; я обѣщалъ вывести тебя на берегъ и исполню это. Пока я тебя оставлю одного и пойду къ ситникамъ осмотрѣть мѣстность.

Съ этими словами онъ побѣжалъ къ краю плота и сошелъ на плавучій слой, образовавшійся изъ всякаго сора.

— Будь остороженъ! не попадись стрекозамъ! крикнулъ я ему.

— Не безпокойся, отвѣчалъ онъ; я буду держать ухо востро. Онъ постепенно удалялся отъ меня, подвигаясь чрезвычайно осторожно и тщательно выбирая предметы, на которыхъ легче было удержаться. Два-три раза онъ изчезалъ, и я начиналъ безпокоиться—ужь не провалился ли онъ въ воду; но каждый разъ онъ снова появлялся цѣлый и невредимый, а вскорѣ я увидѣлъ его подъ однимъ изъ ситниковъ, который стоялъ впереди всей группы. Потомъ онъ началъ взбираться наверхъ. Я боялся, что его поймаетъ какая нибудь стрекоза, но къ счастью ихъ въ этой сторонѣ не было.

Взобравшись на самый верхъ ситника, мой товарищъ долго осматривалъ окрестности, дѣлалъ мнѣ какіе то непонятные знаки и наконецъ спустился столь же благополучно, какъ и поднялся наверхъ. Спустившись почти къ самой водѣ, онъ исчезъ за стволомъ ситника.

Я ожидалъ, что онъ вернется ко мнѣ съ отчетомъ о результатѣ своихъ наблюденій, но про-

шло нѣсколько минутъ, а товарищъ мой все не являлся. Что онъ дѣлаетъ? думалъ я. Я былъ убѣжденъ, что онъ не подвергся никакимъ нападеніямъ ни со стороны стрекозы, ни со стороны какого нибудь другого хищника, потому что я бы замѣтилъ это, находясь невдалекѣ отъ ситниковъ. Не увидалъ ли онъ какого нибудь врага и не выжидаетъ ли, пока тотъ удалится?

Я дѣлалъ всевозможныя предположенія, но вдругъ замѣтилъ, что ситникъ, съ котораго я не спускалъ глазъ, заколыхался, потомъ наклонился въ мою сторону, и наконецъ упалъ по направленію къ плоту. Я только успѣлъ отскочить, потому что стебель упалъ на мой листъ, а заканчивающій его коричневый початокъ шлепнулся въ воду чуть не подъ самымъ моимъ носомъ, обрызгавъ меня съ ногъ до головы.

Теперь я понялъ намѣренія муравья: онъ подточилъ водоросль у основанія и свалилъ ее въ мою сторону, чтобы устроить для меня мостъ отъ самаго плота. Для этого надо было только хорошенько разсчитать, въ которую сторону упадетъ длинный стебель ситника, и результатъ, котораго достигъ мой товарищъ, доказывалъ, что соображенія его были совершенно вѣрны.

Вскорѣ онъ прибѣжалъ ко мнѣ по импровизованному мосту.

— Ну, крикнулъ онъ мнѣ торжествующимъ тономъ, ловко сдѣлано: не правда ли? Вѣрно ли я разсчиталъ?

— Превосходно, сказалъ я, теперь надо попытаться пройти по устроенному для меня пути; это

будетъ не легко, потому что я не гожусь въ акробаты.

— Да ты не понялъ, мой другъ, перебилъ онъ меня. Я вовсе не думаю подвергать тебя такимъ опасностямъ; этотъ мостъ слишкомъ узокъ для тебя, да кромѣ того ты никуда не выберешься по немъ. Я вовсе не хотѣлъ устроить мостъ, а имѣлъ въ виду пріобрѣсти орудіе, которое поможетъ намъ пробиться сквозь слой сора, не слѣзая съ плота. Прежде всего опусти въ воду загнутую часть листа. Хорошо. Теперь поди сюда; обхвати передними ногами стебель ситника, и толкай изо всѣхъ силъ плотъ задними. Видишь, онъ подвигается впередъ? продолжай! Толкай еще сильнѣе и не унывай, дѣло идетъ на ладъ!—И дѣйствительно оно шло превосходно.

Я безпрекословно исполнялъ приказанія муравья, по мѣрѣ того, какъ онъ отдавалъ ихъ. Крѣпко уцѣпившись за ситникъ, я толкалъ листъ задними ногами, причемъ онъ медленно подвигался впередъ, преодолѣвая сопротивленіе сорнаго слоя. Такимъ образомъ мнѣ удалось протолкать нашъ плотъ до того мѣста, гдѣ стоялъ подточенный муравьемъ ситникъ.

Приплывши къ этому пункту, я спросилъ муравья, что дѣлать дальше.

— Мы уже преодолѣли очень серьезное препятствіе, сказалъ онъ, но это еще не конецъ. Мы почти выбрались изъ плавучаго слоя сора, потому что, какъ видишь, ситники задержали его, и по ту сторону вода свободна. Но намъ предстоитъ очень трудное дѣло, и я не знаю, какъ за него приняться.

Я посмотрѣлъ впередъ. Муравей былъ правъ:

Крѣпко уцѣпившись за ситникъ, я толкалъ листъ задними ногами и мы медленно подвигались впередъ (стр. 154).

между ситниками, къ которымъ мы подплыли очень близко, я не замѣтилъ накакого сора; гладкіе, высокіе стволы водорослей стояли надъ прозрачной чистой водой; водоросли не отличались особенной густотой и тянулись узкой полоской, такъ что изъ-за нихъ можно было прекрасно разсмотрѣть противоположный берегъ, къ которому намъ предстояло причалить. Тѣмъ не менѣе, эта маленькая рощица, отдѣлявшая насъ отъ берега, представляла собою препятствіе, черезъ которое невозможно было провести нашъ плотъ. Приходилось бросить его и найти какое нибудь другое перевозочное средство.

— Вода скоро спадетъ, замѣтилъ муравей; но мнѣ кажется, что въ этомъ мѣстѣ прудъ еще очень глубокъ, такъ что мы не очутимся на мели. Ситники всегда ростутъ въ водѣ, стало быть нечего ждать ея убыли, которая не окажетъ намъ никакой пользы. Надо придумать что нибудь другое.

— Можно, пожалуй, подточить одинъ изъ этихъ ситниковъ и бросить его по направленію къ берегу, продолжалъ муравей, но оконечность его не достанетъ до земли; если мы и проберемся по этому мосту—хотя я сомнѣваюсь, чтобы ты могъ пройти по немъ—то все таки очутимся опять въ водѣ.

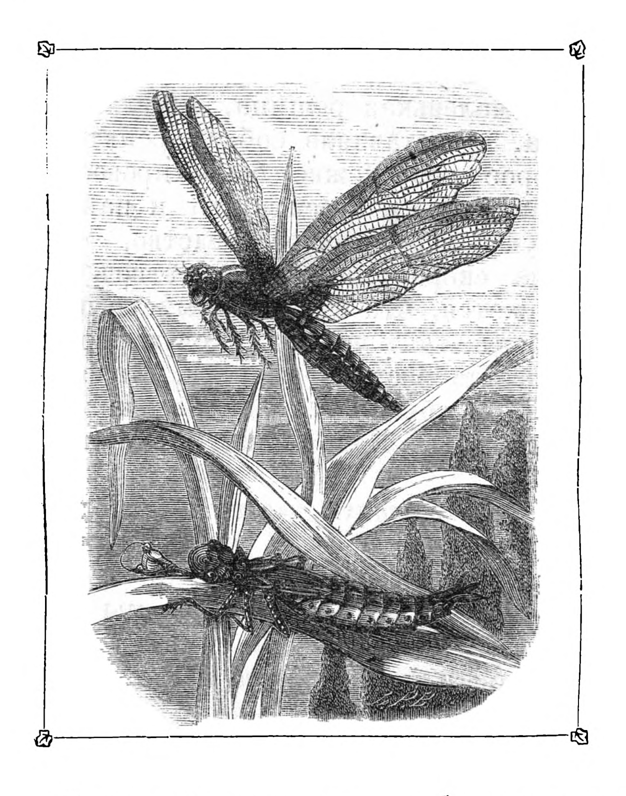
— Тамъ ужь останется небольшое пространство и его можно будетъ переплыть, замѣтилъ я.

— Въ умѣ ли ты, сверчокъ? Не совѣтую тебѣ рѣшаться на такую глупость. То небольшое пространство, о которомъ ты говоришь такъ легкомысленно, самое опасное. Развѣ ты не знаешь, что берега прудовъ населены личинками веснянокъ и стрекозъ, не говоря уже о лягуш-

кахъ и плавунцахъ; все это—лютые хищники. Знаешь ли ты личинки стрекозъ?

— Нѣтъ.

— Такъ не желаю тебѣ когда либо познакомиться съ ними.

— Такъ онѣ очень опасны, эти знаменитыя личинки?

— Ты познакомился сегодня ночью съ личинкой плавунца, не правда-ли?

— Да, и убѣдился, что съ нею не легко справиться.

— Ну, такъ знай же, что личинка стрекозы еще опаснѣе.

— Неужели? И онѣ живутъ также въ водѣ?

— Не безпокойся, успѣешь насмотрѣться на нихъ, прежде, чѣмъ мы причалимъ. Постараемся только не попасться въ ихъ лапы.

— Что же мы однако будемъ дѣлать?

ГЛАВА XIII.

Водяныя чудовища.

Муравей призадумался на минуту, потомъ сказалъ мнѣ:

— Есть средство, правда, довольно трудноисполнимое, но вѣдь ты силенъ; вдвоемъ мы какъ нибудь справимся. Я предлагаю вотъ что: нашъ плотъ слишкомъ широкъ и не можетъ пройти между ситниками; надо съузить его.

— Полно! возможное ли это дѣло?

— Разумѣется.

— Какъ же мы ухитримся это сдѣлать?

— Ты только исполняй мои приказанія.

— Изволь, я готовъ.

— Перерѣжь этотъ стебель вотъ здѣсь, а потомъ, когда справишься съ этой работой — еще вотъ здѣсь.

Съ этими словами онъ указалъ мнѣ на пригнутый имъ ситникъ, подъ которымъ застрялъ нашъ листъ, и назначилъ оба мѣста, гдѣ надо было сдѣлать надрѣзы.

Я принялся за работу и скоро кончилъ ее. Только кора стебля была тверда, внутренняя же сердцевина оказала мало сопротивленія. Мнѣ скоро

удалось отдѣлить частицу, равнявшуюся по длинѣ листу кувшинчика.

— Теперь, сказалъ муравей, потяни къ себѣ плавучую часть стебля и отрѣжь второй кусокъ такой же длины, какъ и первый.

Я исполнилъ его приказаніе.

На нашемъ листѣ очутились тогда двѣ частицы стебля ситника. Муравей приказалъ мнѣ положить ихъ рядомъ.

— Прекрасно, сказалъ онъ; возьми теперь листъ за край — вотъ такъ, тяни его къ себѣ, какъ вчера вечеромъ, когда ты устроивалъ себѣ убѣжище, и перегни его на оба стебля, потомъ отрѣжь всю лишнюю часть.

Я началъ понимать намѣренія товарища, и, послѣ многихъ усилій и продолжительной работы, мнѣ удалось перегнуть часть листа на остовъ нашего будущаго плота. Затѣмъ я отрѣзалъ, по приказанію товарища, всю лишнюю часть и оттолкнулъ ее въ воду.

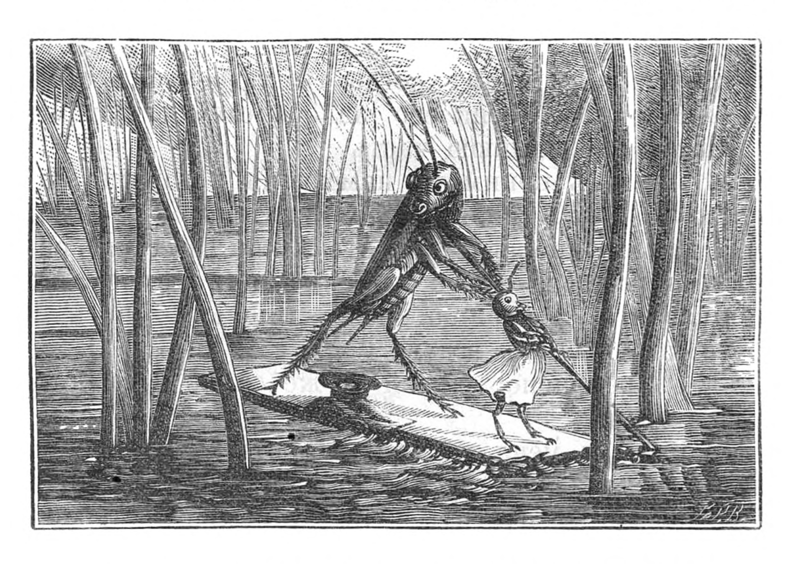
— Прекрасно; сдѣлай то же самое и съ другой стороны.

Работа у меня кипѣла. Но эта вторая часть задачи оказалась труднѣе первой, потому что я уже не могъ спуститься по ту сторону стеблей и мнѣ пришлось отрѣзать, не перегибая листа, ту часть, которая казалась лишнею. Наконецъ и это удалось мнѣ; черезъ часъ утомительной работы и сильнаго напряженія, мы устроили длинный, узкій плотъ, достаточно устойчивый и пригодный для плаванія вдвоемъ.

Теперь нужно было вывести плотъ изъ чащи ситниковъ, и для этого намъ предстояло переплыть еще небольшое пространство, покрытое сухими вѣточками и сучками. Эта эволюція уже

не представляла серьезныхъ затрудненій. Муравей снова поползъ на слой сухихъ вѣточекъ, и, выбравъ былинку, которая свѣсилась надъ самымъ нашимъ плотомъ, переломилъ ее у самаго корешка. Я повторилъ свой прежній маневръ, и вскорѣ одинъ изъ концовъ нашего плота врѣзался въ чащу водяныхъ растеній, за которыми намъ надо было высадиться на берегъ.

Этотъ лѣсъ водорослей, среди котораго мы

очутились, представлялъ для меня необыкновенное и совершенно новое зрѣлище. Ситники, съ мое тѣло толщиною, съ гладкой, темнозеленой корой, достигали значительной высоты и росли прямо изъ воды. Они стояли на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что нашъ плотъ, теперь значительно съуженный, свободно проходилъ между ними. У ихъ основанія вода была прозрачна и въ ней почти не было того сора, который мы

оставили за собой, такъ что мы подвигались впередъ, лишь слегка поталкивая плотъ. Я гребъ соломенкой то съ одной, то съ другой стороны. Мы скользили по водѣ почти незамѣтно, однако все таки подвигались впередъ. Иногда и средняя часть плота задѣвала за какую нибудь изъ водорослей, но слабыхъ толчковъ муравья было достаточно, чтобы снова направить его на безопасный путь. Вскорѣ мы выплыли въ болѣе свободное пространство.

Я уже давно замѣтилъ на стеблѣ водянаго шильника, къ которому мы направлялись, какой то странный предметъ, чрезвычайно заинтересовавшій меня. Это было нѣчто въ родѣ большаго насѣкомаго, уцѣпившагося за стебель, но издали было видно, что это только трупъ живаго существа. То была высохшая бѣловатая кожа, съ отверстіемъ въ родѣ прорѣхи вдоль спины.

— Это, сказалъ муравей, указывая мнѣ на интересный предметъ, шкурка личинки стрекозы. Личинка живетъ въ водѣ, какъ я уже объяснялъ тебѣ, а такъ какъ она водится на берегу прудовъ, то мы скоро увидимъ ее. Когда она достигаетъ полнаго своего развитія, то выходитъ изъ воды, взлѣзаетъ на какое нибудь водяное растеніе, цѣпляется за него лапками и сидитъ на немъ совершенно неподвижно. Вскорѣ, кожуринка ея высыхаетъ, лопается вдоль спины и освобождаетъ стрекозу, которая постепенно расправляетъ свои мягкія, смятыя крылья и улетаетъ, оставляя свою оболочку въ томъ положеніи, въ какомъ ты ее видишь.

— Вотъ такъ любопытная исторія!

— Я уже давно знаю эти кожуринки, которыя тебѣ въ диковинку.

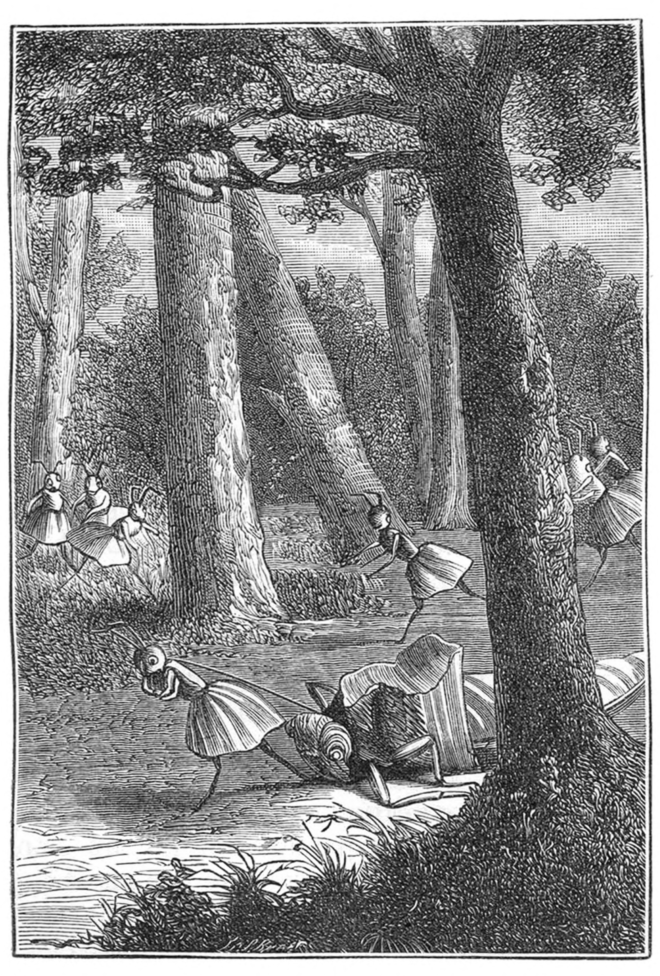
Разъ какъ то я съ нѣсколькими товарищами переносилъ домой кусочекъ дерева, какъ вдругъ мы увидали вдали одного изъ нашихъ, который тащилъ фантастическое чудовище; оно было разъ въ двадцать или тридцать больше его. Мы ужасно удивились и побѣжали помогать товарищу; но, подойдя поближе, мы убѣдились, что это не животное, а высохшая и очень легкая кожуринка личинки, которую вѣтеръ снесъ отъ пруда къ нашему жилищу. Нечего и говорить, что нашъ товарищъ не принялъ нашихъ услугъ и объявилъ, что самъ справится съ своею ношей.

Заговорившись, муравей пересталъ управлять плотомъ и, благодаря его разсѣянности, мы запутались въ группу пузырчатокъ; ихъ изящные желтые цвѣтки возвышались надъ водой на длинныхъ былинкахъ, а безконечно развѣтвленные стебли колыхались, поддерживаемые множествомъ маленькихъ, наполненныхъ воздухомъ пузырьковъ.

Я бросился къ переднему концу плота и, съ помощью нѣсколькихъ толчковъ, успѣлъ освободить его изъ сплетшихся вѣтвей растенія. Склонившись надъ водой и стараясь высвободить наше судно, я увидалъ почти на самомъ днѣ какой-то большой воздушный пузырь, который будто былъ прикрѣпленъ на мѣстѣ и не могъ подняться на поверхность по неизвѣстной причинѣ.

Я показалъ муравью этотъ странный, блестящій предметъ и спросилъ, не камень ли это? Товарищъ молча посмотрѣлъ, потомъ попросилъ меня дотронуться до загадочнаго предмета кон-

Одинъ изъ нашихъ товарищей тащилъ фантастическое чудовище, которое было разъ въ двадцать или тридцать больше его (стр. 164).

цомъ соломенки, служившей мнѣ багромъ, Лишь только я прикоснулся къ нему, множество воздушныхъ пузырьковъ отдѣлились отъ мнимаго камня и лопнули на поверхности воды.

— Ага, сказалъ муравей, теперь я понимаю, что это такое: это жилище паука.

— Паука! вскричалъ я; не можетъ быть!

— Увѣряю тебя, что это—жилище водянаго паука. Я никогда не видалъ ихъ, но знаю по разсказамъ.

— Я думалъ до сихъ поръ, что всѣ пауки водятся на землѣ и, подобно намъ, дышатъ воздухомъ.

— Этотъ паукъ составляетъ исключеніе: онъ водится въ водѣ, но тѣмъ не менѣе дышетъ точно также, какъ и мы—онъ живетъ среди воздуха, только подъ водой.

— Какимъ же это образомъ?

— А вотъ какимъ: водяной паукъ прядетъ шелкъ, какъ и всѣ пауки. Когда ему вздумается устроить себѣ водяное жилище, онъ снуетъ нѣсколько нитей между вѣтвями затопленныхъ водой растеній, потомъ соединяетъ между собою первыя нити съ помощью множества другихъ и располагаетъ ихъ такимъ образомъ, что вся основа получаетъ форму опрокинутаго колокольчика. Видалъ ли ты колокольчики, сверчекъ?

— Какъ же; это—хорошенькіе голубые цвѣтки, которыхъ много на лугахъ. Я ихъ часто видалъ.

— Такъ вотъ водяной паукъ устраиваетъ себѣ подъ водой шелковый колокольчикъ изъ очень густой и непромокаемой ткани. Нечего и говорить, что, во время своей работы, онъ задерживаетъ дыханье; надо тебѣ сказать, что онъ въ состояніи не дышать довольно долго, безъ вся-

каго вреда для себя. Окончивъ свою постройку, онъ отправляется наверхъ, за воздушными пузырями, которые опорожняетъ въ своемъ колокольчикѣ и повторяетъ эту операцію до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ наполнитъ колокольчикъ воздухомъ. Затѣмъ онъ поселяется въ своемъ жильѣ и дышетъ подъ водой своимъ запасомъ воздуха.

— Я зналъ, что пауки изобрѣтательны, сказалъ я, но не подозрѣвалъ еще такихъ ухищреній. Зачѣмъ однако этотъ паукъ такъ трудится надъ устройствомъ своего подводнаго жилья, вмѣсто того, чтобы жить попросту, какъ всѣ другіе пауки?

— Это, мой другъ, дѣло вкуса. Онъ вѣроятно предпочитаетъ водяныя личинки всякой другой добычѣ.

— Неужели онъ не мокнетъ, путешествуя изъ своего жилья къ поверхности воды?

— Нѣтъ; тѣло его совершенно покрыто пухомъ, который не допускаетъ воду до его кожи.

Пока мы бесѣдовали такимъ образомъ, нашъ плотъ плылъ къ берегу.

Переплываемая нами часть пруда была населена многочисленными обитателями. Передъ нами сновали цѣлыми стаями *вертячки* (водяные жуки). Они быстро плавали, описывая тысячи запутанныхъ круговъ. При нашемъ приближеніи они разсѣялись и снова собрались въ кучку на нѣкоторомъ разстояніи. Водомѣрки быстро скользили по гладкой поверхности, будто она была скована морозомъ, и я съ удовольствіемъ слѣдилъ за ихъ прерывистымъ бѣгомъ, наблюдая, какъ онѣ гонялись въ запуски

съ гребляками и водяными клопами, которые, опрокинувшись на спину, плыли не менѣе скоро.

Я не зналъ всѣхъ этихъ насѣкомыхъ и не былъ знакомъ съ ихъ образомъ жизни, потому что не живалъ надъ водой, но муравей называлъ мнѣ ихъ по мѣрѣ ихъ появленія.

— Все это разбойники, сказалъ онъ: — они живутъ исключительно грабежомъ. Посмотри-ка теперь въ глубину.

Вода мелѣла, по мѣрѣ нашего приближенія къ берегу, и можно было хорошо разсмотрѣть тинистое дно пруда.

На немъ было также цѣлое населеніе плававшихъ и ползавшихъ насѣкомыхъ. Муравей указалъ мнѣ на личинку стрекозы, которая приближалась къ другой, меньшей, вѣроятно съ цѣлью съѣсть ее. Подойдя къ ней, она вытянула нѣчто въ родѣ суставчатой руки съ крѣпкими клешнями, которая находилась надъ ея головой, и быстро схватила ее. Мнѣ было удобно разсмотрѣть ее, и я изумился быстротѣ движенія, которую она при этомъ обнаружила. Личинка стрекозы обладала опаснымъ орудіемъ, и мнѣ стало ясно, что разсказъ муравья объ ней не былъ преувеличенъ.

По грязи ползали водяные скорпіоны, среди маленькихъ коричневыхъ комочковъ, которые я принялъ сначала за кусочки дерева, но которые, при болѣе внимательномъ разсмотрѣньи, оказались чѣмъ то совершенно инымъ. Я указалъ на нихъ муравью.

— Ты принимаешь личинки веснянокъ за кусочки дерева, сказалъ онъ: — какъ видишь, эти личинки живутъ въ очень дурномъ обществѣ и были бы скоро съѣдены, если бы онѣ изъ предо-

сторожности не дѣлали себѣ нѣчто въ родѣ футляра, который совершенно закрываетъ ихъ. Онѣ выставляютъ наружу только голову и лапы, да и тѣ прячутъ при малѣйшей опасности; это хитрыя и осторожныя животныя.

— Что онѣ ѣдятъ?

— Всего понемногу.

— Всю ли жизнь онѣ проводятъ въ водѣ?

— Нѣтъ; когда періодъ роста оканчивается, онѣ прикрѣпляютъ свой футляръ къ растенію и подвергаются въ немъ превращеніямъ точно также, какъ и стрекозы. Смотри, вонъ одна летаетъ.

— Что это за чудовище? спросилъ я, увидавъ вдругъ возлѣ нашего плота огромнаго чернаго червяка со сморщенною кожей и головой не выпуклой, какъ у насъ всѣхъ, а вогнутой, что придавало ему страшный и отвратительный видъ.

— Это личинка водолюба. Посмотри, какъ она схватила этого беззащитнаго прудовика и раздавила между головой и спиной.

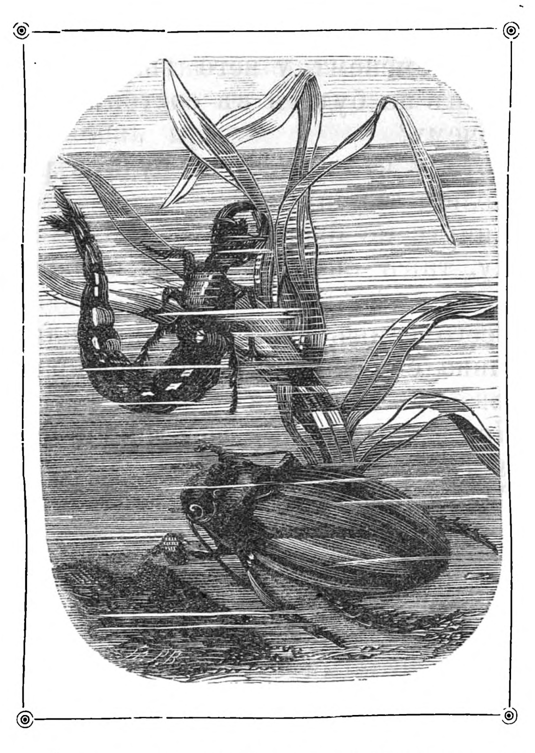
— Вижу; но и на нее готовится нападеніе. Вонъ большая личинка плавунца тихонько подкрадывается къ ней съ дурными намѣреніями. Она открываетъ свои челюсти и готова кинуться на намѣченную жертву.... Ахъ!...

Это восклицаніе вырвалось у меня отъ удивленія. Я ожидалъ, что закипитъ бой между обѣими личинками, но вдругъ личинка водолюба изчезла въ какомъ то черномъ облакѣ, которое закрыло ее всю.

— Вотъ такъ штука, засмѣялся муравей.— Вотъ такъ оригинальный способъ отдѣлываться отъ непріятеля! Кажется, жидкость, которую выпустила изъ себя личинка водолюба, не пришлась по вкусу другой, потому что она удираетъ.

— А у водолюба тоже выростаютъ крылья?

— Разумѣется, только онъ не распускаетъ ихъ, какъ веснянки и стрекозы, а прячетъ ихъ въ футляры, потому что онъ—жесткокрылое насѣкомое. Впрочемъ, крылья нужны ему только для переселеній; обыкновенно онъ живетъ въ

водѣ, подобно плавунцу, на котораго похожъ, съ тою только разницей, что онъ больше и миролюбивѣе его.

— Какъ? Развѣ онъ не хищникъ?

— Нѣтъ; онъ питается растеніями.

— А плавунецъ?

— О, тотъ всегда остается хищникомъ.

— Какія удивительныя перемѣны нравовъ!

— Я тебѣ разскажу что-то еще болѣе удивительное.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на муравья.

— Взгляни на этого червяка, который ползетъ подъ водой.

— Вижу; ну что же?

— Со временемъ у него выростутъ крылья, но тогда онъ не будетъ въ состояніи ѣсть.

— Почему?

— Потому что у него не будетъ рта.

— Полно, ты шутишь.

— Ничуть не бывало.

— Ну, такъ онъ не долго проживетъ безъ пищи.

— Всего одинъ день; его и назвали *поденкой*. Но личинка его живетъ долго, по крайней мѣрѣ два года.

— На его мѣстѣ я не торопился бы превращаться.

— За все существуютъ на свѣтѣ расплата,— замѣтилъ муравей.

Вдругъ нашъ плотъ толкнуло большое, черное жестко-крылое, быстро разсѣкавшее воду съ помощью двухъ заднихъ лапъ, очень длинныхъ и мохнатыхъ, которыя служили ему веслами.

— Неосторожное животное!—воскликнулъ муравей, чуть не свалившійся въ воду отъ толчка.

— Что это за животное?

— Проклятый плавунецъ, худшій изъ морскихъ разбойниковъ. Онъ, чего добраго, толкнулъ плотъ съ намѣреніемъ, съ цѣлью сбросить насъ въ воду.

— Вонъ онъ убѣгаетъ.

Мы помолчали нѣсколько времени. Я внимательно слѣдилъ глазами за этимъ озабоченнымъ міромъ, копошившимся надъ нами; онъ былъ неизвѣстенъ мнѣ до сихъ поръ, но муравей вдругъ открылъ мнѣ всѣ его изумительныя тайны.

— Одно меня очень удивляетъ, муравей, сказалъ я.

— Что именно, мой другъ?

— А то, что ты знаешь всѣхъ этихъ животныхъ, какъ будто жилъ въ ихъ средѣ.

— Это очень просто: лѣтомъ мы путешествуемъ тамъ и сямъ, наблюдаемъ и слушаемъ разные разсказы; зимой же бесѣдуемъ между собой: это тоже пріятное препровожденіе времени.

— Пріятное и полезное.

— А ты что дѣлаешь зимой?

— Я.... сплю, отвѣчалъ я, нѣсколько смущенный.

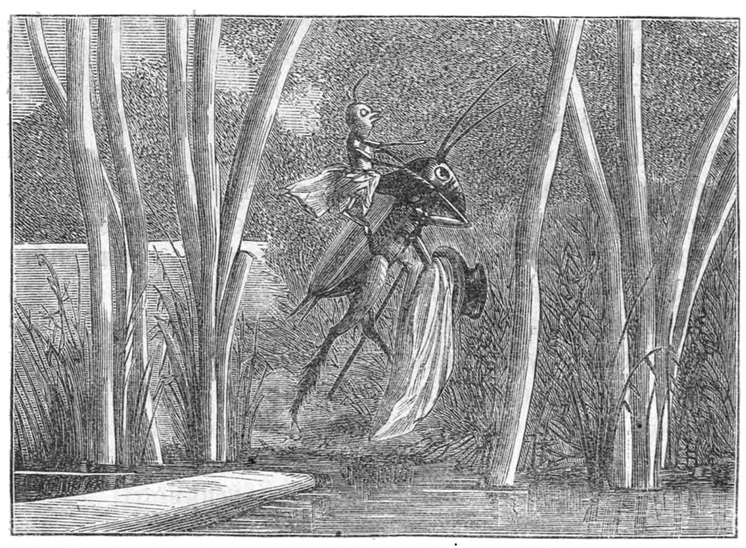
— Это болѣе пріятно, чѣмъ полезно; вотъ почему, не въ обиду тебѣ будь сказано, ты сильнѣе тѣломъ, чѣмъ духомъ. Впрочемъ, продолжалъ муравей весело, благодаря нашему союзу, мы какъ нельзя лучше справились со всѣми затрудненіями. Я думалъ за тебя, а ты за меня работалъ. Но вотъ мы и пріѣхали.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ плотъ, высвободившись изъ пузырчатокъ, поплылъ по вѣтру и остановился у поросшаго травой берега.

ГЛАВА XIV.

Предостереженіе.

— Уцѣпись за мой хвостъ, сказалъ я муравью; я помогу тебѣ высадиться на берегъ.

Онъ исполнилъ мой совѣтъ. Я прыгнулъ и очутился на землѣ.

Мы высадились недалеко отъ большой дороги,

а чтобъ добраться до нея, надо было подняться на откосъ, поросшій дерномъ. Сѣно только что скосили, и хотя трава была довольно низкая, она представляла муравью трудно-преодолимое препятствіе. Я пригласилъ его покрѣпче усѣсться на моей спинѣ, что онъ и исполнилъ охотно, и такимъ образомъ мы безъ всякихъ особенныхъ приключеній добрались до большой аллеи, по которой проходили накапунѣ, борясь съ наводненіемъ. На этомъ самомъ мѣстѣ я нѣсколько дней тому назадъ, испугавшись спуска экипажа, бросился въ кустики земляники; теперь у меня явилась фантазія посѣтить то мѣсто, гдѣ меня принимала медвѣдка, и увидать бесѣдку, въ которой я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, въ разговорѣ съ кузнечикомъ. Я сообщилъ о своемъ желаніи муравью, который рѣшился сопровождать меня. Дорогой я разсказалъ ему приключенія перваго вечера моего путешествія, которыя еще не были извѣстны ему во всѣхъ подробностяхъ, и передалъ ему все, что касалось моей встрѣчи съ медвѣдкой.

Вскорѣ я очутился подъ земляничнымъ кустомъ, въ тѣни котораго находилось жилище медвѣдки. Чего добраго, гроза разрушила входъ, подумалъ я; но послѣ непродолжительныхъ поисковъ я нашелъ его нетронутымъ.

— Подожди меня здѣсь, сказалъ я муравью, я забѣгу на минутку къ кузинѣ, узнаю о ея здоровьи—разумѣется если она дома, въ чемъ я вовсе неувѣренъ.

— Я пойду съ тобой, сверчокъ: я буду очень радъ познакомиться съ твоей почтенной родственницей.

Мы вошли въ коридоръ. Сначала легко было

идти, но потомъ стало такъ темно, что я подвигался впередъ лишь ощупью.

Я зналъ, что коридоръ прямо ведетъ въ зало, гдѣ обыкновенно находилась медвѣдка, и что изъ него нѣтъ другаго выхода, а потому и не боялся заблудиться въ темномъ подземельи. Но я остановился тѣмъ не менѣе, потому что мною вдругъ овладѣлъ страхъ. Я убѣжалъ наканунѣ изъ залы, въ которую направлялся теперь, вслѣдствіе восклицанія медвѣдки: «бѣда, идетъ кротъ!» — А бросившись бѣжать со всѣхъ ногъ, я не догадался провѣрить, основательна ли тревога или нѣтъ. Быть можетъ, моя кузина, постоянно озабоченная грозившими ей опасностями, встревожилась по пустому: ей вездѣ и постоянно грезились кроты. Но если вторженіе крота дѣйствительно произошло, то все должно было быть разрушено въ томъ мѣстѣ подземелья, къ которому я направлялся, и, подвигаясь впередъ въ темнотѣ, я рисковалъ попасть въ какую нибудь нору, изъ которой трудно будетъ выбраться потомъ. Я остановился и сталъ окликать кузину изо всѣхъ силъ; отвѣта не было, мертвая тишина господствовала въ подземельи.

— Уйдемъ, сказалъ мнѣ муравей; жилье повидимому совершенно пусто. Твоя кузина или ушла, или погибла, и во всякомъ случаѣ намъ здѣсь нечего дѣлать.

— Подожди, отвѣчалъ я, что-то тамъ какъ-будто виднѣется.

— Счастливецъ же ты, право! Я такъ не вижу даже кончика своего единственнаго усика.

— Я вижу свѣтъ.

— Да ты вѣрно ушибъ глазъ объ какой нибудь камень, сказалъ онъ шутя.

— Ничуть не бывало: присмотрись хорошенько самъ,—тамъ, вдали, что-то свѣтится.

— А въ самомъ дѣлѣ ты правъ.

— Но что это такое?

— Можетъ быть, свѣтлякъ. Ничего другаго нельзя предположить.

— Да ужь не она ли это?

— Кто она?

— Я хотѣлъ сказать: онъ.

— Да кто же онъ?

— Нашъ недавній спутникъ, помнишь, свѣтлякъ, объ которомъ я тебѣ разсказывалъ.

— Можетъ быть. А тебѣ очень хочется съ нимъ повидаться?

— Разумѣется. Онъ мнѣ разскажетъ, можетъ быть, что-нибудь про кузину: они были очень дружны.

— Хорошо; такъ пойдемъ къ нему, только поскорѣе, чтобы не терять лишняго времени.

Мы осторожно пошли впередъ, ощупывая почву подъ ногами.

— Не ходи дальше, сказалъ муравей; окликни его.

Я крикнулъ: «Лампиръ!» Отвѣта не было. Я снова принялся звать: «Лампиръ! Лампиръ, это я, сверчокъ, вашъ другъ». Мертвое молчанье и вдругъ свѣтъ исчезъ.

— Уйдемъ, сказалъ муравей, теряя терпѣніе; ты видишь, что это не онъ.

— Я тоже думаю, что не онъ, согласился я; онъ узналъ бы мой голосъ и подошелъ бы къ намъ. Нечего дѣлать, пойдемъ назадъ.

Муравей повернулся, а я сталъ пятиться назадъ, и мы выбрались на свѣтъ Божій.

— Мнѣ хотѣлось бы побывать еще на те-

расѣ, гдѣ я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, сказалъ я.... Это не далеко отсюда; тамъ былъ кузнечикъ....

— Ты надѣешься встрѣтиться съ нимъ тамъ?

— О, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же идти?

— Да мнѣ хотѣлось увидать то мѣсто.

— Полно сентиментальничать! Пойдемъ, голубчикъ, дальше. Если тебѣ вздумается отыскивать всѣхъ своихъ друзей и всѣ мѣста, гдѣ ты пріятно проводилъ съ ними время, то мы никогда ничего не успѣемъ сдѣлать; да къ тому же, признаюсь, я проголодался. Неужели тебѣ не хочется ѣсть?

— Признаться, и я чувствую пустоту въ желудкѣ.

Не долго намъ пришлось искать обѣда, потому что кругомъ было чѣмъ поживиться. Муравей принялся уплетать кожуринку личинки, которую нашелъ подъ земляничнымъ кустикомъ, а я удовольствовался нѣсколькими былинками молодой травы.

— Теперь въ путь, сверчокъ. Вѣдь ты пойдешь со мной дальше, не-правда ли?

— Разумѣется, отвѣчалъ я.

Намъ предстояло выбрать одну изъ двухъ дорогъ: до лѣса можно было добраться идя прямо черезъ земляничную поляну, или же повернувши въ алею и спустившись потомъ по тропинкѣ. Муравей выбралъ послѣдній путь, хотя онъ былъ длиннѣе.

— Я хорошо знаю эту дорогу, объяснилъ онъ,

потому что ходилъ по ней сотни разъ; другая же мнѣ неизвѣстна.

— Мы можемъ согласить и то, и другое, сказалъ я: — пойдемъ по полянкѣ до опушки лѣса, а потомъ по опушкѣ до тропинки. Я знаю мѣстность и увѣряю тебя, что мы такимъ образомъ сократимъ путь; къ тому же здѣсь намъ предстоитъ меньше опасныхъ встрѣчъ, чѣмъ на большой дорогѣ.

Муравей не возражалъ противъ моего предложенія, и мы пустились въ путь къ пустой площадкѣ, которая замыкала земляничную полянку. Я предпочелъ эту дорогу по причинѣ, которую счелъ лишнимъ объяснять: мнѣ хотѣлось пройти по тому мѣсту, гдѣ я разстался наканунѣ со своими товарищами, и убѣдиться, уцѣлѣли ли они подъ грозой. Мы благополучно пробрались черезъ земляничную полянку. Почва была довольно ровная, и мы поднимались почти по прямому направленію, отклоняясь отъ него только по необходимости, чтобы пройти сквозь чащу кустовъ. Я не дурно разсчиталъ направленіе нашего пути, потому что, добравшись до дикой площадки, увидалъ на небольшомъ разстояніи нору кролика, возлѣ которой мы на дняхъ вышли на свѣтъ съ товарищами послѣ подземнаго путешествія. Дорогой я разсказалъ муравью это невѣроятное приключеніе и сообщилъ ему, что всё это пространство я недавно прошелъ подъ землей.

— Вотъ, сказалъ я, указывая на отверстіе норы, — здѣсь мы вышли изъ подземелья. Спустимся въ него на минутку отдохнуть и освѣжиться. Не правда-ли, стало очень жарко?

Мы проникли въ подземелье. На насъ пахнуло

живительной свѣжестью, и отъ утомленія мы скоро заснули крѣпкимъ сномъ.

Я проснулся первый и, предоставивъ муравью наслаждаться сладкимъ сномъ, вышелъ прогуляться. Было вѣроятно часа четыре, и хотя погода стала прохладнѣе, однако солнце довольно сильно припекало. Я скоро отыскалъ камень, подъ которымъ пріютился, выбравшись изъ подземелья, но отъ той ямки, которую я вырылъ, чтобы освободить жужелицу, не осталось и слѣда. Дождь пробилъ землю кругомъ, и я спросилъ себя, ужь не зарыта-ли подъ ней несчастная жужелица во второй разъ. «Ну, если ты опять попала въ бѣду, пѣняй на себя!»

Подойдя къ смородинному кусту, на которомъ наканунѣ поселился паукъ, я съ удовольствіемъ увидалъ, что онъ сидитъ неподвижно въ серединѣ своего шатра. Двѣ-три спутанныя мухи свидѣтельствовали о томъ, что охота шла сегодня удачно. Онъ вѣроятно покоился послѣобѣденнымъ сномъ. Я окликнулъ его. Онъ узналъ меня и тотчасъ спустился внизъ.

— Это вы, сверчокъ? привѣтствовалъ онъ меня. Я очень радъ видѣть васъ цѣлымъ и невредимымъ. Признаюсь, я считалъ васъ погибшимъ.

— Я дѣйствительно чуть не погибъ, но уцѣлѣлъ таки. А вы какъ поживаете?

— О, я не подвергался никакой опасности; дождь только разорвалъ мою паутину и мнѣ пришлось дѣлать новую, но это не бѣда. Во время ливня я пріютился въ вѣткахъ этого смородиннаго куста. Но что же было съ вами? вы говорите, что чуть не погибли?

— Меня потокъ снесъ вонъ въ тотъ прудъ, но я благополучно выкарабкался. Не видѣлись ли вы вчера съ медвѣдкой и свѣтлякомъ?

— О медвѣдкѣ я ничего не знаю, Лампира же видѣлъ вчера вечеромъ, — онъ входилъ въ ту нору.

— И всё съ зажженной лампой?

— Да.

— Какой неосторожный! А вы, кажется, удачно охотитесь?

— Да, здѣсь прекрасное мѣсто. Я рѣшилъ поселиться здѣсь. Не думаете ли и вы перебраться въ наши края?

— Можетъ быть, но теперь я здѣсь только мимоходомъ.

— Куда-же вы идете?

— Иду въ гости въ муравейникъ, который находится неподалеку отсюда въ этомъ лѣсу.

— Вы идете въ муравейникъ? Зачѣмъ васъ туда Богъ несетъ?

— Такъ, вздумалось, посмотрѣть захотѣлось.

— Да въ своемъ ли вы умѣ, сверчокъ? Да это самоубійство! Васъ тамъ навѣрное зарѣжутъ.

— Видите ли, я иду не одинъ. Надо вамъ сказать, что прошлой ночью я познакомился съ однимъ муравьемъ и даже спасъ ему жизнь, такъ что теперь мы — закадычные друзья; онъ пригласилъ меня къ себѣ, — вотъ я и иду.

— Напрасно! Это — ужасная неосторожность.

— Быть можетъ, я поступилъ легкомысленно, принявъ приглашеніе; но меня увлекаетъ пикантность этого приключенія.

— Смотрите, мой другъ! Не довѣряйте муравьямъ: это — скверное отродье.

— Они пожалуй раздражительны, но не злы. Я впрочемъ не думаю, чтобы мой другъ пригла-

силъ меня къ себѣ съ цѣлью заманить въ западню.

— Вашъ другъ, можетъ быть, и не имѣетъ дурныхъ намѣреній, но за другихъ поручиться нельзя. Вѣрьте мнѣ, лучше не ходите туда.

— Я имѣю нѣкоторыя основанія предполагать, что мой другъ—не обыкновенный рядовой муравей. Онъ ручается за мою безопасность. Онъ вѣроятно какой нибудь начальникъ.

— У муравьевъ нѣтъ начальниковъ.

— Что вы говорите?

— Говорю, что у нихъ нѣтъ начальниковъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Совершенно увѣренъ; у нихъ республика, и они всѣ равны между собою.

— Ну что же дѣлать! я далъ слово и теперь поздно отступать назадъ. Ужь куда ни шло—рискну!

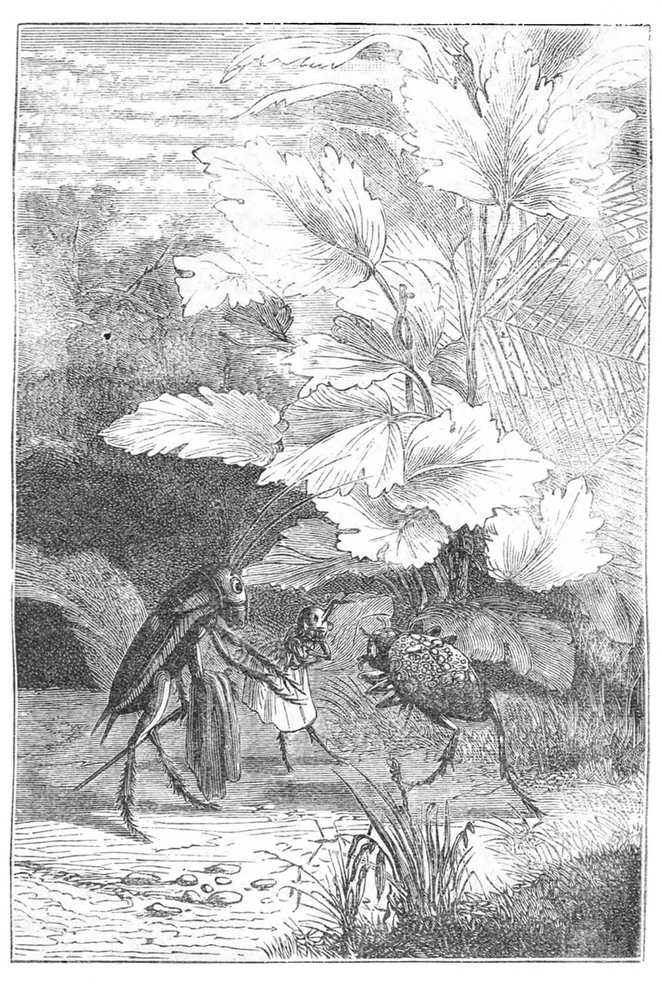
— Рискуйте на здоровье; но я, признаюсь, не рѣшился-бы. Во всякомъ случаѣ будьте осторожны, будьте какъ можно осторожнѣе. Слѣдите за каждымъ своимъ словомъ и поступкомъ, не перечьте имъ ни въ чемъ, восхищайтесь всѣми ихъ порядками, не критикуйте ничего и постарайтесь какъ можно скорѣе убраться отъ нихъ.

— Не бойтесь, я не вѣтренникъ; а кстати, онъ здѣсь...

— Кто?

— Мой другъ, который пригласилъ меня. Не хотите ли познакомиться съ нимъ?

— Пожалуй; только я не особенно дорожу этимъ знакомствомъ.... Впрочемъ, если это вамъ доставитъ удовольствіе.... Я не прочь убѣдиться, на сколько вашъ новый другъ заслуживаетъ вашего довѣрія.

Я представилъ муравья и паука другъ другу. Они холодно раскланялись издали, обнаруживая взаимную антипатію (стр. 183).

Мы застали муравья уже проснувшимся и занятымъ своимъ туалетомъ. Увидавъ меня въ обществѣ паука, онъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Паукъ съ своей стороны внимательно смотрѣлъ на муравья. Я представилъ ихъ другъ къ другу. Они раскланялись холодно, издали, обнаруживая другъ къ другу весьма мало симпатіи. Паукъ первый обратился къ муравью и сказалъ:

— Я узналъ только-что отъ своего друга, что вы пригласили его погостить у васъ нѣсколько дней; признаюсь, это очень удивляетъ меня: я думалъ, что доступъ въ ваши города строго запрещенъ чужимъ.

— Вы ошибаетесь: дѣйствительно, было бы неосторожно со стороны чужаго проникнуть къ намъ безъ всякой рекомендаціи; но мы радушно принимаемъ всѣхъ, кто приходитъ къ намъ по пріятельски, а особенно въ сопровожденіи кого нибудь изъ нашихъ.

— Стало быть, вы ручаетесь за безопасность моего друга?

— Разумѣется.

— Признаться сказать, я не особенно повѣрилъ-бы вашему ручательству,—сказалъ паукъ необдуманно.

— Быть можетъ, по отношенію къ самому себѣ вы были бы правы, но мы разборчивы на знакомства.

— Что это значитъ?

— А то, что мы принимаемъ не всѣхъ одинаково.

— Иными словами это значитъ, что меня вы приняли бы дурно?

— Да, я думаю, возразилъ муравей сухо.

— Позвольте спросить—почему?

Муравей сдѣлалъ жестъ, которымъ выразилъ свое нежеланіе давать какія либо объясненія.

— Что же это:—просто антипатія?

— Откровенно говоря, сударыня, вы всѣ, пауки, внушаете это чувство.

— Чѣмъ же, по вашему, мы заслужили это всеобщее недоброжелательство?

— Я боюсь оскорбить васъ.

— Не бойтесь и скажите прямо; если ваше обвиненіе покажется мнѣ несправедливымъ, я буду опровергать его.

— Вамъ угодно выслушать правду? Извольте: У насъ идетъ молва, что ваши жены иногда ужасно колотятъ своихъ мужей и даже забиваютъ ихъ до смерти.

— Во всякой семьѣ бываютъ ссоры, а такъ какъ мы сильнѣе....

— Говорятъ также, будто вы жестоки.

— Позвольте, ужь въ этомъ не вамъ упрекать насъ; а развѣ вы сами образцы кротости?

— Мы не жестоки и не хищны; мы только защищаемся, когда на насъ нападаютъ.

— А ваша скупость?

— Мы не скупы, а только предусмотрительны.

— А вашъ сухой эгоизмъ? Вы думаете, что весь міръ созданъ для васъ.

— Мы заботимся о своемъ благосостояніи и предоставляемъ другимъ дѣлать то же самое. Никто не врагъ себѣ и всякій старается устроиться получше. Пусть всякій заботится о себѣ.

— Полноте, господа, вмѣшался я, боясь, что разговоръ приметъ слишкомъ непріятный оборотъ; къ чему эти препирательства? Всякій изъ насъ имѣетъ свои недостатки и свои достоин-

ства. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ. Вы, кажется, сказали мнѣ, обратился я къ пауку, что нашъ другъ Лампиръ долженъ быть въ норѣ?

— Да; а вы хотите переговорить съ нимъ?

— Я былъ бы не прочь повидаться съ нимъ.

— Я схожу за нимъ, сказалъ паукъ, очевидно желая прервать непріятную бесѣду.—И онъ отправился въ подземелье. Муравей посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Вотъ существо, съ которымъ я никогда не сошелся бы по пріятельски, сказалъ онъ, покачивая головой.

— Мнѣ кажется, что въ вашихъ чувствахъ есть взаимность.

— Это—предательское отродье! Удивляюсь, что вы подружились съ этой дрянью. Берегитесь, онъ обманетъ васъ!

— Полно! Онъ вамъ не понравился, и вы судите объ немъ по первому впечатлѣнію. Я же многимъ обязанъ ему, и нерѣдко, когда паукъ могъ обмануть меня, онъ оказывался вѣрнымъ и преданнымъ другомъ.

— Вѣроятно, у него былъ какой нибудь разсчетъ.

— Я не думаю.

— Какъ бы то ни было, совѣтую вамъ не довѣрять ему.

Черезъ нѣсколько минутъ паукъ вернулся и объявилъ мнѣ, что ходилъ далеко въ подземелье, звалъ Лампира, но тотъ не откликнулся ему: онъ вѣроятно заснулъ или ушелъ очень далеко.

— Онъ вѣрно слышалъ вашъ голосъ, проворчалъ муравей, но не рѣшился откликнуться, потому что хорошо знаетъ васъ.—Ну, сверчокъ, не пора ли въ путь? обратился онъ ко мнѣ.

Намъ надо прійти за-свѣтло, а то запрутъ городскія ворота.—Съ этими словами онъ вышелъ изъ подземелья. Паукъ остановилъ меня на минутку.

— Вѣрьте мнѣ, мой другъ, заговорилъ онъ вкрадчиво, не ходите туда, не довѣряйтесь этимъ

предателямъ; вы не вернетесь оттуда. Будьте увѣрены, что васъ хотятъ заманить въ западню.

— Я обѣщалъ и сдержу слово, возразилъ я. Я не хочу показать себя трусомъ. Впрочемъ, если на меня нападутъ, я съумѣю защититься.

— Защититься! Какое заблужденье! Да васъ

разорвутъ въ клочки прежде, чѣмъ вы успѣете опомниться.

— Прежде, чѣмъ меня съѣдятъ, я буду обороняться челюстями и лапами.

— Да гдѣ-же вамъ сладить съ сотнями муравьевъ?

— Какъ бы то ни было, дорого поплатятся тѣ, которые нападутъ на меня первые. Однако, до свиданія, мой другъ.

— Прощайте, сверчокъ!

Съ этими словами я ушелъ отъ него. Пройдя нѣсколько шаговъ, я обернулся, чтобы кивнуть ему на прощанье, и увидалъ его середи паутины. Онъ слѣдилъ за мной глазами и покачивалъ головой.

ГЛАВА XV.

Ночь разстраиваетъ мои нервы.

Я догналъ муравья, поспѣшно шагавшаго вдоль опушки лѣса. Мы шли нѣсколько времени молча. Я размышлялъ о словахъ паука: ужь въ самомъ дѣлѣ не попадусь ли я въ просакъ, благодаря своей излишней честности? Паукъ былъ безспорно хитрѣе и проницательнѣе меня, да и лучше моего зналъ свѣтъ; но, съ другой стороны, онъ не скрылъ отъ меня своихъ предубѣжденій противъ муравьевъ, а, какъ извѣстно, предубѣжденія дѣлаютъ насъ несправедливыми и извращаютъ наши сужденія...

Мы прошли черезъ дикую площадку, о которой я недавно упоминалъ, и вскорѣ достигли дороги, гдѣ наканунѣ произошла катастрофа.

— Берегись, сказалъ я муравью: здѣсь есть засады муравьиныхъ львовъ, въ которыя можно попасться

— О, я ихъ знаю, отвѣчалъ онъ—иди впередъ, я буду остороженъ. Спускъ по откосу совершился благополучно. Выбравшись на дорогу,

мы повернули направо и черезъ нѣсколько минутъ вошли въ лѣсъ. Стало смеркаться.

— Чортъ бы побралъ этихъ проклятыхъ процессіонеровъ! воскликнулъ вдругъ мой спутникъ; долго придется ихъ пережидать. Я взглянулъ впередъ и удивился, замѣтивъ, какое препятствіе встрѣтилось намъ на пути. Вся дорога была загорожена по всей ширинѣ многочисленной толпой гусеницъ, которыя шли цѣлой вереницей и сомкнулись такъ тѣсно, что между ними невозможно было пройти.

— Что это такое? воскликнулъ я.

— Это процессіонеры или походные шелкопряды; каждый вечеръ они выходятъ изъ своего жилища, которое вонъ тамъ, на пнѣ этого дуба, и отправляются на другое дерево.

— Зачѣмъ же они идутъ такою вереницей?

— Должно быть, это имъ нравится.

— Удивительно!

— Каждый вечеръ онѣ продѣлываютъ то же самое. Когда настанетъ время выходить изъ гнѣзда, одна изъ гусеницъ открываетъ шествіе, другая слѣдуетъ за ней и такъ далѣе, пока не останется ни одной въ паутинномъ мѣшкѣ, который служитъ имъ убѣжищемъ днемъ и который онѣ сами себѣ изготовляютъ. Онѣ не всегда идутъ гуськомъ, а иногда по двѣ и по три въ рядъ; если первая остановится, то всѣ останавливаются; когда одна идетъ впередъ, вся колонна двигается.

— Какъ ты думаешь, много ли ихъ пройдетъ?

— Отъ семисотъ до восьмисотъ штукъ.

— Какая масса!

— Мнѣ часто приходилось встрѣчать ихъ и это ужасно непріятно, потому что приходится долго ждать. Мы уже толковали въ своихъ со-

вѣтахъ, не объявить ли имъ войну, чтобы заставить ихъ выселиться изъ этого лѣса; но это трудная задача.

— Да развѣ онѣ могутъ защищаться отъ васъ?

— Не думаю, но у нихъ есть опасные защитники. Видишь, вонъ тамъ, на пень ползетъ прекрасный зеленый жукъ? Это красотѣлъ. Ихъ штукъ тридцать по сосѣдству и они стали бы энергично защищать гусеницъ въ случаѣ нападенія.

— Стало быть, онѣ ихъ очень любятъ?

— Да, любятъ по своему.

— Какъ это такъ?

— Онѣ ими питаются, ѣдятъ ихъ на обѣдъ, и разумѣется не допустятъ, чтобы ихъ преслѣдовали.

Шествіе гусеницъ продолжалось; онѣ были крупныя и всѣ до одной покрыты длинной сѣроватой шерстью. Я объявилъ муравью, что если процессія представляетъ препятствіе для него, то для меня это не помѣха, что мнѣ не трудно перескочить черезъ нее вмѣстѣ съ товарищемъ, если только онъ влѣзетъ ко мнѣ на спину, какъ при высадкѣ. Моя мысль понравилась ему, и онъ тотчасъ привелъ ее въ исполненіе. Я однимъ скачкомъ перепрыгнулъ черезъ процессію, и мы безпрепятственно продолжали путь.

— А что, далеко еще до васъ? спросилъ я.

— Если бы можно было идти по этой дорогѣ, мы пришли бы предъ наступленіемъ ночи. Но, по моему, слѣдуетъ идти цѣлиной черезъ лѣсъ, потому что здѣсь намъ предстоятъ опасныя встрѣчи подъ-вечеръ; по этой дорогѣ шляется

Вся дорога была загорожена многочисленной толпой гусеницъ, которыя шли плотной вереницей, такъ что между ними невозможно было пройти (стр. 191).

множество бродягъ, которыхъ лучше избѣгать: мы непремѣнно встрѣтимъ ежей, землероекъ, ужей, не говоря уже о зайцахъ и кроликахъ, которые могутъ раздавить насъ. Пойдемъ сюда, мы найдемъ одну изъ нашихъ тропинокъ.

Мы углубились въ чащу лѣса.

Я въ первый разъ очутился въ лѣсу, и новое зрѣлище произвело на меня сильное впечатлѣніе. Наступавшая темнота приводила меня въ то особенное состояніе духа, которое нельзя назвать страхомъ, но которое очень близко къ нему. Лѣса имѣютъ въ себѣ что-то таинственное, особенно по вечерамъ. Подъ сѣнью ихъ будто таятся мрачныя страсти, а обитатели ихъ болѣе дики, чѣмъ жители полей и луговъ, освѣщенныхъ игривымъ солнцемъ. Я былъ взволнованъ, но старался овладѣть собою и говорилъ себѣ, что воображеніе играетъ большую роль въ моемъ тревожномъ состояніи. Но съ впечатлѣніями бороться трудно,—имъ невольно подчиняешься. Я изрѣдка поглядывалъ на муравья, который молча шелъ рядомъ со мною. О чемъ онъ думалъ? Мнѣ иногда казалось, что лицо его принимало зловѣщее выраженіе и особенно тревожилъ меня его оторванный усикъ. Почему у него не два усика, какъ у всѣхъ? И какіе у него косые глаза, думалъ я. Въ первый разъ меня поразило въ нихъ какое-то коварное выраженіе. Не безумно ли было довѣриться ему! Лежалъ бы я себѣ теперь спокойно въ ямочкѣ, которую вырылъ бы себѣ на ночь подъ какимъ-нибудь камнемъ, а теперь я таскаюсь по лѣсу въ дурномъ обществѣ! Да,

теперь я соглашался въ душѣ съ тѣми, которые предостерегали меня отъ дурнаго общества. И куда я иду? Ночевать въ муравейникъ! Любезный сверчокъ, да ты вѣрно рехнулся, что принялъ такое странное предложеніе! Кто же ходитъ для собственнаго удовольствія въ муравей-

никъ? Туда несутъ, какъ добычу, тащутъ насильно, но никто нейдетъ туда по собственному желанію.

Впрочемъ, я еще могу выйти изъ этого непріятнаго положенія. Зачѣмъ я упорно бреду за муравьемъ? Не удрать ли отъ него? Кто мнѣ мѣ-

шаетъ вдругъ повернуть налѣво кругомъ и помчаться къ тропинкѣ? Но гдѣ теперь эта тропинка? Какъ ее отыскать? Я уже совсѣмъ сбился съ дороги. Если я брошу муравья, то окончательно запутаюсь и, чего добраго, попаду прямехонько въ этотъ проклятый муравейникъ, а явиться туда одному—значитъ идти на вѣрную, неизбѣжную смерть. Меня обдало холодомъ при этой мысли.

— Что это такое? спросилъ я, вздрагивая и останавливаясь передъ фантастическимъ предметомъ, который пріютился у корня дерева.

— Это грибъ — боровикъ, сказалъ муравей; можно подумать, что ты испугался его.

— Нѣтъ, я не испугался, но слѣдуетъ быть осторожнымъ съ тѣмъ, чего не знаешь; мнѣ показалось, что это какое-то скорчившееся животное.

— Вотъ мы и добрались до одной изъ нашихъ тропинокъ; теперь легче будетъ идти.

— Постой, я слышу голоса за нами, сказалъ я, останавливаясь. Слышишь, эти голоса шепчутъ и ихъ нѣсколько.

— Это муравьи возвращаются домой. Подождемъ ихъ.

— Такъ и есть—подождемъ ихъ, подумалъ я: теперь все кончено, моя судьба рѣшена и отступить уже невозможно. Сдѣлавши разъ глупость, надо выносить всѣ ея послѣдствія...

Пять-шесть муравьевъ вскорѣ догнали насъ.

— А, да это Мегъ! вскричали они, увидавъ мою спутницу:—такимъ образомъ я узналъ имя муравья,—а мы считали тебя пропавшею, потому

что ты не вернулась вчера вечеромъ. А это что? Гдѣ ты поймала этого сверчка?

— Прекрасный юноша, замѣтилъ одинъ изъ муравьевъ.

— Вотъ такъ побѣда! воскликнулъ другой.

— Какіе вы недогадливые, друзья, прибавилъ третій; это—верховая лошадь, которую она себѣ наняла.

— Такъ это мы тебя сейчасъ видѣли верхомъ на спинѣ этого животнаго?

— Молодецъ Мегъ! подъ старость надо заботиться о своемъ здоровьи.

— Молчите, молодыя дуры! Этотъ почтенный сверчокъ спасъ мнѣ вчера жизнь. Въ настоящее время, благодаря обстоятельствамъ, о которыхъ слишкомъ долго разсказывать, онъ въ разлукѣ со своими и остался безъ крова. Я пригласила его къ намъ на нѣсколько дней.

Потомъ Мегъ заговорила шепотомъ со своими подругами, и я слышалъ, что онѣ потихоньку смѣялись. Заявленіе Мегъ нѣсколько успокоило меня; впрочемъ, быть можетъ, она только хотѣла разсѣять мои подозрѣнія. О чемъ это они шепчутся между собою? Мы шли по очень узкой тропинкѣ, протоптанной муравьями. Я занималъ всю ея ширину. Мѣстами эта тропинка вилась подъ густыми стеблями папоротника, которые настолько съуживали ее, что я съ трудомъ могъ пролѣзть; въ другихъ мѣстахъ она углублялась тунелемъ подъ упавшею вѣткою или вела черезъ камень; мнѣ приходилось то ползти, то лазить, и я только съ величайшими усиліями пробрался по этимъ труднымъ переходамъ.

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Я обратился къ Мегъ съ вопросомъ: не лучше ли мнѣ войти

въ муравейникъ завтра утромъ? Какъ же я пойду по темнымъ улицамъ ихъ города?

— Успокойся, сказала Мегъ: городъ освѣщенъ.

Этотъ отвѣтъ показался мнѣ злою шуткой. Ну, подумалъ я, теперь ужь перестали стѣсняться со мной. Они знаютъ, что теперь мнѣ отъ нихъ не уйти, и уже не даютъ себѣ труда отвѣчать мнѣ сколько нибудь разумно. Мною снова овладѣлъ прежній ужасъ.

— Ну, сказала Мегъ, вотъ мы и дома.

Мы вышли на прогалину, гдѣ на очень сухой почвѣ росли только низкій верескъ, кусты злаковъ и кое-гдѣ тощіе кустики придорожной иглы, ивы и дрока. На нѣсколько возвышенной серединѣ этой прогалины росли два корявыхъ бука, по пнямъ которыхъ можно было судить, что они лишь состарѣвшіеся отпрыски древняго рода.

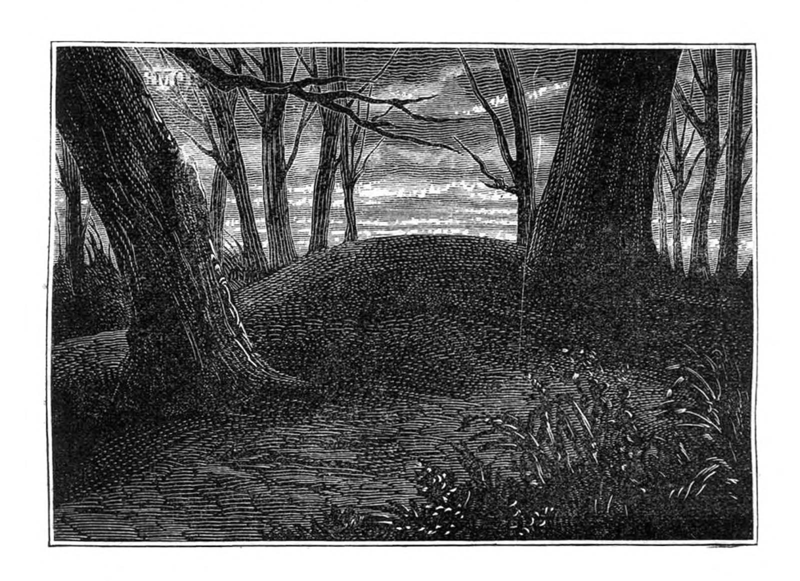
У подножія пней возвышался огромный куполообразный курганъ, профиль котораго обрисовывался черною массой на листвѣ находившагося позади лѣска; луна начинала довольно ярко освѣщать этотъ курганъ. Это былъ таинственный городокъ муравьевъ. Кругомъ господствовала мертвая тишина; можно было подумать, что городъ вымеръ; буки, раскинувшіе надъ нимъ свои полуобнаженныя вѣтви, придавали ему мрачный и таинственный видъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались, Мегъ и ея спутницы ускоряли шаги. Я шелъ, окруженный ими, и въ ушахъ у меня постоянно звучала фраза, которую я постоянно повторялъ какъ ритмическій припѣвъ:

«Она забрала меня въ плѣнъ, я—плѣнникъ, плѣнникъ, плѣнникъ....»

Потомъ въ умѣ у меня вертѣлась другая фраза: «Успокойся, городъ освѣщенъ».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ я подозрѣвалъ какой то тайный смыслъ, какую то скрытую насмѣшку, которую напрасно силился разгадать.

Мы вскорѣ добрались до воротъ; ихъ запирали, какъ вѣроятно это дѣлалось каждый вечеръ. Мегъ сказала пароль, и мы вошли.

Меня поразилъ прежде всего какой то сильный и ѣдкій запахъ, запахъ, которымъ, какъ извѣстно, отличаются всѣ муравьи. Я очутился въ небольшой залѣ, гдѣ было въ сборѣ около пятидесяти муравьевъ: это вѣроятно была зала караула. На меня, повидимому, не обратили вниманія, вѣроятно благодаря паролю моего провожатаго.

Вслѣдъ за нимъ я пошелъ въ одинъ изъ пяти или шести коридоровъ, которые открывались передъ нами; затѣмъ мы опустились на нѣсколько этажей внизъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ центру города. Чѣмъ больше мы проникали въ глубину, тѣмъ больше повышалась температура.

Я уже упомянулъ, что въ первой же залѣ меня обдало какимъ то ѣдкимъ запахомъ; впослѣдствіи я узналъ, что этотъ запахъ происходилъ отъ жидкости, которую выдѣляетъ тѣло муравьевъ и которую они выпускаютъ во время борьбы со своими врагами. Кромѣ этого запаха, меня поразило то, что было достаточно свѣтло, такъ что мы смѣло шли впередъ по подземному коридору. Подземелье было освѣщено блѣднымъ голубоватымъ свѣтомъ. Мегъ не насмѣхалась надо мной, когда сказала: «успокойся, городъ освѣщенъ».

Онъ дѣйствительно былъ освѣщенъ, но чѣмъ и какимъ образомъ? Я попросилъ на этомъ счетъ объясненія у моей спутницы.

— А вотъ сейчасъ узнаешь, сказала она.

Свѣтъ мало по малу усиливался по мѣрѣ того, какъ мы спускались внизъ.

Вдругъ мы вошли въ большую залу; потолокъ ея, довольно низкій, былъ укрѣпленъ на многочисленныхъ столбахъ изъ затвердѣвшей земли, а бѣловатый губчатый полъ разливалъ кругомъ достаточно яркій свѣтъ, при которомъ можно было разсмотрѣть все, что находилось въ обширномъ углубленіи, на порогѣ котораго мы остановились.

Сводъ и столбы этой подземной залы были покрыты безчисленнымъ множествомъ муравьевъ; они какъ будто спали и ни одинъ не шевельнулся, когда мы вошли.

— Ну что, какъ тебѣ это нравится? спросила Мегъ.

— Я не могу опомниться отъ удивленія, проговорилъ я; неужели муравьи таковы? Мы прошли въ самый центръ города и ни одинъ не тронулся! А что если бы я вошелъ съ враждебными замыслами?

— О, ты не проникъ бы сюда. Караульные сейчасъ подняли бы тревогу у самаго входа и тебя убили бы. Здѣсь спятъ спокойно, потому что довѣряютъ бдительности сторожей, отвѣчала Мегъ.

— Объясни мнѣ, пожалуйста, это странное освѣщеніе; почему полъ свѣтится?

— Это очень естественно; свѣтъ происходитъ отъ этихъ бѣловатыхъ губчатыхъ волоконъ, которыя не что иное, какъ родъ гриба (Rhizomorpha subterranea), растущій на старомъ, разлагающемся деревѣ. Нашъ муравейникъ выстроенъ на огромномъ сукѣ бука, остаткѣ большаго, давно срубленнаго дерева. Постоянная сырость и теплота способствуютъ росту этого свѣтящагося гриба. Ты никогда ве видалъ его?

— Никогда.

— Это доказываетъ, что ты не гуляешь въ лѣсахъ по вечерамъ. Теперь твое любопытство удовлетворено—иди же за мною. Я отведу тебя въ комнату, которая предназначается друзьямъ. Тебѣ надо отдохнуть, да и мнѣ тоже. Завтра я покажу тебѣ городъ во всѣхъ подробностяхъ.

Мы вошли въ другой коридоръ, и Мегъ ввела меня въ маленькую, очень чистую келейку. Когда я устроился, то помогъ ей укрѣпить нѣсколько чурочекъ, замыкавшихъ входъ. Мы пожелали

другъ другу спокойной ночи и Мегъ ушла. Мои опасенія разсѣялись.

Дружба Мегъ оказалась искреннею, и я почувствовалъ себя внѣ всякой опасности въ этомъ муравейникѣ, котораго сначала такъ боялся.

ГЛАВА XVI.

У муравьевъ.

Около полуночи меня внезапно разбудилъ глухой шумъ, доносившійся какъ будто изъ большой залы; черезъ нѣсколько времени я услыхалъ шаги по коридору, на который выходила моя комната. Вдругъ кто-то какъ будто остановился у моей двери.

— Кто тамъ? крикнулъ я.

Отвѣта не было, но я услыхалъ, что кто-то шепчется въ коридорѣ.

— Кто вы такіе и что вамъ надо? спросилъ я опять.

— А вы сами кто такой? отвѣчалъ мнѣ не особенно привѣтливый голосъ.

— Я другъ, я тотъ самый сверчокъ, котораго привела вчера Мегъ. Помните?

— Ничего не знаю и не помню, отвѣчали мнѣ грубо.—Что вы тамъ дѣлаете? Отворите скорѣе дверь!

Отъ этихъ словъ меня всего обдало холоднымъ потомъ. Я въ одну минуту понялъ всю опасность своего положенія.

Дѣло было просто: муравьи, явившіеся ко мнѣ съ допросомъ, не знали, что я пришелъ въ мура-

вейникъ. Пришелъ я ночью съ товарищемъ, насъ пропустили безъ всякихъ препятствій, благодаря паролю, который сказала Мегъ, но меня видѣли лишь караульные, стоявшіе на посту у одного изъ многочисленныхъ входовъ. Для массы жителей я былъ неизвѣстнымъ пришельцемъ. Понятно, что я встревожился.

— Друзья мои, повторяю вамъ, меня ввела сюда Мегъ, одна изъ вашихъ подругъ.

— Мегъ? Какая Мегъ? У насъ ихъ очень много.

Я не зналъ, что дѣлать, но вдругъ меня будто осѣнило вдохновеніе.

— Да у всѣхъ ли вашихъ Мегъ оторванъ одинъ усикъ? спросилъ я.

Мнѣ не отвѣчали. Снова послышался шепотъ; мнѣ казалось, что муравьи о чемъ-то заспорили и нѣсколько разъ повторяли слова: старая Мегъ. Потомъ голоса удалились. Мнѣ долго не спалось и меня томило сильное волненіе. При малѣйшемъ шумѣ мнѣ грезилось, что толпа муравьевъ идетъ приступомъ на мою дверь и намѣревается убить меня. Какъ это мнѣ не пришло въ голову попросить Мегъ, чтобы она переночевала по близости отъ моей комнаты, чтобы я могъ позвать ее въ какомъ нибудь непредвидѣнномъ случаѣ? Но не все можно предусмотрѣть заранѣе. Меня стали мучить новыя опасенія: а что, если моя спутница забудетъ обо мнѣ и уйдетъ безъ меня изъ муравейника? А ну, какъ она забудетъ, въ какой комнатѣ помѣстила меня или вдругъ съ ней случится что нибудь необыкновенное, — вѣдь она же смертна! Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ мнѣ не миновать гибели. Я сталъ помышлять о бѣгствѣ, но какъ трудно было исполнить такой планъ!

Лучше всего было все таки выжидательное положеніе.

Наконецъ я заснулъ, но далеко не спокойнымъ сномъ. Его безпрестанно нарушали томительныя грезы... Снилось мнѣ, что я снова на плоту, на которомъ провелъ прошлую ночь. Вдругъ изъ-подъ листка кувшинки появилась отвратительная голова и стала смотрѣть на меня вытаращенными глазами. Голова принимала чудовищные размѣры, а уставившіеся на меня глаза сверкали, какъ раскаленные уголья. Я отвертывался и хотѣлъ бѣжать, но съ другой стороны показывалась вторая такая же голова. Потомъ изъ воды вдругъ выплыла цѣлая вереница ужасающихъ головъ съ устремленными на меня огненными буркалами. Цѣпенѣя отъ ужаса, я звалъ на помощь... вдругъ рядомъ со мною появился муравей, и, указывая мнѣ на большое отверстіе, сдѣланное имъ въ листѣ, шепталъ мнѣ на ухо: спрячемся туда. Мы погружались въ воду... потомъ я чувствовалъ, что муравей тянетъ меня въ самую глубину. Я отчаянно барахтался, чтобы выплыть на поверхность, но вдругъ меня хватали тысячи клешней и тянули на дно. Я задыхался... Тогда внезапно появившійся паукъ смотрѣлъ на меня со злобнымъ смѣхомъ и говорилъ: «Я тебя предупреждалъ, сверчокъ! Зачѣмъ ты пошелъ къ муравьямъ? Они сожрутъ тебя за-живо и подѣломъ...» Потомъ я видѣлъ себя въ тѣсной тюрьмѣ и слышалъ, что замыкавшая ее дверь мало-по-малу подавалась подъ напоромъ разсвирѣпѣвшей толпы муравьевъ, которые кричали: «сожремъ его, разорвемъ его на части!» И толпа ломилась въ дверь, на которую я изо всѣхъ силъ налегалъ изнутри, крича сдавленнымъ голосомъ: «пощадите!.. Вы знаете, что меня при-

Снилось мнѣ, что я снова на плоту. Вдругъ изъ воды высунулась отвратительная голова и т. д. (стр. 206).

вела сюда Мегъ, ваша подруга. Сходите за нею! Сжальтесь! На помощь, Мегъ, на помощь!... И вдругъ я услыхалъ голосъ Мегъ, которая говорила: «ну, сверчокъ, проснись же, пора вставать».

Съ этими словами она стала разрушать баррикаду, замыкавшую входъ въ мою комнату.

— Ну, что, какъ тебѣ спалось сегодня ночью? спросила она.

— Ахъ, это ты Мегъ! вскричалъ я: —наконецъ то ты пришла!

— Что ты хочешь этимъ сказать, мой другъ?

— Я тебя ждалъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Скажи, пожалуйста, въ муравейникѣ не произошло ничего особеннаго за ночь?

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно. А что, тебѣ мѣшали спать?

— Не то что мѣшали, а разъ я слышалъ чьи то шаги по коридору.

— Это былъ вѣроятно ночной обходъ.

— Что съ тобою? Ты весь въ поту.

— Да, видишь ли, мнѣ здѣсь немножко тѣсно, да къ тому же здѣсь очень жарко.

— А я принесла тебѣ завтракъ, сказала она, втаскивая въ комнату какой то бѣлый камешекъ, который сначала оставила въ коридорѣ. Когда ты поѣшь, мы пойдемъ прогуляться по городу, и я покажу тебѣ всѣ наши достопримѣчательности.

— Что это за камешекъ? спросилъ я.

— Это сахаръ, отвѣчала она, хорошій бѣлый сахаръ; отвѣдай, мой другъ, увидишь, что оближешь лапки.

Мои ночныя грезы не отняли у меня апетита, и я охотно принялся за предложенный мнѣ завтракъ.

— Прекрасный сахаръ, сказалъ я:—я никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Гдѣ вы его достаете?

— А что, понравился? Это кушанье мы бережемъ для нашихъ молодыхъ личинокъ и для лучшихъ друзей. Доставать его довольно трудно. Мы отправляемся за нимъ въ замокъ, который довольно далеко отсюда,—ты его знаешь. Это опасная экспедиція, и на нее рѣшаются лишь самые смѣлые изъ насъ.

— Однако вы предпринимаете дальнія экспедиціи.

— Мы предоставляемъ молодежи идти куда ей вздумается.

— А ты, кажется, причисляешь себя къ старикамъ?

— О, я одна изъ самыхъ старыхъ въ этомъ городѣ; я уже, какъ видишь, искалѣчена.

— Дѣйствительно, у тебя нѣтъ одного усика.

— Я лишилась его уже давно въ одномъ сраженіи. Сначала это меня очень безпокоило: я не могла различать запаха и плохо слышала; но мало по малу мой единственный усикъ пріобрѣлъ отъ упражненія болѣе сильную воспріимчивость.

Я посмотрѣлъ на Мегъ удивленнымъ, вопросительнымъ взглядомъ. Она замѣтила это.

— Развѣ ты не знаешь, сказала она, что усики служатъ намъ органами слуха и обонянія?

— У меня есть чутье и слухъ, отвѣчалъ я, но, признаюсь, я никогда не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какія части моего тѣла передаютъ мнѣ эти впечатлѣнія.

— Такъ видишь ли, мой другъ, знай это впередъ. Теперь ты покушалъ, такъ пойдемъ же осматривать городъ. Прежде всего я проведу тебя

въ питомникъ личинокъ. Онъ находится въ верхнемъ этажѣ, но намъ надо начать съ него, а то, пожалуй, мы застанемъ его пустымъ.

Съ этими словами Мегъ пошла впередъ, а я двинулся за ней.

Улицы начинали оживляться. Я уже сказалъ, что наканунѣ вечеромъ мы спустились въ глубину муравейника. Тогда я не успѣлъ осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ расположеніе мѣстности; теперь я замѣтилъ, что городъ состоялъ изъ множества находившихся другъ надъ другомъ этажей и что многія улицы сообщались съ верхними посредствомъ многихъ вертикальныхъ проходовъ, безъ лѣстницъ, въ которыхъ муравьи не нуждаются. Мой большой ростъ и неумѣніе лазить по стѣнамъ этихъ колодцевъ заставляли насъ дѣлать множество обходовъ и идти лишь по самымъ широкимъ улицамъ съ отлогимъ подъемомъ. Мнѣ пришло въ голову по этому поводу, что если бы я рѣшился бѣжать ночью, то неизбѣжно запутался бы въ этомъ непроходимомъ лабиринтѣ. Я уже сказалъ, что городъ начиналъ оживляться; мы безпрестанно встрѣчали муравьевъ, сновавшихъ взадъ и впередъ съ озабоченнымъ видомъ; многіе изъ нихъ несли или тащили тяжелыя ноши. Кромѣ большихъ рыжихъ муравьевъ, которые составляли большинство населенія, я замѣтилъ другую породу, и обѣ жили между собой въ ладахъ. Попадались также на встрѣчу многія другія насѣкомыя, напримѣръ жужелицы, которыя были здѣсь какъ дома. Я прошелъ между прочимъ мимо ячейки, въ которой лежала огромная бѣлая личинка съ желтой головой, побольше меня; она нѣсколько походила на одну изъ личинокъ жука, которыя я видѣлъ у медвѣдки, но была толще и

мохнатѣе. Встрѣчались мнѣ также весьма странныя личинки, у которыхъ только головы и лапы виднѣлись изъ подъ чернаго расписнаго футляра, очень прочнаго на видъ. Я попросилъ Мегъ объяснить мнѣ присутствіе всѣхъ этихъ странныхъ гостей.

— Потомъ, сказала она, мы еще успѣемъ разсмотрѣть все это въ подробностяхъ. Пойдемъ поскорѣе въ питомники, а то пожалуй мы ихъ найдемъ пустыми. Она уже во второй разъ выражала опасеніе найти питомники пустыми, если мы не поспѣшимъ осмотрѣть ихъ. Въ этихъ словахъ крылась какая то необъяснимая для меня тайна.

Большая часть муравьевъ, которыхъ мы встрѣчали на пути, смотрѣли на меня равнодушно или съ удивленіемъ и дружески привѣтствовали Мегъ. Другіе тихонько спрашивали у нея, кто я такой, но мое присутствіе въ городѣ не вызывало со стороны населенія никакихъ протестовъ, и я не подвергался оскорбленіямъ. Очевидно, старая Мегъ пользовалась въ муравейникѣ всеобщимъ уваженіемъ, и она не даромъ увѣряла меня, что я буду въ полной безопасности.

Мы достигли наконецъ длинныхъ галерей, въ которыхъ меня поразило необыкновенное зрѣлище.

Вдоль стѣнъ и въ безконечномъ множествѣ ячеекъ, устроенныхъ въ галереяхъ, неподвижно лежало множество бѣлыхъ червячковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ малы, что ихъ едва можно было разсмотрѣть. Самый большой былъ величиной съ муравья. Возлѣ каждаго червячка сидѣлъ муравей и кормилъ его, вливая ему изъ своего рта въ ротъ жидкость, похожую на сахарный сиропъ.

Я забылъ сказать, что, когда мы вошли въ галлерею, къ намъ подбѣжало нѣсколько муравьевъ съ весьма угрожающимъ видомъ; но Мегъ подошла къ нимъ и вѣроятно объяснила имъ, что я другъ, потому что они тотчасъ-же разошлись и принялись за свои прерванныя занятія.

— Всѣ эти червячки, сказала мнѣ Мегъ, наши личинки. Здѣсь есть личинки всякаго возраста:

однѣ только что вылупились изъ яйца, другія почти достигли своего нормальнаго роста. Напримѣръ, возлѣ тебя большая личинка, которую сегодня кормятъ въ послѣдній разъ. Съ сегодняшняго дня она примется ткать свою рубашечку, чтобы превратиться въ куколку.

Я остолбенѣлъ отъ удивленья и вытаращилъ глаза на Мегъ.

— Я тебѣ сейчасъ покажу залы куколокъ и

комнаты, гдѣ помѣщаются яйца, сказала она; а пока посмотри, что дѣлается здѣсь.

Группы муравьевъ, которые только-что бросились къ намъ, прохаживались взадъ и впередъ, не принимая никакого участія въ трудѣ кормилицъ. Я узналъ, что это взводъ солдатъ, отряженный для охраны столовыхъ. Другіе муравьи, исправлявшіе должность слугъ, убирали залы, разставляли все по мѣстамъ и уносили ненужные предметы.

— Эти муравьи, которые ухаживаютъ за малютками, вѣроятно ихъ матери? спросилъ я.

— Ничуть не бывало, отвѣчала Мегъ: всѣ они — дѣвушки и останутся незамужними всю жизнь. Матери сами ухаживаютъ за своими дѣтьми лишь тогда, когда отправляются основывать новыя колоніи; но въ такихъ старыхъ и многолюдныхъ городахъ, какъ этотъ, онѣ только несутъ яйца.

— Удивительно! А что же дѣлаетъ ваше мужское населеніе?

— Наши мужчины тоже не работаютъ. Всѣ общественныя должности, какъ административныя, такъ и военныя, поручены у насъ такъ называемымъ безполымъ, которые не мужчины и не замужніе. Я сама—старая дѣва. Наши мужчины и тѣ изъ насъ, которыя предназначаются для супружества, имѣютъ крылья.

— Я не совсѣмъ понялъ тебя, что это значитъ?

— Видишь ли, какъ только которая нибудь вступитъ въ бракъ, мы прицѣпляемъ ей крылья; но въ большинствѣ случаевъ онѣ сами отрываютъ ихъ.

— А мужчины?

— Послѣ брака мы ихъ никогда не видимъ, потому что, надо тебѣ сказать, что браки совершаются у насъ внѣ муравейника.

— И они не возвращаются послѣ брака?

— Никогда; ихъ убили бы, если бы они осмѣлились явиться.

— Почему же?

— Потому что наши мужчины не работаютъ, а мы не хотимъ кормить дармоѣдовъ.

— Удивительно странно все это!

Вдругъ я замѣтилъ, что муравьи засуетились, стали собираться въ кучки, потрогивая другъ друга усиками и въ столовой тотчасъ же началось сильное движеніе, а изъ всѣхъ отверстій нахлынула съ разныхъ сторонъ огромная толпа муравьевъ.

— Сейчасъ будутъ выносить дѣтей, объяснила мнѣ Мегъ.

Я смотрѣлъ во всѣ глаза.

По второму сигналу, кормилицы и всѣ вновь пришедшіе муравьи подняли червячковъ и стали уносить ихъ. Каждаго изъ маленькихъ несъ одинъ изъ муравьевъ, а болѣе тяжелыхъ поднимали двое и трое. Сначала какъ будто произошелъ безпорядокъ, но потомъ всѣ выстроились въ ряды и шествіе двинулось весьма стройно.

Я бросилъ на Мегъ вопросительный взглядъ.

— Ихъ несутъ въ верхній этажъ и на солнце, отвѣчала она. Пойдемъ теперь смотрѣть куколокъ, потому что и ихъ скоро будутъ переносить.

Мы перешли въ другія залы. Тамъ уже не было кормилицъ, а только дежурный караулъ и прислуга, убиравшая комнаты. Какъ и въ первыхъ залахъ, караульные поспѣшно подбѣжали

къ намъ, но Мегъ успокоила ихъ нѣсколькими словами.

На полу лежало множество бѣлыхъ предметовъ, походившихъ на большія яйца или вѣрнѣе на мѣшки. Моя спутница объяснила мнѣ, что эти мѣшки, изъ очень тонкой и частой шелковой ткани, заключали въ себѣ каждый по одной муравьиной личинкѣ, достигшей своего полнаго роста; сама личинка ткала этотъ мѣшокъ вокругъ своего тѣла и проводила въ немъ неподвижно нѣсколько дней, по истеченіи которыхъ червячекъ превращался въ муравья; лапки и усики его въ это время были плотно прижаты къ тѣлу, а въ надлежащій моментъ безполые муравьи открывали мѣшокъ съ одного изъ концовъ и вынимали изъ него муравья, еще одѣтаго въ кожуринку личинки; затѣмъ они снимали съ него эту оболочку и вели его на солнце, чтобы его мягкіе, еще бѣловатые покровы высохли и пріобрѣли надлежащій цвѣтъ и плотность.

Вскорѣ здѣсь возобновилась та же сцена, которую я видѣлъ въ залѣ личинокъ. Сбѣжалась цѣлая стая муравьевъ и унесла куколки на воздухъ.

Далѣе я присутствовалъ при открытіи нѣсколькихъ мѣшковъ, въ которыхъ заключались куколки, достигшія своего полнаго развитія. Нѣкоторыя работницы разорвали своими челюстями края шелковистой оболочки и извлекли изъ нея куколокъ, которыхъ освободили потомъ отъ покрывавшей ихъ тонкой кожицы. Послѣ этого онѣ расправили имъ лапки и усики и унесли ихъ на солнце.

— Теперь намъ остается осмотрѣть только залу, гдѣ хранятся яйца, сказала Мегъ; она близехонько отсюда.

Дѣйствительно, мы прошли всего нѣсколько шаговъ и очутились въ упомянутой залѣ.

Тамъ и сямъ были расположены груды яицъ. Въ серединѣ залы нѣсколько безполыхъ слѣдовали за большимъ муравьемъ. Это была матка, которая на каждомъ шагу несла яйца, тщательно подбираемыя безполыми, которые складывали ихъ въ кучки. Возлѣ каждой кучки другіе безполые осторожно брали въ лапки каждое яйцо и смачивали его слюной изъ своихъ челюстей.

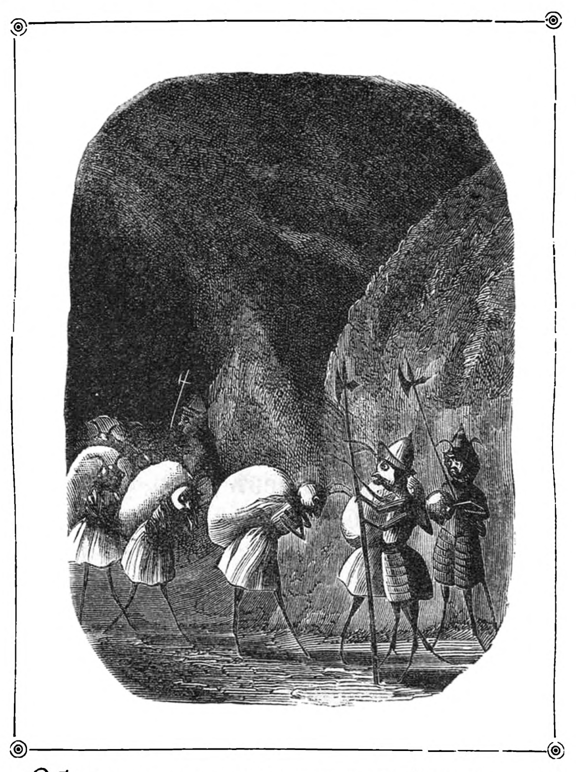
Я спросилъ, зачѣмъ это дѣлается, и къ моему великому удивленію узналъ, что эта операція необходима для нормальнаго развитія зародыша: подъ вліяніемъ смачивавшей его слюны, яйцо росло, становилось прозрачнымъ и скорѣе вылупливалось, чего не было бы, если бы его предоставили на произволъ судьбы.

— А теперь я оставлю тебя, сказала Мегъ; пора мнѣ приниматься за работу, потому что, какъ я ни стара, а мнѣ все таки не позволятъ сложить лапки и сидѣть безъ дѣла. У насъ праздность считается преступленіемъ и за нее полагается смертная казнь.

Я спросилъ, не подвергнусь ли какой нибудь опасности въ ея отсутствіе, на что она мнѣ отвѣчала:

— Будь совершенно спокоенъ; весь муравейникъ теперь знаетъ о твоемъ пребываніи здѣсь: иди, куда угодно, никто тебя не тронетъ. Сегодня вечеромъ или завтра утромъ я покажу тебѣ другія части нашего города, а пока дѣлай что хочешь — гуляй по улицамъ, иди отдыхать въ свою комнату или отправляйся гулять на открытомъ воздухѣ, однимъ словомъ, — распоряжайся своимъ временемъ, какъ тебѣ вздумается.

— Если такъ, сказалъ я, я пойду погулять и подышать свѣжимъ воздухомъ. Я соскучился по солнцу, а такъ какъ ты будешь занята до вечера, то я проведу цѣлый день внѣ муравейника. А кстати, если я не увижу тебя до самой ночи, какъ мнѣ добраться до своей комнаты?

— Обратись къ первому встрѣчному муравью, онъ тебя проводитъ. А пока до свиданія.

Съ этими словами, Мегъ поспѣшно удалилась. Я же добрался до одного изъ выходовъ, идя вслѣдъ за муравьями, выносившими куколокъ и личинки, и черезъ нѣсколько минутъ очутился за предѣлами муравейника.

ГЛАВА XVII.

Честолюбивыя мечты.

Утро было прекрасное. Я взошелъ на кучу опилковъ и мелкихъ сучьевъ, которая составляла куполообразную вершину муравейника, и сталъ разсматривать окружающую мѣстность.

Какъ мои сегодняшнія впечатлѣнія рѣзко отличались отъ вчерашнихъ! Увидавъ снова лѣсъ, освѣщенный веселыми лучами восходящаго солнца, и муравейникъ, утратившій при дневномъ свѣтѣ тотъ мрачный видъ, который придавало ему лунное мерцаніе, я невольно смѣялся надъ своими вчерашними опасеніями и томившими меня мрачными мыслями. Какъ однако наши взгляды измѣняются подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, думалъ я, какъ они зависятъ отъ часа дня, отъ жары и холода, отъ утомленія или голода, которые мы испытываемъ! Эти самые муравьи, которыхъ я такъ боялся, сновали вокругъ меня многочисленными отрядами, безустанно перенося личинки и куколокъ, и весь восточный склонъ муравейника былъ покрытъ густой массой населенія, предававшагося непрерывному труду.

Съ возвышеннаго мѣста, на которомъ я расположился, была видна вся просѣка съ многочислен-

ными тропинками, извивавшимися по лѣсу въ разныхъ направленіяхъ и сходившимися къ муравейнику. Всѣ онѣ уже были запружены озабоченною толпою, которая отправлялась на добычу.

Я сидѣлъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и любовался представлявшимся мнѣ оживленнымъ зрѣлищемъ, когда ко мнѣ подошли нѣкоторые изъ носильщиковъ личинокъ и куколокъ и вѣжливо попросили меня пропѣть имъ что нибудь.

Сказалъ ли я уже, что обладаю недюжиннымъ музыкальнымъ талантомъ и отличаюсь своими дарованіями отъ общей массы сверчковъ? Если я еще этого не говорилъ, то теперь будетъ умѣстно сообщить объ этомъ читателямъ.

Они, вѣроятно, помнятъ, что въ дѣтствѣ, въ одинъ прекрасный вечеръ, пѣніе соловья произвело на меня очень сильное впечатлѣніе. Когда я вернулся къ себѣ, послѣ потрясающей сцены, разсказанной въ началѣ этой исторіи, я почувствовалъ въ себѣ пробужденіе новой страсти. Съ тѣхъ поръ мнѣ не давало покоя желаніе пріобрѣсти талантъ виртуоза, котораго я только что слышалъ, и весь свой досугъ я сталъ посвящать упражненіямъ въ искусствѣ, къ которому у меня было счастливое расположеніе. Уединеніе, выпавшее на мою долю впослѣдствіи, благодаря отвращенію моихъ братьевъ, дало мнѣ возможность предаться всецѣло моему любимому занятію. Черезъ нѣсколько времени я сдѣлалъ значительные успѣхи. У меня не было соперниковъ въ умѣніи провести арпеджіо и никто не могъ состязаться со мной въ искусствѣ трелюлировать. Я умѣлъ вó-время дѣлать паузы, а главное съ неподражаемымъ совершенствомъ тянулъ заключительное *ut*.

Я уже сказалъ, что нѣсколько муравьевъ попросили меня спѣть имъ что нибудь.

Я не заставилъ себя просить, тѣмъ болѣе, что уже цѣлыхъ два дня не имѣлъ случая предаваться моему любимому занятію.

Я далъ имъ знакъ, что сейчасъ начну, потомъ, пропѣвъ быстрымъ темпомъ нѣсколько гаммъ, прерванныхъ звонкими трелями, и убѣдившись, что я въ голосѣ, я началъ концертъ сладостною, ласкающею мелодіей, протяжной мелопеей, чтобы растрогать души моихъ слушателей и привести ихъ въ то состояніе сладкой истомы, которое искусный виртоузъ умѣетъ превращать по своему произволу въ шумный энтузіазмъ.

Оживляясь мало по малу, я сталъ вставлять въ мелодію блестящія украшенія, потомъ изъ груди моей полились шумныя рулады и, ускоряя темпъ, переходя отъ торжественнаго пѣнія къ бравурному, я пробудилъ своимъ голосомъ молчаливое лѣсное эхо.

Муравьи бросили работу и мало-по-малу столпились кружкомъ кругомъ меня; тѣ, которые шли за добычей, остановились, потомъ вернулись назадъ, а изъ муравейника высыпала цѣлая толпа, чтобы узнать, кто издаетъ неслыханные въ этой части лѣса чарующіе звуки.

Черезъ нѣсколько минутъ, меня окружила огромная толпа: бабочки, мухи, пчелы, собиравшія добычу въ окрестностяхъ, увидали издали собравшуюся вокругъ меня группу и стали летать надо мною, желая узнать, кто нарушилъ всегда столь правильную жизнь муравьевъ.

Я имѣлъ небывалый успѣхъ.

Однако, у меня хватило самообладанія, чтобы

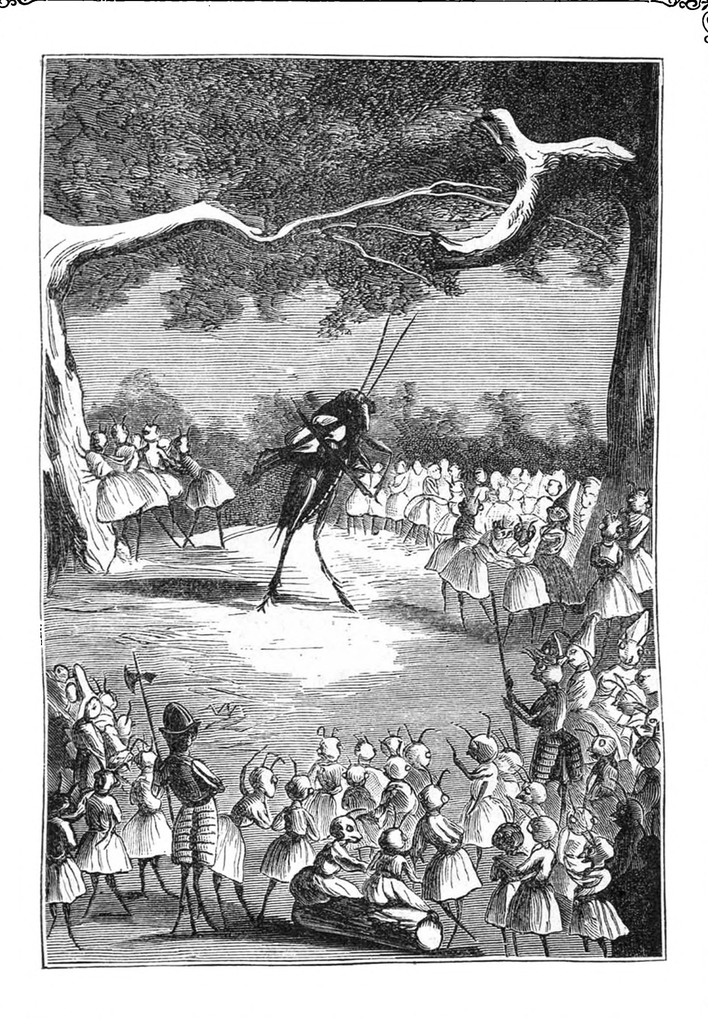
умолкнуть во-время и не дать ослабнуть вызванному мною энтузіазму отъ слишкомъ продолжительнаго напряженія. Послѣ задорной блестящей трели, я протянулъ свое заключительное ut и сдѣлалъ паузу, которая по моему должна была выставить всю красоту заключительной ноты.

Муравьями овладѣлъ неистовый восторгъ. Они бросились ко мнѣ всѣ сразу, топча другъ друга, они на минуту обсыпали меня всего, а нѣкоторые изъ нихъ, забившись ко мнѣ подъ лапы, подняли меня съ земли.

Я пожалѣлъ въ эту минуту, что паукъ не присутствовалъ при моемъ торжествѣ. Я понялъ, что съ этого момента мое положеніе въ средѣ муравьевъ упрочилось. Мнѣ представлялась возможность поселиться у нихъ окончательно въ качествѣ ординарнаго и экстраординарнаго музыканта республики и зажить припѣваючи. Перспектива непрерывнаго ряда овацій, подобныхъ сегодняшней, не представляла для меня ничего непріятнаго. Мнѣ казалось, что народъ-меломанъ, выказавшій себя почитателемъ таланта, непремѣнно долженъ удержать въ своей средѣ артиста, обладающаго такимъ высокимъ дарованіемъ. Я былъ увѣренъ, что меня будутъ носить на рукахъ, кормить на убой, угощать сахаромъ каждый день, и, кто знаетъ, быть можетъ муравьи когда нибудь почувствуютъ отвращеніе къ республиканской формѣ правленія и тогда. . . . .

. . . .

Почему бы этому не сбыться? Чѣмъ я хуже муравья и почему мнѣ не сдѣлаться со временемъ королемъ?.. Я даже лучше ихъ, потому что имѣю надъ ними неоспоримое превосходство: во первыхъ, я выше ихъ ростомъ, у меня благородная

Послѣ задорной блестящей трели я сдѣлалъ паузу, которая должна была выставить всю красоту заключительной ноты (стр. 222).

осанка, величественный видъ, котораго они не имѣютъ, по крайней мѣрѣ въ такой же степени. Къ тому-же я принадлежу къ другой расѣ, въ жилахъ моихъ течетъ иная кровь; а это, какъ извѣстно, немаловажное преимущество. Наконецъ — и это главное — я буду забавлять ихъ! Правда, мои познанія въ области политики, администраціи и военнаго дѣла не особенно обширны, но не бѣда: такія погрѣшности можно искусно скрыть.

Зачѣмъ мнѣ выставлять на показъ свое невѣжество? Стоитъ только помалчивать въ совѣщаніяхъ разныхъ совѣтовъ, подчасъ внушительно покачивать головой, — и я немедленно прослыву осторожнымъ, разсудительнымъ и глубокомысленнымъ сверчкомъ. Что же касается войны, то въ этомъ случаѣ мое вмѣшательство было бы совершенно лишнее, и мнѣ не представлялось бы никакой необходимости играть роль военнаго героя. Величіе про-

является въ разныхъ сферахъ, а я проявлялъ бы себя мирными подвигами. О, другъ мой паукъ, какъ бы ты удивился, если бы когда нибудь увидалъ меня царемъ муравьевъ! А мои родственники, мои недостойные братья! Какъ бы легко мнѣ было тогда отомстить имъ и заставить ихъ искупить ихъ злобу! Но я отогналъ отъ себя эту мысль, недостойную моего характера; нѣтъ, я не сталъ бы мстить, а отправился бы къ нимъ съ величественною свитою, собралъ бы ихъ вокругъ себя, объяснилъ бы имъ, до какой степени они были несправедливы ко мнѣ, и простилъ бы всѣмъ, показавъ имъ, какого высокаго положенія я достигъ, благодаря исключительно своимъ личнымъ достоинствамъ. Великодушіе, соединенное съ могуществомъ—самая высокая, самая благородная и въ то же время самая рѣдкая изъ добродѣтелей!

Поблагодаривъ муравьевъ за лестныя оваціи, которыя они мнѣ устроили, я пригласилъ ихъ возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ и, распустивъ собраніе величественнымъ жестомъ, какъ будто уже вступилъ въ ту роль, которую, быть можетъ, судьба предназначала мнѣ въ будущемъ. Читатели моихъ записокъ вѣроятно назовутъ меня честолюбцемъ, но пусть же они поставятъ себя на мое мѣсто. Пусть мнѣ покажутъ того, кого не опьяняетъ народная симпатія и кто остается спокойнымъ и трезвымъ среди овацій безумствующей толпы . . . .

. . . .

Мало по малу муравьи разошлись, и я остался одинъ. Мнѣ вздумалось прогуляться по просѣкѣ, гдѣ почва, достаточно сухая и покрытая лишь

рѣдкими тощими растеніями, не представляла препятствій для ходьбы.

Я легко добрался до опушки лѣса, но не пошелъ въ чащу, а сталъ прохаживаться вдоль опушки. Иногда мнѣ попадались муравьиныя тропинки, и я останавливался посмотрѣть на муравьевъ, которые ходили взадъ и впередъ, подчасъ разговаривали между собою, потомъ снова суетились съ озабоченнымъ видомъ и несли и тащили тяжести.

Во время моей прогулки, я подмѣтилъ чрезвычайно интересный фактъ.

Обойдя какой то кустъ, я былъ непріятно пораженъ запахомъ трупа, который доносился до меня по вѣтру, и вскорѣ открылъ источникъ этого зловонія. Неподалеку лежалъ трупъ полевой мыши, быстро разлагавшійся отъ жары. Я хотѣлъ обойти этотъ источникъ зараженія, но вдругъ мнѣ показалось, что маленькій трупъ движется. Я остановился въ изумленіи, не вѣря своимъ глазамъ, но вдругъ движеніе повторилось. На этотъ разъ сомнѣваться было невозможно: животное дѣйствительно двигалось. А между тѣмъ отъ него исходило зловоніе—стало быть оно умерло и даже разлагалось, но все таки двигалось.

Я сталъ внимательно разсматривать его, отыскивая ключъ къ этой загадкѣ, какъ вдругъ изъ подъ трупа выползло довольно большое жесткокрылое, черное, съ желтыми концами усиковъ и двумя красивыми красно-оранжевыми полосками на спинѣ.

— Уфъ! сказало оно, встряхиваясь и обращаясь повидимому къ другому незримому товарищу; мы вдвоемъ не справимся съ этимъ; пойдемъ звать на помощь.

— Развѣ ты думаешь, что мы найдемъ друзей по сосѣдству? отозвался голосъ, будто-бы раздававшійся изъ подъ трупа.

— Подожди меня, возразилъ первый, я пойду посмотрѣть.

— А что если въ твое отсутствіе у насъ украдутъ тѣло? замѣтилъ второй голосъ.

— Не бойся, мой другъ: теперь день и только однѣ вороны могли бы съиграть съ нами эту штуку, а ихъ нигдѣ не видно.

— Но, такъ ступай, мой другъ, и возвращайся какъ можно скорѣе, сказалъ подземный голосъ.

Послѣ этого жесткокрылое расправило свои крылья, покружилось надъ просѣкой и пролетѣло надъ чащею лѣса.

Этотъ отрывочный разговоръ очень заинтересовалъ меня. Я обошелъ трупъ такъ, чтобы стать за вѣтромъ и не вдыхать въ себя отвратительнаго запаха. Въ эту минуту жукъ, похожій на только что улетѣвшаго, выползъ въ свою очередь изъ подъ трупа.

Онъ сначала не замѣтилъ меня, потому что разсматривалъ трупъ съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ взлѣзъ на него и прошелся по немъ во всю длину, будто измѣрялъ его.

— Чортъ возьми! проворчалъ онъ сквозь свои челюсти: — придется-таки потрудиться надъ этимъ... Лишь бы онъ только встрѣтилъ друзей... Если насъ не соберется штукъ семь-восемь, мы съ трупомъ не справимся.. Какое счастье для дѣтей! А потрудиться таки придется.

Въ эту минуту онъ меня замѣтилъ, молча

посмотрѣлъ на меня и сползъ на землю, гдѣ пріютился въ ожиданіи своего товарища.

Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, что замышляли оба жука относительно трупа, о которомъ такъ заботились.

Почему одинъ изъ жуковъ отправился звать на помощь и какой услуги они оба ожидали отъ своихъ друзей? Если они намѣревались съѣсть трупъ, то почему же одинъ изъ нихъ сказалъ: «мы не справимся съ нимъ вдвоемъ, надо звать на помощь». И почему другой проговорилъ: «Какое счастье для дѣтей». Все это было для меня непонятно.

Самымъ простымъ средствомъ выяснить дѣло было попросить объясненій; я такъ и сдѣлалъ.

— Вы ожидаете гостей? спросилъ я: — если не ошибаюсь, вашъ другъ отправился приглашать знакомыхъ на обѣдъ?

— Это мой мужъ, отвѣчалъ жукъ; я надѣюсь, что онъ встрѣтитъ нѣсколько друзей; если ихъ соберется десятокъ, то и этого будетъ не много для предстоящей намъ работы.

— Вы говорите вѣроятно о пиршествѣ, которое намѣрены имъ предложить? Однако ваша мышь какъ будто не совсѣмъ свѣжа. Какъ вамъ кажется?

— Вы ошибаетесь, сверчокъ; мы вовсе не собираемся ѣсть эту мышь.

— Ахъ, извините, я не понялъ.... дѣйствительно, она нѣсколько попорчена....

— Совсѣмъ не въ томъ дѣло; мы не собираемся ѣсть эту мышь, но бережемъ ее для нашихъ дѣтей.

— Теперь я ужъ совсѣмъ ничего не понимаю, сказалъ я; будьте такъ добры, объясните мнѣ....

— Вотъ въ чемъ дѣло: я положила свои яйца въ трупъ этого животнаго; изъ этихъ яицъ вылупятся личинки, которыя будутъ имъ питаться.

— А! прекрасно. Позвольте вамъ замѣтить, что ваши дѣти получатъ такимъ образомъ весьма гастрономическое угощеніе.

— Они любятъ такое мясо.

— Прекрасно, о вкусахъ не спорятъ. Но на что вамъ друзья въ такомъ случаѣ?

— Они должны помочь намъ зарыть это тѣло.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что они должны помочь намъ зарыть тѣло. Поймите, что если я его оставлю такъ, подъ открытымъ небомъ, первая же ворона съѣстъ его, и тогда—прощай мое потомство!

— Это правда. И вы думаете, что вамъ удастся зарыть это животное? Да оно во сто разъ тяжеле васъ!

— Знаю, и мы не могли бы сдвинуть его съ мѣста; я и не говорила, что мы перенесемъ этотъ трупъ,—мы его только зароемъ.

— Любопытно будетъ посмотрѣть, какъ вы приметесь за это дѣло.

— Ваше любопытство будетъ скоро удовлетворено: вотъ мой мужъ возвращается съ нѣсколькими друзьями.

— Позвольте сказать вамъ еще нѣсколько словъ.

— Извольте.

— Какъ васъ зовутъ?

— Могильщикъ.

— Благодарю васъ.

Могильщикъ, только что отправившійся за своими друзьями, возвратился съ многочисленнымъ обществомъ. Онъ собралъ съ десятокъ товари-

щей, которые всѣ обсѣли трупъ полевой мыши. Они вѣроятно знали, какой услуги отъ нихъ требуютъ, потому что, не говоря ни слова, всѣ скользнули подъ трупъ, а я остался одинъ, ожидая съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго эксперимента.

Лишь только могильщики исчезли подъ мышинымъ трупомъ, онъ сталъ видимо колыхаться. Въ то же время вокругъ него сталъ появляться мало по малу увеличивавшійся валекъ разрыхленной земли.

По мѣрѣ увеличенія этого валика, мышиный трупъ постепенно опускался въ землю. Я понялъ, что могильщики подрываютъ землю, на которой лежитъ трупъ и выбрасываютъ ее наружу.

Насталъ моментъ, когда тѣло достаточно опустилось, такъ что окружавшій его валикъ уже возвышался надъ нимъ и начиналъ понемногу засыпать его. Могильщики продолжали работу неутомимо и безостановочно. Трупъ мало по малу покрывался землей.

Я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за этой операціей. Отъ времени до времени небольшіе комки земли разсыпались на трупъ, который уже находился ниже уровня почвы, и все болѣе и болѣе скрывался отъ глазъ. Наконецъ произошелъ послѣдній обвалъ, и трупъ окончательно исчезъ. Могильщики зарыли его по всѣмъ правиламъ искусства.

ГЛАВА XVIII.

Нахалъ.

Все утро я бродилъ по окрестностямъ и дѣлалъ всевозможныя наблюденія. Въ одномъ мѣстѣ, на песчанной почвѣ, я замѣтилъ тамъ и сямъ круглыя ямки,—повидимому, очень глубокія. Я старался угадать, что это такое, какъ вдругъ въ отверстіи одной изъ этихъ ямокъ появилась круглая, толстая голова, вооруженная большими дугообразными, очень острыми челюстями. Размѣры головы какъ разъ соотвѣтствовали величинѣ отверстія, такъ что голова закрывала его собою; благодаря этому и желтоватому цвѣту головы, ее трудно было отличить отъ окружающей почвы.

Эта странная голова пристально глядѣла на меня.

— Кто вы и чѣмъ вы занимаетесь? спросилъ я.

— Охотой на муравьевъ, отвѣчала она. Я—личинка скакуна.

— Неужели! воскликнулъ я.—Личинка этого красиваго, зеленаго жесткокрылаго съ бѣлыми полосками, которое такъ скоро бѣгаетъ?

— Именно такъ.

— Какимъ-же образомъ вы ведете свою охоту

на муравьевъ? Сидите въ засадѣ и бросаетесь на нихъ, когда они проходятъ мимо?

— Нѣтъ, мои лапы слишкомъ коротки и прыгать я не могу. Я никогда не выхожу изъ своей ямки.

— Такъ какъ же вы охотитесь?

— Я жду, пока муравей проползетъ черезъ мою голову; тогда я внезапно отступаю въ норку, а муравей спотыкается и падаетъ въ нее; я его хватаю и съѣдаю.

— Но вамъ, чего добраго, приходится долго ждать, и если у васъ нѣтъ другихъ средствъ къ существованію, то ваша доля не завидна.

— Мнѣ однако не такъ плохо живется, какъ вамъ кажется. Признаться сказать, ѣсть мнѣ удается не каждый день, но что же дѣлать? Мои лапы слишкомъ коротки, чтобы ловить муравьевъ на ходу, да къ тому же тѣло мое не защищено броней, такъ что, если бы я вышелъ изъ своего убѣжища, эти черти-муравьи разорвали бы меня въ клочки, потому что хорошо знаютъ меня.

— Но, замѣтилъ я, вѣроятно муравьи только случайно и крайне рѣдко проходятъ по вашей головѣ.

— О, будьте увѣрены, я не наобумъ устроилъ здѣсь свою западню. Она вырыта на муравьиной тропинкѣ. Въ солнечные дни я ловлю ихъ сколько угодно. Смотрите, вонъ одинъ ползетъ сюда. Хотите пари, что онъ проползетъ по моей головѣ?

Муравей дѣйствительно проползъ такъ, какъ предвидѣлъ скакунъ. Впрочемъ онъ пропустилъ его не тронувъ.

— А что, не правду я вамъ сказалъ?

— Зачѣмъ же вы его не поймали?

— Могъ бы поймать, но я сегодня сытъ по горло. Поститься мнѣ приходится въ дождливые дни.

— А все таки ваша жизнь не представляетъ ничего привлекательнаго.

— Можетъ быть, но не всю свою жизнь я провожу въ этой ямѣ, и настанетъ время, когда я буду ловить дичь на ходу; теперь-же я вынужденъ поджидать ее.

— Положительно всякій утѣшается въ настоящемъ надеждой на лучшее будущее; третьяго дня я слышалъ то же самое отъ муравьинаго льва, сегодня слышу отъ скакуна, завтра услышу еще отъ кого нибудь, и такимъ образомъ до безконечности....

Не прошелъ я и десяти шаговъ, какъ глазамъ моимъ представилось новое зрѣлище.

Неподалеку отъ меня два жесткокрылыхъ, повидимому принадлежавшихъ къ семейству жуковъ, были всецѣло поглощены какой то работой, надъ которой они напрягали всю свою мускульную силу. Они были маленькаго роста—величиною приблизительно съ мою голову, совершенно черные и почти шарообразные, только задняя часть ихъ тѣла была какъ будто слегка срѣзана. Лапы у нихъ были длинныя и выгнутыя, особенно заднія.

Когда я ихъ замѣтилъ, одинъ изъ нихъ подталкивалъ, а другой тащилъ буроватый шаръ, похожій на затвердѣвшую землю. Имъ надо было втащить шаръ на довольно крутой откосъ, и я изумлялся тому напряженію, съ которымъ они

исполняли свою задачу. Нѣсколько разъ шаръ скатывался внизъ, но, не смотря на эту неудачу, они каждый разъ снова принимались за свой утомительный трудъ.

Хотя я и не подозрѣвалъ, зачѣмъ они катили этотъ шаръ, но невольно заинтересовался успѣхомъ ихъ дѣла. Замѣтивъ, что они остановились перевести духъ на трудномъ мѣстѣ, черезъ которое имъ до сихъ поръ не удавалось перетащить тяжесть, не смотря на всѣ ихъ усилія, и увидавъ, что они снова принимаются за дѣло, ободряя другъ друга, я невольно отправился къ нимъ на помощь. Подбѣжавъ къ нимъ, я уперся головой въ шаръ и, собравъ всѣ силы, вскорѣ вкатилъ шаръ на площадку, на которую его направляли жуки.

Я сдѣлалъ это такъ быстро, что только потомъ замѣтилъ одно обстоятельство, которое несомнѣнно умѣрило бы мое усердіе, если бы оно было мнѣ извѣстно раньше.

Шаръ, къ которому я столь необдуманно прислонился лбомъ, распространялъ зловонный запахъ, обличавшій его происхожденіе.

Всѣмъ извѣстно мое отвращеніе къ зловоніямъ и къ распространяющимъ ихъ предметамъ. Когда жуки стали благодарить меня за оказанную имъ помощь, я отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ вонючаго предмета и скорчилъ весьма выразительную гримасу.

— Чортъ возьми, сказалъ я недовольнымъ тономъ: если бы я зналъ, какую гадость вы переносите, то право не поторопился бы дотронуться до нея.

При этой выходкѣ навозные жуки засмѣялись мнѣ въ лицо.

— Зачѣмъ вамъ нужна эта гадость? Что вы намѣрены съ нею дѣлать? спросилъ я.

— Мы положили въ нее яйцо, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, а когда изъ него вылупится молодая личинка, она найдетъ здѣсь обильную пищу. Мы заботимся такимъ образомъ о каждомъ изъ нашихъ яицъ. Какъ видите, мы не жалѣемъ труда, чтобы обезпечить существованіе нашихъ дѣтей: таковъ уже обычай въ семьѣ жуковъ.

— Ваше потомство не отличается однако особенно тонкимъ вкусомъ, замѣтилъ я.

— Объ этомъ нечего разсуждать, возразилъ навозный жукъ. Вкусъ—вещь условная, зависящая отъ обстоятельствъ и воспитанія; этотъ запахъ, невыносимый для одного, кажется другому истиннымъ ароматомъ. Что же касается того занятія, за которымъ вы насъ застали, то мы исполняемъ роль, необходимую въ общей связи естественныхъ явленій: мы употребляемъ съ пользою и истребляемъ извѣстныя вещества, которыя выбрасываются другими, какъ излишнія и тяготящія.

— Прекрасно, сказалъ я, но изъ этого я все таки не узналъ, зачѣмъ вы выбиваетесь изъ силъ, чтобы перенести этотъ шаръ, который вы преспокойно могли бы оставить на томъ мѣстѣ, гдѣ вы его изготовили.

— Мы намѣрены зарыть его вонъ въ ту ямку, отвѣчалъ жукъ.—Если мы его оставимъ на открытомъ воздухѣ, его пожалуй украдетъ первый голодный бродяга, которому онъ придется по вкусу.

Я вспомнилъ могильщиковъ, которые трудились съ тою же цѣлью, и невольно засмѣялся надъ опасеніями жуковъ, что у нихъ украдутъ ихъ вонючее сокровище.

— Незавидное однако ваше ремесло, замѣтилъ я.

— Вы находите, сверчокъ? Такъ знайте-же, что за то самое ремесло, которое вы такъ презираете, наши предки удостоились со стороны людей великихъ почестей. У насъ сложилась легенда, что великій народъ древняго міра причислилъ насъ къ своимъ богамъ. Что вы на это скажете? Я не припомню, чтобы сверчокъ когда либо удостоился такой почести.

— Признаюсь, и я не припомню. Но за что же вамъ была оказана такая почесть?

— Кажется, насъ считали эмблемой солнца, гонцами весны, предвѣстниками обновленія природы. Шаръ, который мы катимъ, былъ для нашихъ поклонниковъ эмблемой міра, а заключающійся въ немъ молодой жукъ—символомъ существа, рожденнаго безъ отца и матери, однѣми силами природы—воплощеніемъ жизненной силы...

— Прекрасная легенда! Но въ такомъ случаѣ я нисколько не удивился бы, если бы другіе великіе народы поклонялись сверчкамъ. Весьма возможно, что такъ оно и было, только преданіе нынѣ забыто и, не смотря на все мое желаніе, я не могу похвастаться столь благороднымъ происхожденіемъ.

— Наше происхожденіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, сказалъ жукъ высокомѣрно. — Встрѣчали ли вы другихъ насѣкомыхъ столь славнаго рода?

Я поневолѣ долженъ былъ признаться, что не встрѣчалъ таковыхъ.

Разставаясь съ жуками, я торжественно поклонился этимъ потомкамъ боговъ.

«А все таки, подумалъ я, я не завидую ихъ

участи! Что они ни говори, а довольно жалкое ихъ ремесло. Быть можетъ, въ старину ихъ и почитали какъ божества, но теперь... иныя времена, иные нравы! На мой взглядъ, они похожи на тѣхъ несчастныхъ работниковъ, которые трудятся только по ночамъ....

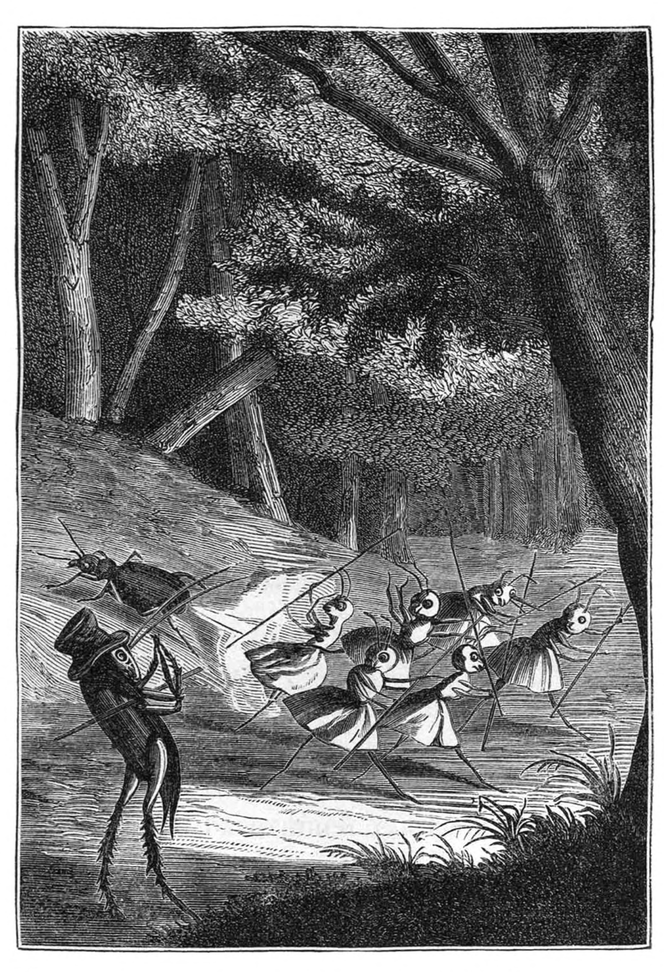
Во время своей прогулки, я встрѣтилъ еще много разныхъ животныхъ, между прочимъ молодаго щелкуна, который упалъ на спину и напрасно старался подняться; это ему долго не удавалось, потому что лапы его были слишкомъ коротки. Я хотѣлъ было помочь ему, но увидалъ, что онъ сильно выгнулся, уперся въ землю двумя оконечностями своего тѣла, потомъ, съ эластичностью пружины ударился объ землю спиною и, подскочивъ кверху, упалъ на лапы. Я остолбенѣлъ отъ удивленія, потому что не ожидалъ такого результата и никогда не видалъ такихъ прыжковъ.

Нѣсколько дальше бомбардиръ обратилъ на себя мое вниманіе. Тогда я не зналъ названія этого жука, но потомъ мнѣ его сказали. Бомбардиръ бѣжалъ передо мною. Это хорошенькое насѣкомое, похожее формою на жужелицу, только гораздо меньше ея; тѣло у него красное, а надкрылья чудеснаго синяго цвѣта. Онъ несъ въ своихъ челюстяхъ муравья, котораго, вѣроятно, только что задушилъ. Обходя камень, онъ наткнулся на отрядъ, состоявшій изъ десятка муравьевъ и шедшій какъ разъ ему на встрѣчу. Отрядъ внезапно остановился и выстроился въ боевомъ порядкѣ. Положеніе бом-

бардира, захваченнаго на мѣстѣ преступленія, было незавидно. Я ускорилъ шаги, чтобы увидать, чѣмъ кончится встрѣча, которая, какъ мнѣ казалось, грозила бомбардиру гибелью. Но дѣло приняло совершенно неожиданный для меня оборотъ.

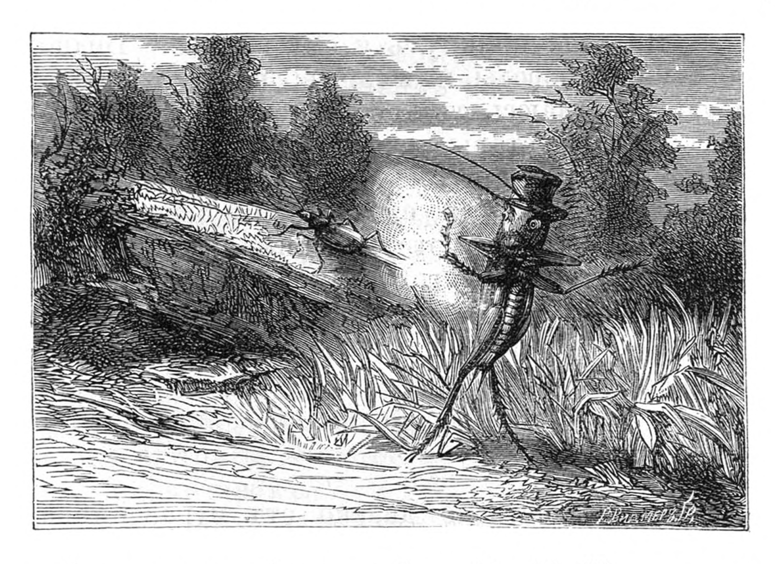
Муравьи недолго церемонились съ тѣмъ, котораго считали своею жертвою. По данному сигналу они окружили его и атаковали; но бомбардиръ, приподнявшись на заднихъ лапахъ, выпустилъ на ближайшаго къ нему муравья какой-то голубоватый паръ, который съ трескомъ

Муравьи окружили и атаковали бомбардира; но онъ, приподнявшись на заднихъ лапахъ, сталъ стрѣлять поочередно въ каждаго изъ своихъ противниковъ и заставилъ ихъ разбѣжаться (стр. 240).

вышелъ изъ оконечности его тѣла; потомъ, описывая круги, онъ сталъ стрѣлять поочередно въ каждаго изъ своихъ противниковъ. Приведенные въ ужасъ этою необыкновенною системою самозащиты, муравьи разбѣжались, оставивъ бомбардира побѣдителемъ.

— Браво! вскричалъ я, изумленный этимъ военнымъ подвигомъ: молодецъ! Поздравляю васъ,

мой другъ, съ блестящей побѣдой! У васъ прекрасное оружіе.

— Я только выпускаю паръ, отвѣчалъ бомбардиръ, но, какъ видите, этого достаточно.

— Совершенно достаточно! Покажите мнѣ, пожалуйста, ваше оружіе?

— Это невозможно. Я ношу его въ собственномъ тѣлѣ; это — мѣшечекъ, наполненный чрезвычайно ѣдкою жидкостью, которая превращается въ паръ, лишь только я ее выпускаю.

— Этотъ паръ, вѣроятно, очень вонючій, если муравьи разбѣжались отъ него?

— А вотъ, судите сами, сказалъ бомбардиръ. И съ этими словами негодяй повернулся ко мнѣ задомъ и выпустилъ мнѣ прямо въ лицо цѣлый зарядъ. Я чуть не задохнулся. Этотъ голубоватый дымъ имѣлъ ѣдкій, отвратительный запахъ. Когда я пришелъ въ себя, злой шутникъ убѣгалъ, смѣясь надъ своей продѣлкой.

— Нахалъ! крикнулъ я ему вслѣдъ. Видно, что ты изъ породы жужелицъ; но я ужь когда нибудь раздѣлаюсь съ тобой, можешь быть спокоенъ; у меня старые счеты съ твоей семьей.

Я оглянулся кругомъ, чтобы убѣдиться, не были ли кто нибудь свидѣтелемъ оскорбленія, которое нанесъ мнѣ этотъ невѣжа; присутствіе кого либо посторонняго усилило бы оскорбленіе; но, къ счастію, я былъ совершенно одинъ. Взводъ муравьевъ ушелъ уже далеко, чему я очень обрадовался.

Я ушелъ довольно далеко отъ муравейника, а такъ какъ начинало вечерѣть, я собирался возвратиться потихоньку въ просѣку. Буки, у подошвы которыхъ находился муравьиный городъ, были прекрасно видны, такъ какъ стояли одиноко на обширномъ открытомъ пространствѣ.

Въ окрестностяхъ муравейника я увидалъ, на низкой травѣ, хорошенькихъ коренастыхъ жучковъ; надкрылья были у нихъ свѣтложелтыя, украшенныя четырьмя большими, черными пятнами. Присутствіе ихъ въ этомъ мѣстѣ поразило меня, и я высказалъ имъ свое удивленіе.

— Какъ это вы рѣшаетесь заходить сюда? спросилъ я ихъ. Развѣ вы не знаете, что здѣсь очень близко муравейникъ? Вѣдь васъ, чего добраго, съѣдятъ.

— Мы не боимся муравьевъ, отвѣчала одна изъ козявокъ: они знаютъ насъ издавна и мы живемъ съ ними въ ладахъ. Мы даже проводимъ большую часть своей жизни въ ихъ городѣ. Наши личинки живутъ у нихъ.

— А, это другое дѣло; я этого не зналъ.

— Мы имъ оказываемъ услуги, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, и издавна дружны съ муравьями.

Я простился съ ними, объявивъ имъ, что только искреннее участіе заставило меня предупредить ихъ о грозившей имъ опасности; но такъ какъ изъ ихъ объясненій оказалось, что они таковымъ не подвергаются, то я извинился передъ ними за свои замѣчанія.

Когда стало смеркаться, я возвратился въ муравейникъ, очень довольный своими впечатлѣніями и познаніями, пріобрѣтенными на прогулкѣ, которую немножко испортила лишь встрѣча съ бомбардиромъ.

Благодаря указаніямъ встрѣчавшихся мнѣ на улицахъ муравьевъ, я добрался безъ особенныхъ затрудненій до комнаты, въ которой провелъ уже первую ночь, и, заперевъ свою дверь, улегся спать.

ГЛАВА XIX.

Гости муравьевъ.

Эту ночь я провелъ спокойнѣе предыдущей. Мой сонъ не былъ нарушенъ ни шумомъ, ни какимъ-либо непредвидѣннымъ случаемъ. Быть можетъ и ходили ночные патрули, но я ихъ не слыхалъ. Мегъ пришла разбудить меня, какъ наканунѣ, и опять принесла мнѣ на затракъ большой кусокъ сахару. Я спросилъ ее, что она дѣлала вчера, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, и узналъ, что она вмѣстѣ съ другими слушала мой концертъ, видѣла мое торжество, которому радовалась за меня, и что ее благодарили за талантливаго артиста, которымъ ей обязаны.

— Однако я должна предупредить тебя, что ты нажилъ себѣ враговъ. Ты, кажется, вчера былъ при сраженіи муравьевъ съ бомбардиромъ и видѣлъ пораженіе послѣднихъ. Говорятъ, что ты кричалъ побѣдителю браво. Правда ли это?

— Въ этомъ есть доля правды, сказалъ я, но я протестую противъ произвольнаго толкованія моего нѣсколько необдуманнаго восклицанія; оно относилось не столько къ побѣдителю муравьевъ, сколько къ его удивительному способу защиты. Знаешь ли ты бомбардира?

— Прекрасно знаю. Тѣ, которые вчера атаковали его, были молоды и неопытны и не знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Тебѣ же я совѣтую быть осторожнѣе на будущее время: муравьи, особенно молодые, чрезвычайно обидчивы, и ты можешь, чего добраго, попасть въ непріятную исторію безъ всякаго злаго умысла.

Я вспомнилъ въ эту минуту предостереженіе паука: «будь остороженъ съ муравьями — не задѣвай ихъ самолюбія». — И я убѣдился, что паукъ былъ правъ.

Я торжественно обѣщалъ Мегъ, что буду отнынѣ крайне осмотрителенъ въ своихъ отношеніяхъ къ ея согражданкамъ, и она одобрила мое рѣшеніе.

Когда я позавтракалъ, мы опять отправились осматривать городъ, въ которомъ я видѣлъ пока только верхніе кварталы, предназначенные для яицъ, личинокъ и куколокъ.

Слѣдуя за Мегъ, я лучше вчерашняго подмѣчалъ всѣ подробности постройки муравьинаго города.

Какъ я уже сказалъ, моя комната находилась въ одномъ изъ нижнихъ кварталовъ города, на одномъ уровнѣ съ большой залой, устроенной на старомъ буковомъ сукѣ, который служилъ ей поломъ. Я замѣтилъ, что весь муравейникъ былъ устроенъ частію подъ уровнемъ почвы, а частію надъ нимъ. Улицы, жилыя помѣщенія и склады съѣстныхъ припасовъ подземной части были вырыты въ черноземномъ слоѣ, мало по малу наросшемъ на

сукѣ, послѣ того, какъ срубили дерево, которому онъ когда то служилъ основаніемъ.

Что же касается верхней части, то она вся была выстроена самими жительницами, которыя соорудили ее съ помощью безчисленнаго множества соломенокъ и сучковъ, отъ искуснаго переплетенія которыхъ получились коридоры, комнаты и коморки всевозможныхъ размѣровъ, не только чрезвычайно прочныя, но и почти непроницаемые для дождя.

— Нашъ городъ, повѣствовала мнѣ Мегъ, очень древній. Основаніе его теряется во мракѣ временъ, и наши преданія умалчиваютъ даже о приблизительной эпохѣ его.

— Нѣтъ ли въ исторіи вашего города чего либо замѣчательнаго, какого либо событія, которое нарушило правильное теченіе жизни? спросилъ я.

— О, разумѣется, есть! отвѣчала Мегъ: у насъ часто бывали революціи, мятежи, насильственные перевороты. Бывали сраженія на улицахъ, рѣзни, убійства и всякаго рода преступленія. Мы воевали съ сосѣднею республикою; нѣсколько разъ къ намъ вторгались непріятели, и иногда мы покупали миръ лишь цѣною самыхъ тяжкихъ жертвъ. Жизнь муравьевъ не такъ безмятежна какъ кажется! Однажды—это было очень давно, задолго до моего рожденія, но мнѣ разсказывали старухи, которыя въ свою очередь узнали объ этомъ событіи отъ старшихъ, — однажды, говорю я, нашъ городъ чуть не погибъ отъ страшной катастрофы. Дѣло было утромъ, когда, по обыкновенію, переносятъ куколокъ, личинки и яйца въ верхніе этажи; вдругъ неожиданный толчекъ потрясъ городъ до основанія. Переполохъ, происшедшій отъ

этого необыкновеннаго явленія, еще не разсѣялся, какъ второе, еще болѣе сильное сотрясеніе возвѣстило обезумѣвшимъ отъ ужаса жителямъ о неминуемомъ катаклизмѣ.

Дѣйствительно, почти въ ту-же минуту въ верхнихъ этажахъ произошелъ обвалъ и часть ихъ исчезла.

Вскорѣ жители узнали причину страннаго событія: имъ пришлось имѣть дѣло съ самымъ опаснымъ изъ нашихъ враговъ: на нихъ произвелъ нападеніе человѣкъ....

— Человѣкъ? Съ какою же цѣлью?

— Чтобы завладѣть куколками.

— На что онѣ ему нужны?

— Онъ кормитъ ими птицъ. Надо тебѣ сказать, что нѣкоторыя породы птицъ, а именно молодые фазаны, соловьи и нѣкоторыя другія, очень лакомы до муравьиныхъ куколокъ, а люди, держащіе ихъ въ неволѣ, преслѣдуютъ насъ ради ихъ. Послѣ катастрофы, наши долго не могли оправиться. Много лѣтъ прошло прежде, чѣмъ жестоко пострадавшій городъ снова достигъ своего прежняго благосостоянія.

— Эти изверги, люди, не щадятъ насѣкомыхъ... Правда, мы же и мстимъ имъ за это.

— Они серьезно считаютъ себя царями созданія.

— И некому разувѣрить ихъ въ этомъ.

— Нельзя однако отрицать, что они сильнѣе, да, по правдѣ сказать, и умнѣе насъ, замѣтила Мегъ. Нашу силу составляетъ лишь численное превосходство. Мнѣ разсказывали, что въ нѣкоторыхъ странахъ люди буквально оказались вынужденными бѣжать отъ насъ и уступить намъ мѣсто.

— Признаюсь, я не слыхалъ, чтобы люди когда нибудь обращались въ бѣгство передъ сверчками, но мнѣ говорили, что наши родственники—саранча—часто причиняютъ имъ много заботъ.

— Неужели?

— Да; саранча иногда налетаетъ такими стаями, что затемняетъ солнце; она садится тамъ и сямъ на поля и оставляетъ за собою ужаснѣйшее опустошеніе. Въ подобныхъ случаяхъ страдаютъ не одни только люди.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы пришли въ тѣ части муравейника, которыхъ еще не осматривали или посѣтили лишь мимоходомъ.

— Я тебѣ покажу нашихъ гостей, и ты увидишь, что дурная молва о нашей замкнутости совершенно не основательна. Вотъ, напримѣръ, личинка бронзовки: у насъ такихъ личинокъ штукъ двадцать.

И, дѣйствительно, въ просторномъ углубленіи лежала большая, бѣлая, мохнатая личинка, которую я уже замѣтилъ наканунѣ.

Мегъ объяснила мнѣ, что личинки бронзовокъ съ незапамятныхъ временъ пользуются гостепріимствомъ муравьевъ.

— Ты знаешь бронзовокъ, сверчокъ?

— Еще бы! Это красивыя зеленыя и блестящія жесткокрылыя, которыя водятся на цвѣтахъ. Я не зналъ, что ихъ личинки живутъ у васъ.

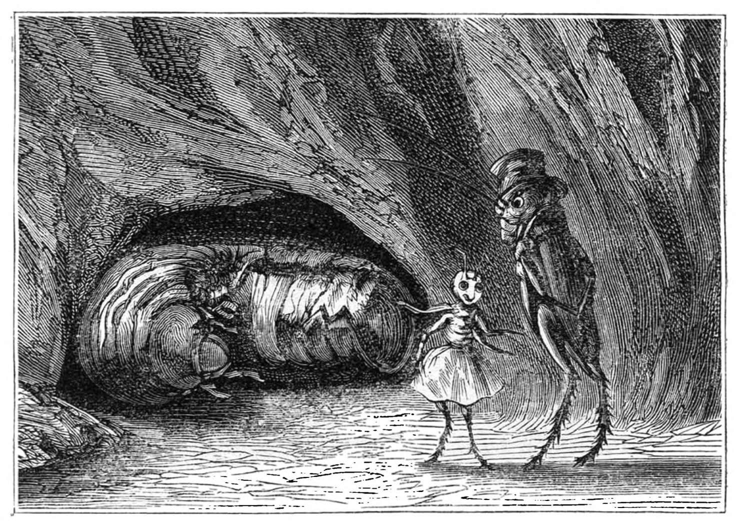
— Личинки одной породы проводятъ у насъ всю свою жизнь—два-три года, и куколки ихъ также.

— Оказываютъ ли они вамъ какую нибудь пользу?

— Особенной пользы отъ нихъ нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы ихъ держите?

— Что же дѣлать, ужь мы къ нимъ привыкли. Съ самаго рожденія мы видимъ ихъ въ нашей средѣ. Онѣ, по преданію, пользуются на-

шимъ гостепріимствомъ. Наши дѣды и прадѣды давали имъ пріютъ, и мы слѣдуемъ ихъ примѣру.

— А кто это разгуливаетъ, закутавшись въ какой то футляръ?

— Это личинки листотѣла.

— Это тоже жесткокрылыя. Вчера вечеромъ я видѣлъ ихъ на травѣ невдалекѣ отсюда.

— Это—красивыя желтыя насѣкомыя съ четырьмя черными пятнами, не такъ ли?

— Да.

— Ихъ личинки освобождаютъ насъ отъ безполезныхъ и занимающихъ много мѣста оболочекъ нашихъ куколокъ, послѣ ихъ превращенія. Въ этомъ отношеніи онѣ оказываютъ намъ услугу.

— Зачѣмъ онѣ таскаютъ на себѣ этотъ футляръ, въ которомъ спрятано ихъ тѣло?

— Право, не знаю; должно быть для того, чтобы защитить кожу, которая у нихъ очень тонка. Это у нихъ семейная привычка. Другіе виды, которые не живутъ у насъ, — ихъ очень много породъ—и личинки ихъ родственниковъ скрытоголововъ, которыя составляютъ очень многочисленное племя, живутъ, подобно улиткамъ, въ крѣпкой раковинѣ и постоянно носятъ ее съ собой.

— Точно также живутъ и личинки веснянокъ, которыхъ мы видѣли въ прудѣ?

— Да, и личинки многихъ маленькихъ бабочекъ, которыхъ называютъ молью.

— Это остроумная выдумка. Но скажи, пожалуйста, у васъ гостятъ однѣ только личинки?

— О нѣтъ, у насъ также ютится множество «хищниковъ». Они всѣ полезны, потому что освобождаютъ насъ отъ негодныхъ мѣшковъ куколокъ и отъ старыхъ шкурокъ личинокъ. Они избавляютъ насъ отъ труда выносить всѣ эти безполезные остатки и исполняютъ обязанность чистильщиковъ.

— А это кто такой? спросилъ я, указывая Мегъ на маленькихъ свѣтложелтыхъ насѣкомыхъ странной формы, которыя ползали очень медленно.

— Это—жуки-булавчики.

— Судя по толщинѣ ихъ усиковъ, они должны обладать весьма тонкимъ слухомъ.

— Слухъ для нихъ весьма важенъ, потому что они слѣпые.

— Слѣпые!

— Да, у нихъ совсѣмъ нѣтъ глазъ.

— На что же они вамъ нужны?

— Они изготовляютъ для насъ прекраснѣйшій сахаръ, а потому они у насъ въ большомъ по-

четѣ; мы за ними очень ухаживаемъ. Но пойдемъ дальше. Видишь тамъ этихъ маленькихъ карапузиковъ?

— Вижу, но я думалъ, что всѣ карапузики живутъ въ навозѣ или въ падали. А вы кормите и такихъ насѣкомыхъ?

— Нѣкоторыхъ изъ нихъ. Они оказываютъ намъ такія же услуги, какъ и хищники.

— А вотъ и травяная вошь, замѣтилъ я, увидавъ цѣлую галерею, наполненную этими насѣкомыми. Я и не ожидалъ встрѣтить ихъ здѣсь.

— Видишь ли, мы дѣлаемъ опытъ.

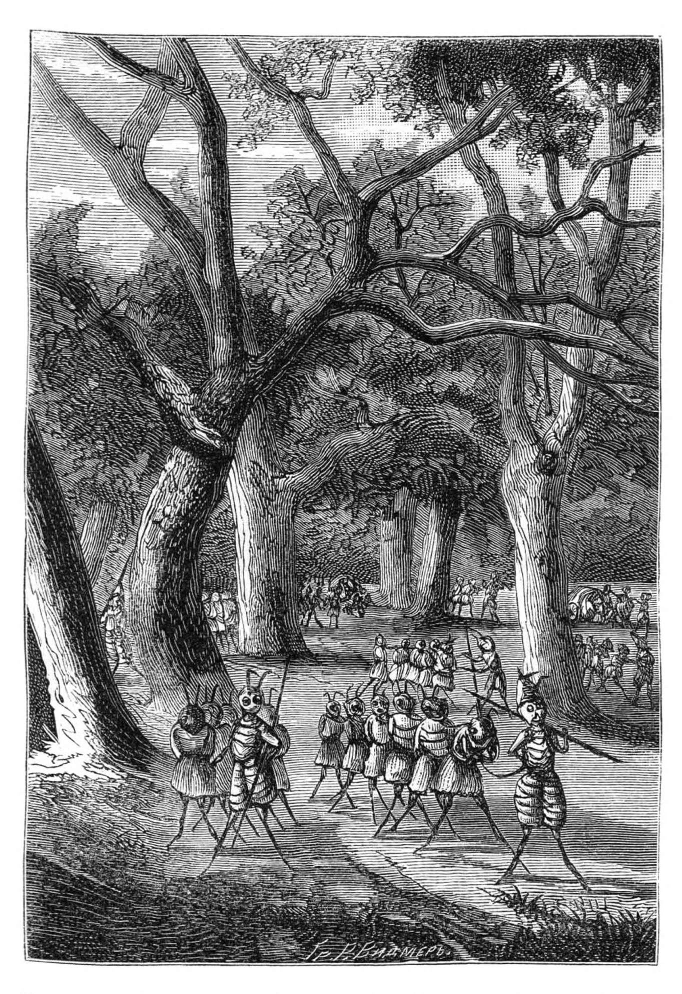
— Какой опытъ?

— Вотъ въ чемъ дѣло: надо тебѣ сказать, что травяная вошь выдѣляетъ двумя трубочками, которыя у нея на спинѣ, сиропъ, которымъ мы очень любимъ лакомиться. Когда мы встрѣчаемъ ихъ на растеніяхъ, мы щекочемъ ихъ своими усиками, чтобы заставить выпустить этотъ сиропъ, на который онѣ впрочемъ не скупятся. Надо тебѣ сказать также, что нѣсколько породъ муравьевъ, живущихъ подъ дерномъ, придумали держать у себя травяную вошь, чтобы не бѣгать за нею въ даль. Нѣкоторыя изъ моихъ молодыхъ подругъ вздумали сдѣлать такой же опытъ, и на дняхъ натащили сюда всѣхъ этихъ насѣкомыхъ. Я предупреждала ихъ, что опытъ не удастся, но онѣ не послушались меня.

— Почему ты думаешь, что опытъ не удастся?

— Потому что травяную вошь надо кормить. Маленькіе муравьи, живущіе подъ дерномъ, помѣщаютъ это насѣкомое на корняхъ травъ, подъ которыми проведены ихъ галереи. У насъ же мѣстныя условія совершенно иныя: у насъ нѣтъ растительныхъ корней внутри муравейника, а такъ какъ травяная вошь питается исключительно растительнымъ сокомъ, то у насъ она пропадетъ съ голоду. Этого-то я и не могла втолковать своимъ подругамъ.

— Да, опытъ старшихъ рѣдко идетъ въ прокъ

Это—плѣнники. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы вели войну съ черными муравьями. Мы истребили ихъ, а всѣхъ оставшихся въ живыхъ забрали въ плѣнъ. (стр. 257).

молодежи,—ей нуженъ личный опытъ. Но что это? Еще цѣлая масса мелкихъ жесткокрылыхъ?

— Это тоже наши гости—разная мелкая сошка: короѣды, скрытники и пр. Всѣ они питаются нашими отбросками.

— Я сейчасъ замѣтилъ черныхъ муравьевъ, которые работали вмѣстѣ съ вашими. Какимъ образомъ они попали сюда?

— Это—плѣнники. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы вели войну съ черными муравьями, которые живутъ въ пнѣ недалеко отсюда. Мы истребили ихъ, а всѣхъ оставшихся въ живыхъ забрали въ плѣнъ.

— Ихъ, кажется, не обижаютъ у васъ?

— Нисколько. Они работаютъ съ нами, и мы обращаемся съ ними такъ, какъ будто они всегда принадлежали къ нашей націи.

— Они не жалѣютъ о потерѣ своей національности?

— Ничуть не бывало. Впрочемъ большая часть изъ нихъ вылупилась здѣсь: ихъ переселили сюда куколками; имъ здѣсь хорошо живется, и они повидимому равнодушны къ тому, что ты называешь потерей національности.

Разговаривая такимъ образомъ, мы дошли до одного изъ выходовъ муравейника. Погода стояла по прежнему прекрасная, и, какъ наканунѣ, муравьи выносили куколокъ и личинки. Я спросилъ у Мегъ, не боятся-ли они, что птицы поклюютъ вынесенныя на воздухъ личинки и куколокъ.

— Это не опасно. Дѣйствительно, нѣкоторыя птицы, напримѣръ соловьи, очень любятъ наши куколки; но для того, чтобы полакомиться ими, имъ пришлось бы сѣсть на муравейникъ, а это не сошло бы имъ даромъ. Онѣ сами боятся насъ,

намъ же птицы были-бы опасны лишь въ случаѣ переселенія. Во время войны съ черными муравьями, о которой я сейчасъ разсказывала, птицы поклевали у насъ большую часть куколокъ, которыхъ мы отбили у непріятеля.

— Вотъ мы и пришли подъ открытое небо, добавила Мегъ. Пойди, спой что нибудь, а мнѣ пора приниматься за работу.

ГЛАВА XX.

Война.

Прошло нѣсколько дней безъ всякихъ замѣчательныхъ событій. Я, по обыкновенію, давалъ по утрамъ концерты и потомъ гулялъ до наступленія ночи.

Я видался иногда съ личинками скакуновъ и встрѣчалъ нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ, нравы которыхъ очень заинтересовали меня, но я обхожу все это молчаніемъ, чтобы не слишкомъ растягивать свой разсказъ, и перехожу къ событію, внезапно прервавшему мою пріятную жизнь у муравьевъ.

Разъ вечеромъ я, по обыкновенію, запиралъ свою дверь на ночь, когда Мегъ вошла ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ.

— Мы собираемся воевать, объявила она безъ вступленія.

— Неужели? воскликнулъ я. Съ кѣмъ?

— Съ сосѣдней республикой.

— Вотъ какъ. А изъ-за чего?

— Просто изъ-за оскорбленнаго самолюбія. Повидимому, въ обоихъ государствахъ, въ нашемъ и въ сосѣднемъ — значительно возрасло число населенія и лѣсъ сталъ тѣсенъ для обо-

ихъ; на границахъ каждый день происходятъ стычки. До сихъ поръ мы не обращали на это особеннаго вниманія, но теперь дерзость нашихъ сосѣдей не знаетъ предѣловъ; они вѣроятно считаютъ наше долготерпѣніе трусостью. Однимъ словомъ, сегодня утромъ непріятельскій отрядъ вторгнулся на нашу територію; его хотѣли разсѣять, но наши оказались слишкомъ малочисленны и бѣжали въ безпорядкѣ. Говорятъ, что мы потеряли нѣсколько убитыхъ и довольно значительное количество раненыхъ.

— Стало быть...

— Вопросъ о войнѣ уже рѣшенъ. Теперь идутъ пренія въ большой залѣ. Разумѣется, оппозиція сопротивляется, но вѣдь она всегда существуетъ; большинство же высказалось за немедленное начало кампаніи. Весьма вѣроятно, что завтра же утромъ наши войска выступятъ въ походъ.

— Ты говоришь, что теперь происходятъ пренія?

— Собственно говоря, это—только пустая формальность; пренія устроены для того, чтобы дать возможность оппозиціи высказаться, но война рѣшена.

— А что, эти пренія публичны?

— Разумѣется. Не хочешь-ли послушать?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Такъ иди за мной.

Мегъ пошла впередъ, а я за ней; мнѣ было любопытно побывать въ засѣданіи муравьинаго совѣта. Пройдя по нѣсколькимъ галсреямъ, мы вошли въ большую залу, гдѣ я уже побывалъ въ первый же вечеръ моего прибытія въ муравейникъ.

Въ залѣ господствовало сильнѣйшее оживленіе. Тамъ и сямъ расположились отдѣльныя группы, среди которыхъ горячо ораторствовали сторонники мира и защитники войны.

Вдругъ одинъ муравей попросилъ голоса, и наступило всеобщее молчаніе.

— Это вождь оппозиціи, шепнула мнѣ Мегъ.

— Согражданки! заговорилъ ораторъ: никто изъ васъ не обвинитъ меня въ томъ, что я люблю нашу республику меньше, чѣмъ кто либо другой; однако, прежде чѣмъ броситься въ столь рискованное предпріятіе, какъ замышляемое вами, надо хорошенько обдумать и взвѣсить всѣ шансы. Если нѣтъ возможности избѣжать войны, то я дамъ вамъ примѣръ самоотверженія и буду сражаться въ переднихъ рядахъ (Слушайте!). Но прежде чѣмъ рѣшиться на это крайнее средство, разсмотримъ вопросъ, дѣйствительно ли поступки нашихъ сосѣдей требуютъ съ нашей стороны насильственнаго отпора? Посмотримъ, нельзя ли уладить дѣло миромъ? Я боюсь, не слишкомъ ли мы требовательны (оратора прерываютъ); я повторяю, не слишкомъ ли мы требовательны и обидчивы (нѣтъ! нѣтъ!). Дѣйствительно, на границахъ происходили стычки, но это явленіе обыденное; такіе случаи бывали всегда, однако не вели до сихъ поръ къ общему столкновенію. Вчерашней стычкѣ были приданы размѣры, которыхъ она не имѣетъ и не должна имѣть; я думаю, что если мы сдѣлаемъ нашимъ сосѣдямъ представленія въ дружеской формѣ, то они поспѣшатъ дать намъ удовлетвореніе, котораго мы вправѣ требовать отъ нихъ, и такимъ образомъ бичъ войны будетъ устраненъ.

Эти слова вызвали невообразимый шумъ въ собраніи. Всѣ муравьи заговорили вмѣстѣ, такъ

что невозможно было разслышать что нибудь. Наконецъ шумъ мало по малу затихъ, и одинъ изъ муравьевъ, взлѣзшій на трибуну, потребовалъ молчанія и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Любезныя согражданки! Я люблю нашу республику не менѣе, чѣмъ предшествующій ораторъ, но я люблю ее иначе! Я хочу, чтобы въ васъ было мощно чувство національной чести и чтобы она оставалась незапятнанною (браво). Я люблю миръ и сочла бы себя достойною всеобщей ненависти, если бы подстрекала націю къ войнѣ безъ уважительтныхъ причинъ, но такова ли война, которой мы требуемъ теперь? Не мы вызывали нашихъ сосѣдей на борьбу,—они сами вызываютъ ее своими ежедневными дерзостями (это правда!). Васъ увѣряютъ, что дружескихъ представленій было бы достаточно для сохраненія мира: но знаете ли вы, согражданки, какое значеніе имѣли бы дружескія представленія при настоящихъ обстоятельствахъ? Они были бы истолкованы, какъ замаскированныя извиненія (волненіе). Да, ихъ приняли бы за извиненія. Хотите ли вы, чтобы мы послали нашимъ сосѣдямъ депутацію съ порученіемъ извиниться передъ ними? Рѣшайте, хотите ли вы этого?

При этихъ словахъ зала огласилась воплемъ негодованія.

Муравей, говорившій въ пользу мира, постепенно приближался къ двери, во время рѣчи своего противника, а при послѣднихъ словахъ его понялъ, что безопаснѣе будетъ уйти, и незамѣтно исчезъ. Фанатики стали искать его, намѣреваясь умертвить.

— Ты была права, сказалъ я Мегъ. Опозиціи дали говорить только для исполненія формальности.

Очевидно, сторонники насильственныхъ мѣръ имѣютъ здѣсь преобладающее вліяніе на массы. Имъ стоитъ только бросить нѣсколько звонкихъ фразъ, нѣсколько красивыхъ словъ — «честь республики», «чувства національнаго достоинства», «законная отместка за кровавое оскорбленіе» и т. д. въ томъ же родѣ,—и они торжествуютъ надъ тѣми, которые стараются отрезвить массу разумными доводами. Я вижу, что война неизбѣжна, но, какъ ты думаешь, каковъ будетъ ея результатъ?

— Кто знаетъ: война—та же азартная игра. Наши войска храбры и многочисленны, но и непріятельскія войска столь же храбры и, кажется, многочисленнѣе нашихъ. Я думаю, что наши сосѣди желаютъ войны точно также какъ и мы, но они повели дѣло такъ, что вынуждаютъ насъ объявить имъ войну, и будутъ кричать вездѣ, что мы на нихъ нападаемъ: это—старый пріемъ, но къ нему прибѣгаютъ въ случаѣ необходимости, и онъ всегда оказывается полезнымъ. Послѣ рѣчи втораго оратора оппозиція потеряла всякое значеніе и лишилась всякой надежды, что ее выслушаютъ. Умы были такъ взволнованы, что было бы даже опаснымъ сказать хоть одно слово въ пользу мира. Масса сочувствовала сторонникамъ войны, и хотя именно на нее должна была обрушиться вся ея тяжесть, она бросалась въ нее очертя голову, безъ всякихъ размышленій, уподобляясь простымъ хрущамъ, самымъ легкомысленнымъ изъ насѣкомыхъ.

— Ну, братъ-сверчокъ, говорилъ я себѣ, вернувшись въ свою комнату, вотъ тебѣ полезный урокъ: если ты когда нибудь сдѣлаешься главой муравьевъ, ты съумѣешь руководить массами. Для этого нужны красивыя позы и театральные

жесты, ораторское искусство, пустыя но звонкія слова, готовыя, кстати повторяемыя фразы и умѣніе во-время пустить какую нибудь трель, прибѣгнуть къ тремоло и воспользоваться заключительнымъ ut. Если съ помощью всего этого ты не съумѣешь водить за носъ свой народъ, то ты— самый дюжинный сверчокъ, недостойный престола.

Мнѣ плохо спалось эту ночь. Всѣмъ муравейникомъ овладѣло броженіе. Муравьи то и дѣло сновали по коридорамъ: вѣроятно, дѣлались военныя приготовленія съ тѣмъ, чтобы полки могли выступить въ походъ на зарѣ. На разсвѣтѣ Мегъ пришла ко мнѣ.

— Наши войска сейчасъ выступаютъ, сказала она входя. Развѣдчики уже посланы впередъ—разузнать о непріятельскихъ движеніяхъ.

— А какъ ты думаешь, знаетъ ли непріятель о готовящемся на него нападеніи?

— Безъ всякаго сомнѣнія, знаетъ. Онъ имѣетъ шпіоновъ, которые сообщаютъ ему все, что здѣсь происходитъ.

— Сколько войска вы посылаете въ экспедицію?

— Двѣ тысячи. Но лишь только армія придетъ въ лѣсъ, она раздѣлится на два отряда. Половина останется назади въ качествѣ резерва, и только тысяча солдатъ пойдетъ на встрѣчу непріятелю.

— А ты, Мегъ, въ какомъ отрядѣ будешь?

— Я остаюсь дома; я слишкомъ стара для дѣйствительной службы.

Въ эту минуту пришло нѣсколько муравьевъ; они стали потихоньку разговаривать съ Мегъ.

— Мнѣ поручили просить тебя, чтобы ты отправился съ войсками въ походъ, сказала Мегъ.

— Что это значитъ? Меня выбираютъ въ начальники? невольно сорвалось у меня съ языка, но я тотчасъ же спохватился.

Мегъ посмотрѣла на меня съ удивленіемъ. Я легкомысленно проболтался насчетъ своихъ тайныхъ надеждъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она; тебя приглашаютъ въ полковые музыканты.

— Гм! Вотъ какъ!

— Тебѣ неловко будетъ отказаться; на тебя разсчитываютъ и надѣются, что ты своимъ пѣніемъ будешь оживлять воинственный духъ солдатъ.

— Скажи, пожалуйста, придется-ли мнѣ идти до самаго мѣста сраженія?

— Это было бы недурно. Впрочемъ ты вовсе не обязанъ принимать участія въ сраженіи. Во время битвы ты можешь оставаться въ заднихъ рядахъ арміи.

— Это, конечно, будетъ гораздо пріятнѣе.

Мегъ позвали, и она на минуту вышла. Вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, она сказала мнѣ:

— Тебя ждутъ: войска сейчасъ выступаютъ.

— Да я еще не завтракалъ.

— Не бѣда: закусишь на первомъ привалѣ. Объ тебѣ будутъ заботиться.

Я побрелъ вслѣдъ за Мегъ къ одному изъ выходовъ. Не стану лгать: меня волновали въ эту минуту невеселыя думы. Мысль очутиться среди стычки вовсе не нравилась мнѣ. Правда, меня никто не заставлялъ принимать дѣятельное участіе въ сраженіи, но, будучи по необходимо-

сти въ близкомъ разстояніи отъ сражающихся, я рисковалъ быть окруженнымъ непріятельскимъ отрядомъ, попасться въ плѣнъ и даже быть изрубленнымъ.

Выйдя изъ муравейника, я былъ пораженъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: огромная масса муравьевъ собралась на площадкѣ и ожидала сигнала къ выступленію.

Все умолкло при моемъ появленіи. Всѣ головы повернулись ко мнѣ; очевидно, всѣ знали о предстоящей мнѣ роли.

Я торжественно взошелъ на вершину купола. Занявъ мѣсто на немъ, я на минуту углубился въ самого себя, чтобы привести себя въ настроеніе, соотвѣтствующее данному положенію. Мнѣ предстояло пробудить патріотическія чувства моихъ слушателей, разжечь въ нихъ воинственный духъ и ненависть къ врагу и закончить увлекательнымъ военнымъ маршемъ. Всего этого надо было достигнуть посредствомъ хроматическихъ гаммъ и трелей,—задача трудная, но вѣдь увѣряютъ, что музыка прекрасно передаетъ всѣ наши душевныя движенія и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ успѣхомъ замѣняетъ живое слово.

Кажется, пѣніе мое достигло намѣченной цѣли; кажется, мнѣ удалось выразить все, что я сказалъ, потому что муравьи пришли въ неописанный восторгъ.

Когда замерло мое заключительное *ut*, въ толпѣ раздались возгласы: «да здравствуетъ сверчокъ»! И никто не протестовалъ противъ этихъ кликовъ. Я счелъ это хорошимъ предзнаменованіемъ для будущаго. Чего добраго, эта война подвинетъ впередъ мое дѣло; слѣдовало только внимательно слѣдить за ходомъ событій, умѣть

воспользоваться удобнымъ случаемъ, вызвать такой случай, если онъ самъ не представится, искусно эксплуатировать его въ свою пользу, схватить его на лету и не прозѣвать. Такова была моя программа....

Меня пригласили стать во главѣ арміи, что я тотчасъ и исполнилъ, рѣшившись въ душѣ отстать подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ и пропустить войска впередъ, лишь только мы станемъ подходить къ непріятелю. Я считалъ своимъ долгомъ не подвергать легкомысленно всѣмъ случайностямъ сраженія мою драгоцѣнную жизнь, съ которою, быть можетъ, связаны великіе интересы. Таковы были мои размышленія, когда я трубилъ воинственный маршъ. Выстроившись въ четыре колонны, муравьи молча слѣдовали за мной.

Мы вскорѣ пришли на опушку лѣса и сдѣлали привалъ, чтобы позавтракать. Почти всѣ муравьи несли въ своихъ челюстяхъ съѣстные припасы. Оказалось, что Мегъ не забыла меня: ко мнѣ подошло нѣсколько солдатъ, съ трудомъ тащившихъ большой кусокъ бѣлаго сахара, предназначенный для меня.

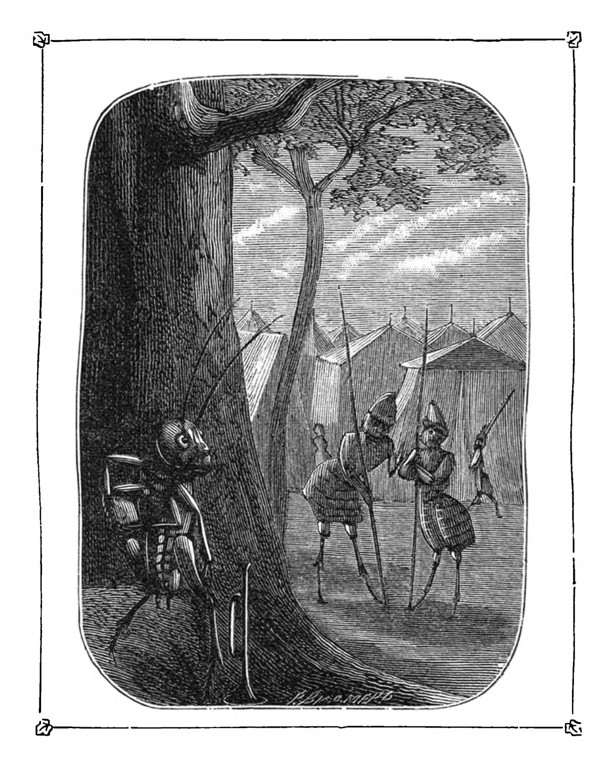
Я мысленно поблагодарилъ свою старую пріятельницу и съ апетитомъ принялся за предложенную мнѣ трапезу.

Закусывая, я прислушивался къ бесѣдамъ муравьевъ.

Особенно заинтересовалъ меня слѣдующій разговоръ между старымъ муравьемъ и молодымъ новобранцемъ. Первый въ старину участвовалъ въ эксцедиціи противъ черныхъ муравьевъ и

говорилъ внушительнымъ тономъ, который вырабатываютъ года и опытность.

— Видишь ли, рекрутъ, говорилъ ветеранъ, я не хочу ругать начальниковъ; но наше дѣло плохо затѣяно, и я боюсь, что его поведутъ еще хуже. Во первыхъ, скажи самъ, подозрѣвалъ ли

ты вчера, что мы сегодня на зарѣ выступимъ въ походъ? У насъ начали войну—здорово-живешь, ничего не подготовивши, не заручившись союзниками, а вѣдь было бы очень легко привлечь на свою сторону муравьевъ-амазонокъ. Во вторыхъ, мы идемъ наобумъ, не зная гдѣ,

когда и при какихъ обстоятельствахъ встрѣтимъ непріятеля. Начальство увѣряетъ, что составило прекрасный планъ, а я готовъ прозакладывать одну изъ своихъ лапъ, что у нихъ нѣтъ никакого плана, точно также, какъ у меня. Они увѣряютъ, что выслали развѣдчиковъ, а видѣлъ ли ты ихъ, скажи-ка? Я не видалъ ни одного, а всю ночь шатался по муравейнику. Я дамъ вторую лапу на отсѣченіе, что они понадѣялись всѣ другъ на друга и никто ничего не сдѣлалъ.

— Такъ ты думаешь, старая Джибсъ, что мы не вступимъ прямымъ путемъ, съ развернутыми знаменами, въ непріятельскій муравейникъ?

— Да кто же такъ вступаетъ въ непріятельскій муравейникъ? ты, кажется, воображаешь себѣ, рекрутъ, что непріятель будетъ уступать намъ для того, чтобы дать тебѣ возможность отличиться? Мы, братъ, имѣемъ дѣло съ сильнымъ врагомъ и намъ придется напрягать всѣ свои усилія, чтобы сладить съ нимъ. Въ войнѣ съ черными муравьями мы съ грѣхомъ пополамъ вышли побѣдителями, а ту войну и сравнивать нельзя съ теперешнею.

— Ты все видишь въ черномъ цвѣтѣ, старикъ. А нашу храбрость ты ни во что считаешь? Развѣ мы не доказали свою храбрость?

— Храбрость—дѣло хорошее, разумѣется, но она ни къ чему не приводитъ, когда дѣло ведется плохо. А я чувствую, что у насъ руководители плохи.

— Чувствую! чувствую! Вотъ, поди, толкуй со стариками! Ты, вѣрно, воображаешь себѣ, что если бы самъ попалъ въ руководители, то повелъ бы дѣло лучше?

— Ахъ, молодежь, молодежь, всѣ вы на одинъ покрой: самонадѣянны, легкомысленны, несвѣдущи. Вотъ, поживете—увидите.

— Да, и увидимъ. Вотъ, посмотри-ка, какъ все спокойно въ лѣсу. Куда ни кинь глазомъ, не видать ни одного непріятеля. Я готовъ биться объ закладъ, что мы къ нимъ явимся, какъ снѣгъ на голову и застанемъ ихъ врасплохъ.

— Ты въ этомъ увѣренъ, рекрутъ?

— Не только я одинъ—вся армія въ этомъ убѣждена.

— Въ этомъ-то и бѣда! А я такъ боюсь, что насъ сейчасъ застанутъ врасплохъ.

— Чертъ тебя побери! Не пророчь бѣду! А смотри, вотъ и развѣдчики возвращаются, а ты увѣрялъ, что ихъ не выслали.

Черезъ нѣсколько минутъ въ арміи разнесся слухъ, что развѣдчики исколесили весь лѣсъ и не встрѣтили ничего подозрительнаго. Они, правда, видѣли маленькій непріятельскій отрядъ, но онъ какъ будто очутился въ лѣсу случайно и поспѣшилъ удалиться, завидѣвъ развѣдчиковъ.

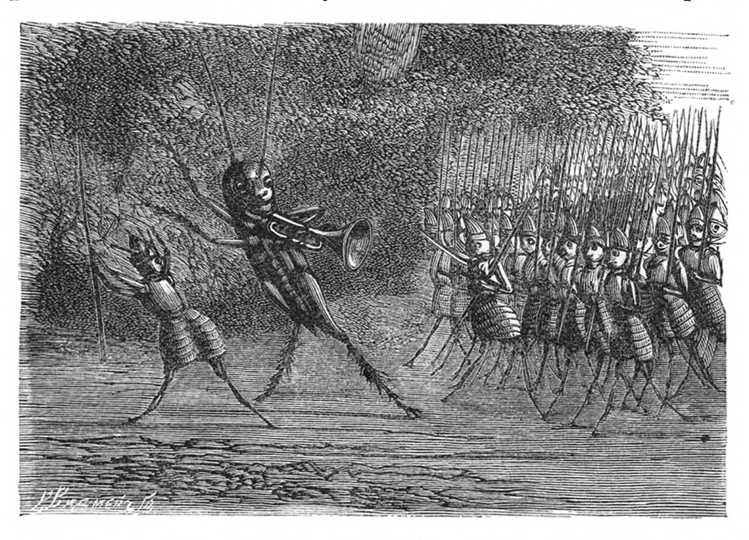
Старая Джибсъ покачивала головой, но такъ какъ тотчасъ же былъ отданъ приказъ выступать дальше, я не дослушалъ ея дальнѣйшихъ размышленій.

Какъ Мегъ говорила, двѣ изъ четырехъ колоннъ, входившихъ въ составъ экспедиціоннаго корпуса, остановились на опушкѣ лѣса. Двѣ другія, состоявшія изъ тысячи солдатъ приблизительно, вступили въ чащу лѣса.

Лѣсъ состоялъ въ этой мѣстности изъ различныхъ древесныхъ породъ, среди которыхъ

преобладалъ букъ. Почва была мѣстами обнаженная, мѣстами покрытая мохомъ и почти не представляла затрудненій для пѣшаго войска. Мы быстро шли впередъ. Я шелъ во главѣ отряда и продолжалъ пѣть тотъ воинственный маршъ, который началъ при выступленіи. Мало по малу я сталъ замедлять шаги, пропуская мимо себя передовыя колонны. Глубочайшее молчаніе попреж-

нему господствовало вокругъ насъ, и только мое пѣніе будило дремлющее эхо.

Мы долго шли, а непріятель все не показывался. Ужь не правъ ли молодой рекрутъ, думалъ я; ужь не врала ли старая Джибсъ? я готовъ былъ согласиться съ новобранцемъ.

Передъ нами извивалась дорога, — вѣроятно продолженіе той, о которой я говорилъ прежде. Въ томъ мѣстѣ, по которому мы проходили, она была очень широка и окаймлена съ обѣихъ сторонъ очень крутымъ косогоромъ. Чтобы

пересѣчь ее поперекъ, надо было спуститься съ одного косогора, который находился на нашей сторонѣ, и взобраться на другой, противоположный. Послѣдній казался очень крутымъ, а на вершинѣ его находился точно такой же выступъ, какъ тотъ, подъ которымъ я укрылся отъ грозы нѣсколько дней тому назадъ; по другую сторону непріятеля не было видно. Старая Джибсъ, которая очутилась въ эту минуту возлѣ меня, предложила своимъ товарищамъ взлѣзть на дерево и осмотрѣть находившійся противъ насъ косогоръ; но надъ нею стали смѣяться, принимая ея осторожность за трусость, и она не рѣшилась настаивать.

Обѣ колонны спустились внизъ, какъ двойной потокъ, и въ одну минуту дорога была занята нашими баталіонами.

Я остановился на выступѣ надъ оврагомъ, черезъ который солдаты переправлялись, и выжидалъ, пока большая часть арміи выберется на противоположную сторону.

На противоположный косогоръ солдаты взобрались также очень скоро, и вскорѣ вся армія очутилась возлѣ выступа, о которомъ я только что упоминалъ.

Для муравьевъ такая отвѣсная стѣна не представляла собою препятствія, и они вскорѣ влѣзли на нее, но, взобравшись на вершину, остановились передъ кустомъ вереска, корни котораго висѣли на воздухѣ и составляли даже для нихъ непроходимую преграду.

Въ эту минуту ряды нѣсколько смѣшались, потому что тѣ муравьи, которые взлѣзли первые, поспѣшно отступили назадъ, убѣдившись въ невозможности пройти черезъ это мѣсто.

Съ того возвышенія, на которомъ я стоялъ, видна была выемка въ непроходимомъ мѣстѣ; по ней можно было взобраться на площадку безъ особеннаго труда, но надо было идти почти гуськомъ.

Я хотѣлъ было указать нашимъ на этотъ проходъ, но нѣсколько муравьевъ открыли его и тотчасъ, направившись туда, стали звать за собой товарищей.

Тогда масса арміи остановилась, и вереница муравьевъ, похожая на узкую черную тесьму, проникла въ разсѣлину, которая могла вмѣстить лишь немногихъ сразу.

Въ теченіи получаса по этому пути прошло отъ четырехъ до пятисотъ солдатъ, т. е. немного меньше половины всего отряда.

Въ эту минуту въ ущельи произошла какая то остановка; потомъ я замѣтилъ обратное движеніе и наконецъ явственно разсмотрѣлъ, что муравьи, уже подходившіе къ площадкѣ, стали скатываться внизъ на тѣхъ, которые слѣдовали за ними.

Причину этого страннаго случая я вскорѣ узналъ.

Между тѣмъ, какъ взводы, ближайшіе къ разсѣлинѣ, бѣжали узнавать о причинѣ остановки, я вдругъ увидалъ на возвышенности противъ меня, вокругъ куста вереска, цѣлую массу муравьевъ. Можно было разсмотрѣть, что они борятся между собою: многіе стали падать на нижнюю площадку, гдѣ неподвижно стояла часть арміи, еще не успѣвшая взобраться наверхъ.

Мы попали въ засаду, и нашъ корпусъ былъ перерѣзанъ на двѣ части.

Съ площадки до меня доносился глухой шумъ. Тамъ вѣроятно кипѣлъ отчаянный бой, но, стоя нѣсколько ниже, я не могъ разсмотрѣть, что тамъ происходило. Нѣсколько муравьевъ снова попытались перебраться черезъ ущелье, но имъ это не удалось. Очевидно непріятель успѣлъ помѣстить тамъ какое нибудь непреодолимое препятствіе.

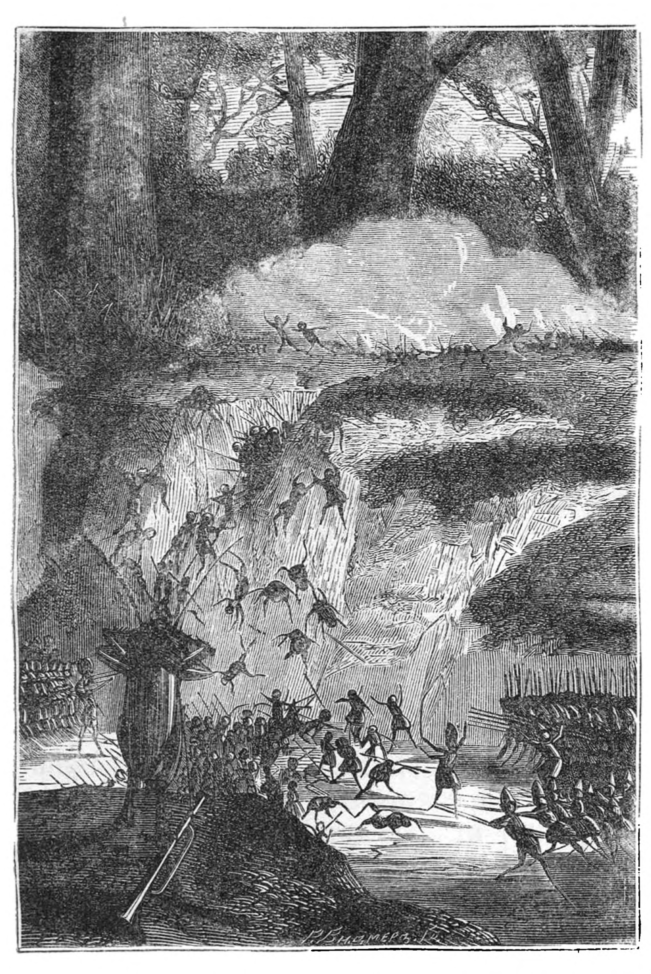
Тѣ муравьи, которые попадали съ вереска на косорогъ, были немедленно окружены товарищами и вѣроятно сообщили самыя ужасныя извѣстія, потому что всѣмъ экспедиціоннымъ корпусомъ немедленно овладѣло сильнѣйшее волненіе.

Они всѣ въ какомъ то изступленіи полѣзли на вертикальную стѣну, подъ которой были скучены, и вскорѣ попадали другъ на друга, задержанные снова непроходимымъ валикомъ вереска.

Я слѣдилъ съ сильнѣйшимъ волненіемъ за этой сценой, но вдругъ мое вниманіе было отвлечено въ другую сторону.

Я уже сказалъ, что съ моего мѣста была хорошо видна часть дороги, пролегавшей у моихъ ногъ. Возлѣ моего мѣста дорога образовала изгибъ и съ обѣихъ сторонъ открывалась передо мной на далекомъ разстояніи. Вдругъ я увидалъ слѣва густую колонну муравьевъ, которая подвигалась очень быстро и въ весьма стройномъ порядкѣ.

Въ то же время столь же многочисленный отрядъ подвигался и съ правой стороны. Я пронзительно крикнулъ, чтобы предупредить нашихъ о грозившей имъ опасности, и сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы они шли ко мнѣ; но, поглощенные своею

Сраженіе продолжалось нѣсколько времени съ невообразимымъ ожесточеніемъ (стр. 277).

неудачною попыткою взлѣсть на косогоръ, они не видали или не поняли моего знака.

Между тѣмъ обѣ колонны быстро приближались другъ къ другу, и вскорѣ наши замѣтили ихъ.

Тогда наши солдаты бросили вертикальную стѣну, о которую разбивались ихъ безплодныя усилія, и, въ виду непріятеля, выказали снова свое утраченное спокойствіе и хладнокровіе.

Они наскоро составили планъ и, раздѣлившись на два отряда, приготовились дать отпоръ непріятельскимъ колоннамъ.

Всѣ сражающіеся принадлежали къ одной расѣ и такъ смѣшались въ битвѣ, что я спрашивалъ себя, какъ они ухитряются отличать своихъ отъ чужихъ.

На счетъ исхода борьбы не могло быть никакого сомнѣнія: каждая изъ непріятельскихъ колоннъ состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ солдатъ, а потому было совершенно невозможно нашимъ выдержать долго столь неравную борьбу; непріятель, на сторонѣ котораго было численное превосходство, долженъ былъ вскорѣ смять ихъ, не смотря на ихъ храброе сопротивленіе.

Теперь шумъ, доносившійся съ дороги, покрывалъ тотъ, который прежде слышался съ площадки, и я не зналъ, кончилось ли уже сраженіе на площадкѣ.

Сраженіе продожалось нѣсколько времени съ невообразимымъ ожесточеніемъ, какъ вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ муравей, котораго я принялъ за одного изъ нашихъ.

— Скорѣй, сверчокъ! крикнулъ онъ запыхавшись: бѣги съ вѣстями къ нашему резерву на лѣсной опушкѣ. Ты скорѣе меня добѣжишь туда.

Скажи, чтобъ торопились, наши дѣла плохи!— И онъ пустился назадъ на поле сраженія.

Я оставилъ мѣсто, гдѣ кипѣлъ смертоносный бой, и, не будучи въ состояніи помочь друзьямъ, побѣжалъ къ нашему резервному отряду.

. . . .

. . . .

ГЛАВА XXI.

Ужасное обвиненіе.

Пробѣжавши еще часъ, я остановился; прогалина должна была находиться по близости и мнѣ даже казалось, что я уже долженъ былъ бы прійти на мѣсто.

Когда мы шли на мѣсто сраженія, меня вели муравьи и мнѣ не пришло въ голову замѣчать дорогу, чтобы облегчить себѣ обратный путь; я не могъ даже и подумать, что мнѣ, быть можетъ, придется возвращаться одному.

Вдругъ передо мной открылась еловая роща. Я былъ увѣренъ, что мы здѣсь не проходили утромъ.

Сомнѣваться было невозможно—я заблудился. Это открытіе сильно встревожило меня; по близости я замѣтилъ улитку, которая тихонько прогуливалась по моху.

Я подбѣжалъ къ ней и сталъ спрашивать, не знаетъ ли она, гдѣ находится муравейникъ. Но при первыхъ же моихъ словахъ этотъ идіотическій слизнякъ спрятался въ свою раковину, и я ничего не добился отъ него.

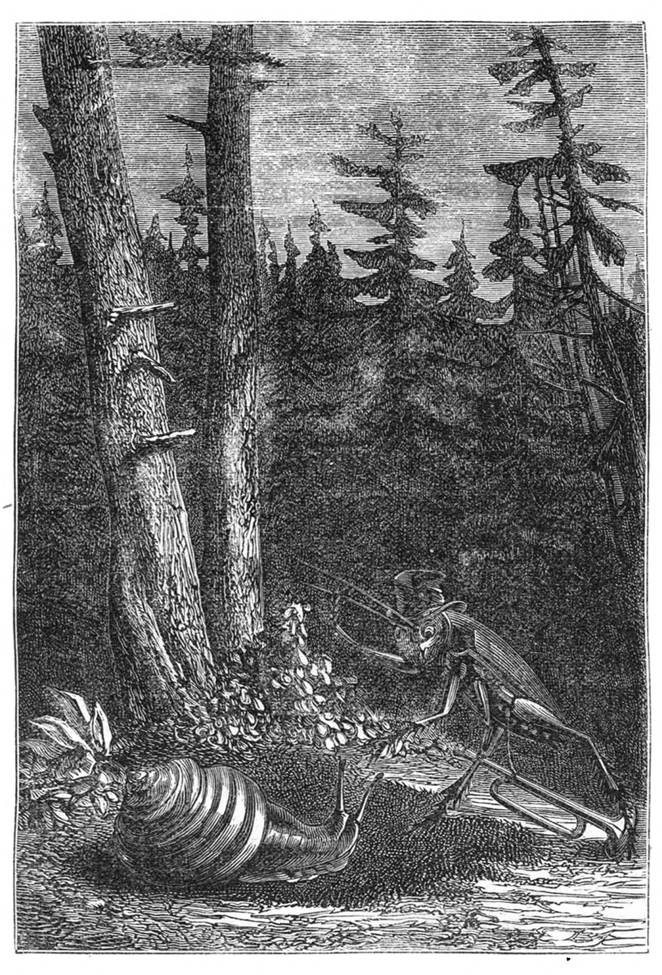
Что мнѣ было дѣлать? Еловая роща казалась невелика, но куда повернуть, чтобы найти до-

рогу? Идти ли направо или налѣво—этого я рѣшительно не зналъ.

Я наугадъ повернулъ налѣво. Нѣкоторыя насѣкомыя, которыхъ я разспрашивалъ, не могли дать мнѣ точныхъ указаній. Одни вели замкнутую жизнь и даже не подозрѣвали о существованіи муравейника; другія знали его, но указанія ихъ были сбивчивы; третьи спрашивали, какой муравейникъ мнѣ нуженъ, потому что ихъ

два въ лѣсу. Я это зналъ не хуже ихъ, но тотъ, котораго я искалъ, находился на просѣкѣ, у подножія двухъ буковъ, объяснялъ я имъ. На это мнѣ отвѣчали, что оба находятся на просѣкахъ, а стоитъ ли одинъ изъ нихъ подъ тѣнью двухъ буковъ—этого никто не помнитъ. Наконецъ, послѣ многихъ скитаній, мнѣ посчастливилось встрѣтить какую-то козявку. Я объяснилъ ей свое затруднительное положеніе и причины, побуждавшія

По близости я замѣтилъ улитку, которая прогуливалась по моху. Я подбѣжалъ къ ней и сталъ спрашивать, не знаетъ ли она, гдѣ муравейникъ.
(стр. 279).

меня искать муравейника. Услужливая козявка разсказала мнѣ дорогу и вызвалась проводить меня; но такъ какъ она не могла скоро двигаться, а указанія ея отличались большою точностію, то я поблагодарилъ ее за услужливость и продолжалъ путь, надѣясь на этотъ-разъ достигнуть цѣли.

Я почти изнемогалъ, и стало смеркаться, когда я наконецъ добрался до просѣки.

Быстро оглядѣвшись, я побѣжалъ на мѣсто нашего утренняго привала, разумѣется не питая особенной надежды застать тамъ нашъ резервный отрядъ и не заблуждаясь на счетъ послѣдствій, которыя могло повлечь за собою мое продолжительное скитаніе: такъ какъ я сбился съ дороги, то резервъ не получилъ во̀-время важнаго, порученнаго мнѣ увѣдомленія, стало быть не могъ придти во̀-время на поле сраженія и можно было опасаться, что нашъ первый армейскій корпусъ совершенно истребленъ.

Мысль, что я—невольный виновникъ этого несчастія, сильно огорчала меня.

Какъ это мнѣ не пришло въ голову посадить къ себѣ на спину муравья, котораго послали ко мнѣ наши бѣдствующія войска? Онъ указалъ бы мнѣ дорогу. Но опять-таки невозможно все предвидѣть заранѣе; я тогда совершенно растерялся и кинулся бѣжать опрометью, очертя голову, упустивъ изъ вида, что я не привыкъ бродить по лѣсамъ, а потому могъ заблудиться, какъ это и случилось.

Я достигъ наконецъ мѣста нашего привала. Оно было совершенно пусто.

Мнѣ оставалось только какъ можно скорѣе отправиться въ муравейникъ, что я и сдѣлалъ немедленно.

Когда я пришелъ, тамъ запирали ворота. Караульные удивились, увидавъ меня одного. Я тотчасъ же спросилъ, нѣтъ ли извѣстій объ арміи. Никто ничего не зналъ и всѣ надѣялись узнать что нибудь отъ меня. Въ муравейникѣ безпокоились объ участи экспедиціоннаго корпуса. Я разсказалъ въ немногихъ словахъ то, что было мнѣ извѣстно, и черезъ нѣсколько минутъ въ муравейникѣ началось невообразимое волненіе. Меня заставляли двадцать разъ повторять свой разсказъ, а потомъ потащили въ большую залу, гдѣ стали собираться на совѣщаніе.

Въ залѣ волненіе достигло крайнихъ предѣловъ; дѣлались всевозможныя предположенія о судьбѣ арміи; всякій высказывалъ свое мнѣніе и шумъ былъ такой, что трудно было что нибудь разслышать. Самое правдоподобное предположеніе было то, что сраженіе продолжалось до поздней ночи и что теперь армія отступаетъ къ городу. Потерпѣла ли она пораженіе или одержала побѣду? Отступаютъ ли войска въ стройномъ порядкѣ, если отступаютъ? Бѣгутъ ли они въ разбродъ? На этотъ счетъ дѣлались всевозможныя комментаріи. Одни предлагали выслать гонцовъ на развѣдки, другіе — это было большинство — доказывали, что лучше всего ждать, потому что безразлично узнать о результатѣ немного раньше или позднѣе; въ случаѣ пораженія, дурная вѣсть всегда придетъ достаточно скоро, а въ случаѣ побѣды экспидиціонный корпусъ скоро вернется самъ; что бы ни случилось, до завтрашняго дня

ничего нельзя предпринимать; самое лучшее—терпѣливо ждать. Это мнѣніе одержало верхъ.

Я сталъ разспрашивать про Мегъ, но никто не съумѣлъ сказать мнѣ, гдѣ она. Поѣвши наскоро, потому что я чуть не умиралъ съ голоду, я отправился въ свою комнату — отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ въ ожиданіи извѣстій.

Я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Около полуночи меня разбудилъ легкій шумъ у моей двери. Кто-то тихонько окликалъ меня. Я отодвинулъ одинъ изъ затворовъ, замыкавшихъ мою дверь, и ко мнѣ вошла Мегъ съ озабоченнымъ видомъ.

Она тщательно затворила дверь, потомъ подошла ко мнѣ и проговорила шепотомъ:

— Сверчокъ, я пришла предупредить тебя, что твоя жизнь въ опасности. Надо бѣжать, не теряя ни минуты.

Эти слова окончательно разбудили меня.

— Что ты говоришь? вскричалъ я: моя жизнь въ опасности?

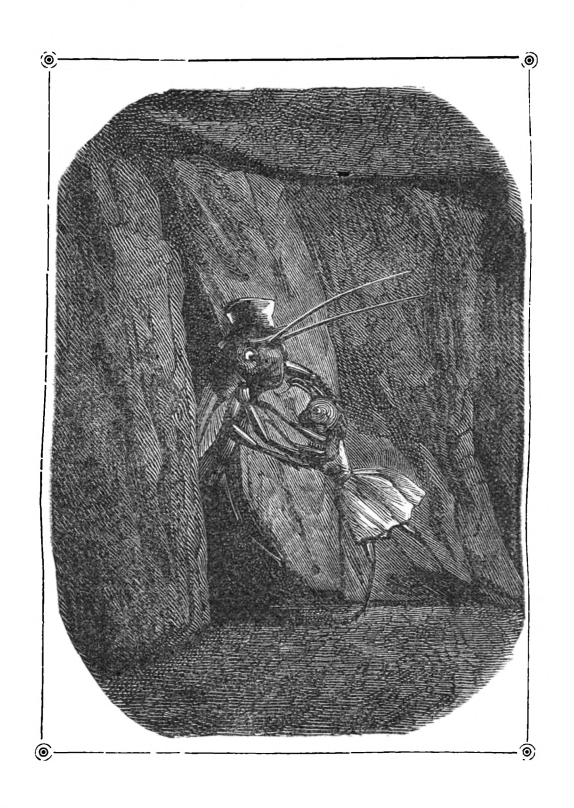
— Да.

— Что случилось?

— Вотъ что: ты знаешь, что нашъ первый корпусъ почти совсѣмъ истребленъ; эту катастрофу причинило слишкомъ позднее прибытіе резерва, который не получилъ во-время извѣстія о пораженіи. Это важное порученіе было возложено на тебя, а ты его плохо исполнилъ. Теперь тебя обвиняютъ въ измѣнѣ.

— Меня! Въ измѣнѣ! Да вѣдь они же знаютъ, Мегъ, что я заблудился въ лѣсу. Я этого не скрывалъ.

— Знаю, что ты разсказываешь дѣло такимъ образомъ; я то тебѣ вѣрю, но, къ сожалѣнію, не таково всеобщее мнѣніе. Повторяю тебѣ, тебя подозрѣваютъ въ измѣнѣ.

— Да это выдумка, Мегъ. Я разсказалъ всю правду и буду защищаться.

— И не пытайся даже, сверчокъ; умы сильно возбуждены. Твоихъ объясненій никто и слушать не будетъ. Развѣ можно вразумить толпу? Ты могъ бы оправдаться, если бы тебя предали суду, но тебя судить не будутъ, а прямо убьютъ.

— Кто же могъ на меня взвести такое обвиненіе?

— Объ этомъ нечего толковать. У тебя есть враги. Помнишь, что я тебѣ говорила?

— Ахъ да! Эта исторія съ бомбардиромъ! Чортъ бы взялъ это гнусное животное! Очень нужно было мнѣ встрѣчаться съ нимъ! Не въ первый разъ я попадаюсь въ просакъ, благодаря своему легкомыслію. Что же теперь дѣлать?

— Бѣжать, я ужь сказала тебѣ.

— Прекрасно, но это гораздо легче сказать, чѣмъ исполнить. Теперь освѣщеніе города окажетъ мнѣ плохую услугу. Если я покажусь на улицахъ....

— Если тебя увидятъ на улицѣ, то непремѣнно убьютъ. На улицахъ теперь толпится народъ, какъ ты слышишь отсюда. Яйца, личинки и куколокъ переносятъ въ нижніе этажи, въ ожиданіи непріятельскаго вторженія. Посты у воротъ усилены, а ворота заперты въ виду весьма возможной осады. Бѣжать черезъ городъ тебѣ невозможно.

— Въ такомъ случаѣ, я пропалъ!

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ; тебѣ остается еще одно спасеніе.

— Какое? говори скорѣй!

— Ты умѣешь рыть землю?

— Разумѣется, но съ деревомъ я не слажу, а мы здѣсь находимся на сукѣ.

— Это правда, но къ счастію эта комната въ самомъ концѣ муравейника. Если ты будешь рыть землю горизонтально въ стѣнѣ, противоположной двери, то найдешь нетронутую почву. Съ этой стороны нѣтъ улицы.

— Какое счастье! Такъ я сейчасъ примусь за дѣло. Ты пойдешь со мной, Мегъ?

— Это невозможно. Если меня не будетъ въ ту минуту, когда узнаютъ о твоемъ бѣгствѣ, меня непремѣнно обвинятъ въ сообщничествѣ съ тобою, и моя пѣсенка будетъ скоро спѣта.

— Но вѣдь я могу заблудиться подъ землей.

— Нѣтъ, только слѣдуй точно моимъ указаніямъ и тебѣ легко будетъ выбраться на свободу.

— Говори скорѣй.

— Ты долженъ вырыть горизонтальный коридоръ, противоположный этой двери. Когда ты выйдешь за предѣлы муравейника, то есть когда пророешь коридоръ разъ въ пятнадцать или двадцать длиннѣе твоего тѣла—а это не трудно опредѣлить приблизительно — направляйся къ верху. Тогда ты навѣрное достигнешь поверхности земли. Постарайся выбраться наверхъ не раньше завтрашней ночи.

— О, не мало времени понадобится на то, чтобы прорыть коридоръ. Какъ ты думаешь, меня не будутъ преслѣдовать подъ землей?

— Это почти невѣроятно. Отбрасывай землю за себя, когда будешь подвигаться впередъ. Я же берусь скрыть слѣды, которые ты оставишь за собою здѣсь. Наши будутъ думать, что ты ушелъ въ одни изъ воротъ, а завтра тебя будутъ искать въ лѣсу.

— А когда я выйду на землю завтра ночью?...

— Бѣги какъ можно скорѣе.

— Да я опять таки собьюсь съ дороги.

— Позови меня тихонько, я постараюсь быть по близости.

— Хорошо, прощай, Мегъ, или, вѣрнѣе, до свиданія. Спасибо тебѣ за все....

— Хорошо, хорошо. Не теряй время на разговоры, а принимайся скорѣй за дѣло. Сюда могутъ придти съ минуты на минуту.

— Еще одно слово. Что дѣлать, если я встрѣчу камень?

— Ну, ужь это твое дѣло; постарайся обойти его; только, главное, держись указаннаго направленія.

— Постараюсь.

Съ этими словами я принялся врываться въ стѣну. Земля была не особенно тверда и черезъ нѣсколько времени я углубился на двѣ длины моего тѣла. Я отбрасывалъ землю за себя, а Мегъ поспѣшно заложила сдѣланное мною отверстіе и уничтожила всѣ слѣды моего бѣгства.

— Счастливаго пути! крикнула она мнѣ въ послѣднюю минуту,—и до завтра!

ГЛАВА XXII.

Бѣгство.—Мнѣ наскучили приключенія.

Я очутился подъ землею на довольно значительной глубинѣ, въ совершенномъ мракѣ, безъ всякой посторонней помощи, безусловно предоставленный самому себѣ.

Надо было рыть землю въ прямомъ направленіи, не отклоняясь никуда въ сторону.

Я усердно принялся работать лапами, стараясь вести траншею возможно прямѣе. Это было не легко. Нельзя себѣ представить, какъ трудно держаться опредѣленнаго направленія въ совершенной темнотѣ.

По мѣрѣ того, какъ мною вырывалась земля, я отбрасывалъ ее за себя, такъ что передо мной образовался не коридоръ, а нѣчто вродѣ маленькой ячейки, закрытой со всѣхъ сторонъ. Я ни въ какомъ случаѣ не могъ бы податься назадъ, потому что повернуться было невозможно. Надо было идти впередъ, и я больше всего боялся наткнуться на какой нибудь большой камень: это заставило бы меня отклониться отъ прямаго направленія и тогда, окончательно сбившись съ пути, я могъ снова вернуться въ муравейникъ, изъ котораго мнѣ надо было выбраться во что бы то не стало. Работая усердно челюстями и передними

лапами, я невольно думалъ:—Вотъ, къ чему привели меня честолюбивыя мечты! Я принужденъ бѣжать, какъ злодѣй, изъ города, въ которомъ надѣялся когда нибудь царствовать! Развѣ я теперь хуже или лучше, чѣмъ былъ въ тотъ день, когда этотъ самый народъ, нынѣ жаждущій моей крови, дѣлалъ мнѣ оваціи! Между тѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ, я упивался кликами: «Да здравствуетъ сверчокъ!» — А теперь эти самые голоса, быть можетъ, кричатъ мнѣ вслѣдъ проклятія! О, какъ не прочны восторги толпы! А вслѣдствіе чего произошла столь печальная перемѣна? Довольно было одного неосторожнаго восклицанія и стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ.... И въ самомъ дѣлѣ, нужно же мнѣ было восхищаться выходками этого проклятаго бомбардира! Это неблагодарное животное нисколько не оцѣнило моихъ похвалъ, а изъ-за него я нажилъ себѣ враговъ, которые теперь мстятъ мнѣ. Когда я поумнѣю и съумѣю сдерживать свои чувства? Право, пора мнѣ остепениться. Если мнѣ удастся выбраться цѣлымъ и невредимымъ на свѣтъ Божій, удалюсь-ка я въ какое нибудь тихое убѣжище и проведу остатокъ дней своихъ вдали отъ житейскихъ бурь и треволненій. Я не созданъ для бурной жизни. Пусть другіе рыскаютъ по свѣту. Истинное счастіе можно найти вездѣ: оно дается легко и за нимъ нечего гоняться. Оно заключается въ умѣніи довольствоваться малымъ и соразмѣрять свои потребности со своими желаніями. Желанія же мои очень ограничены—заниматься искусствами и предаваться созерцанію прекрасной природы. Этимъ отнынѣ должны ограничиться всѣ мои честолюбивыя мечты.

Я рылъ землю уже нѣсколько часовъ... Мнѣ казалось, что я уже значительно подвинулся впередъ, но на бѣду мнѣ становилось ужасно тѣсно въ моей подземной пещерѣ. Какъ я ни старался, мнѣ не удавалось отбрасывать за себя всю вырытую землю, такъ чтобы она заняла свое прежнее мѣсто, а потому мнѣ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе: это было единственное неудобство, отъ котораго я страдалъ. До сихъ поръ мнѣ посчастливилось, такъ что я не встрѣтилъ ни камня, ни какого либо непреодолимаго препятствія.

Предполагая, что я достаточно подвинулся въ горизонтальномъ направленіи и вышелъ изъ области муравейника, я сталъ направляться къ верху, потомъ остановился отдохнуть и дать пройти времени, потому что надо было выбраться на поверхность не раньше ночи. Голодъ начиналъ сильно мучить меня, но теперь о ѣдѣ нечего было и думать.

— Попробую заснуть, подумалъ я. Сонъ обманываетъ голодъ.

И я дѣйствительно заснулъ.

Продолжительный сонъ возвратилъ мнѣ силы; проснувшись, я снова принялся работать. Вскорѣ мнѣ показалось, что земля становится рыхлѣе, а это предвѣщало скорое освобожденіе... Наконецъ, я выбрался наружу. Была глухая полночь.

Не вдалекѣ отъ меня возвышался муравейникъ, мрачный и молчаливый, какъ въ тотъ вечеръ, когда я впервые вступилъ въ него.

— Мегъ! проговорилъ я шепотомъ: Мегъ!

Я подождалъ нѣсколько минутъ

— Мегъ! шепнулъ я опять, возвышая голосъ.

Тогда я увидалъ въ полумракѣ муравья, ко-

торый тихонько приближался ко мнѣ; у него былъ только одинъ усикъ—это была Мегъ.

— Это ты, сверчокъ? окликнула она меня. Здѣсь все спокойно, вылѣзай скорѣе и бѣги проворно подъ верескъ; я приду къ тебѣ.

Я исполнилъ ея приказаніе. Она пришла ко мнѣ подъ кустъ вереска, гдѣ я могъ пріютиться на время.

— Ты таки выбрался цѣлъ и невредимъ,

сказала она: благополучно-ли ты совершилъ свое подземное путешествіе?

— Совершенно благополучно, отвѣчалъ я; только я умираю съ голоду.

— Я это предвидѣла и принесла тебѣ сахару.

Я поспѣшилъ утолить голодъ, а пока я закусывалъ, Мегъ стала мнѣ разсказывать, что произошло въ теченіи дня. Во-первыхъ, прошлою ночью я ушелъ изъ своей комнаты въ самое время, потому что тотчасъ послѣ моего бѣгства

муравьи нахлынули въ нее толпой съ цѣлью растерзать меня, такъ какъ мои враги распустили слухъ о моей воображаемой измѣнѣ. Они пришли въ ярость, увидавъ, что въ комнатѣ никого нѣтъ; но къ счастью, никто не догадался, какимъ образомъ я скрылся. Меня искали вездѣ, въ муравейникѣ и въ окрестностяхъ, потомъ, убѣдившись въ безплодности поисковъ, отказались отъ преслѣдованія, да къ тому же важныя событія отвлекли отъ меня всеобщее вниманіе.

Дѣйствительно, за это время произошли неожиданныя событія.

Я узналъ, что первый экспедиціонный корпусъ былъ разбитъ на-голову и даже почти истребленъ; резервъ, удивленный отсутствіемъ извѣстій изъ передоваго отряда, двинулся впередъ и, послѣ продолжительнаго перехода, встрѣтилъ нѣсколькихъ бѣглецовъ, которые сообщили ему вѣсть о катастрофѣ въ оврагѣ; пока второй отрядъ совѣщался о томъ, что дѣлать, непріятельская армія атаковала его, окружила со всѣхъ сторонъ и разбила также, какъ и первый. Нѣсколько муравьевъ, самое большее пятьдесятъ, спаслись бѣгствомъ и добрались до муравейника, проблуждавши всю ночь въ лѣсу.

— Сегодня утромъ, прибавила Мегъ, вторая армія, болѣе многочисленная, выступила къ границѣ. Сраженіе продолжалось цѣлый день безъ окончательнаго результата, хотя нашимъ и пришлось снова отступить. Обѣ стороны понесли огромныя потери.

— А завтра опять будутъ сражаться? спросилъ я.

— Безъ вскаго сомнѣнія, отвѣчала Мегъ.

— Чѣмъ однако все это кончится?

— Я ужасно боюсь, что кончится дурно для насъ. Судя по тому, что мнѣ говорила одна пріятельница, которая участвовала въ послѣднемъ сраженіи, оно было безпримѣрно кровопролитное. Наши дрались съ необыкновенной храбростью, но численное превосходство было на сторонѣ непріятеля. Они будто выростали изъ-подъ земли, будто сваливались съ деревьевъ, будто падали съ неба дождемъ.

— А какъ ты думаешь, что мнѣ дѣлать? Я думаю удирать какъ можно скорѣе. Что ты на это скажешь?

— Бѣги какъ можно скорѣе, мой другъ.

— Я не могу принести вамъ никакой пользы?

— Рѣшительно никакой.

— Ну, такъ я уйду. Не проводишь ли ты меня немножко?

— Да, провожу до дороги. Тамъ ты уже будешь внѣ всякой опасности.

— Я охотно приму твою услугу, потому что безъ тебя я опять собьюсь съ дороги въ этомъ чертовомъ лѣсу.

— Только, прибавила Мегъ, черезъ просѣку ты иди одинъ. Мы можемъ встрѣтить кого нибудь изъ нашихъ, а если меня увидятъ съ тобой, то понимаешь ли...

— Прекрасно понимаю; во избѣжаніе всякихъ непріятностей, иди за мной на нѣкоторомъ разстояніи.

— Нѣтъ, я лучше придумала: видишь вонъ тамъ этотъ бѣлый пень, освѣщенный луною? Это береза и такихъ пней нѣтъ больше нигдѣ. Иди къ нему и жди меня внизу: я догоню тебя.

— Хорошо, сказалъ я.

Я отправился къ указанному мѣсту, избѣгая

слишкомъ открытаго пространства и яркаго луннаго свѣта. На пути я убѣдился, что Мегъ была права, потому что на встрѣчу мнѣ попался одинъ муравей. Стало быть, въ муравейникѣ узнаютъ, что я брожу по окрестностямъ. Впрочемъ, лично за себя мнѣ нечего было бояться, потому что трудно было предположить, чтобы муравьи стали преслѣдовать меня ночью, такъ какъ такое предпріятіе не могло бы увѣнчаться успѣхомъ.

Благополучно добравшись до березы, я сталъ поджидать Мегъ, которая не преминула явиться.

Мы довольно долго шли молча. Намъ часто приходилось дѣлать обходы, чтобы избѣгать большихъ сучьевъ, папоротниковъ, густой травы и всякихъ растеній, покрывавшихъ почву. Безъ помощи Мегъ я никогда не выбрался бы изъ этого лабиринта, но она прекрасно знала лѣсъ и, не смотря на темноту, шла впередъ совершенно смѣло. Вокругъ насъ все было тихо, все будто замерло. Лѣсъ уже не наводилъ на меня того страха, который я испыталъ при первомъ вступленіи въ него. Вѣроятно, этому способствовала относительная безопасность, наступившая для меня послѣ долгихъ часовъ утомительной работы и тревоги.

Мы добрались безъ приключеній до дороги.

— Я разстанусь съ тобой здѣсь, сказала Мегъ. По этой дорогѣ ты выйдешь изъ лѣса. Гдѣ ты намѣренъ поселиться?

— И самъ еще не знаю, но, вѣроятно, я выберу мѣстомъ жительства земляничную полянку.

— Ты намѣренъ тамъ поселиться навсегда?

— Да, я думаю. Мнѣ ужь надоѣла скитальческая жизнь.

Во время своего подземнаго путешествія, я

долго думалъ и рѣшился жить отнынѣ отшельникомъ; моимъ наклонностямъ всего болѣе соотвѣтствуетъ созерцательная жизнь. Истекшая недѣля открыла мнѣ много новаго, и между прочимъ ту истину, что вездѣ хорошо, а дома всего лучше. Съ завтрашняго же дня я примусь

рыть себѣ уютное жилище въ какой нибудь красивой мѣстности и намѣренъ прожить въ немъ всю жизнь въ пріятномъ спокойствіи.

— Прекрасно придумано; только не соскучишься ли ты въ одиночествѣ?

— Не думаю: я запасся воспоминаніями на

долгое время и буду думать о своихъ приключеніяхъ.

— Лучше будетъ, если ты ихъ напишешь, сказала Мегъ смѣясь; тогда они, быть можетъ, принесутъ кому нибудь пользу.

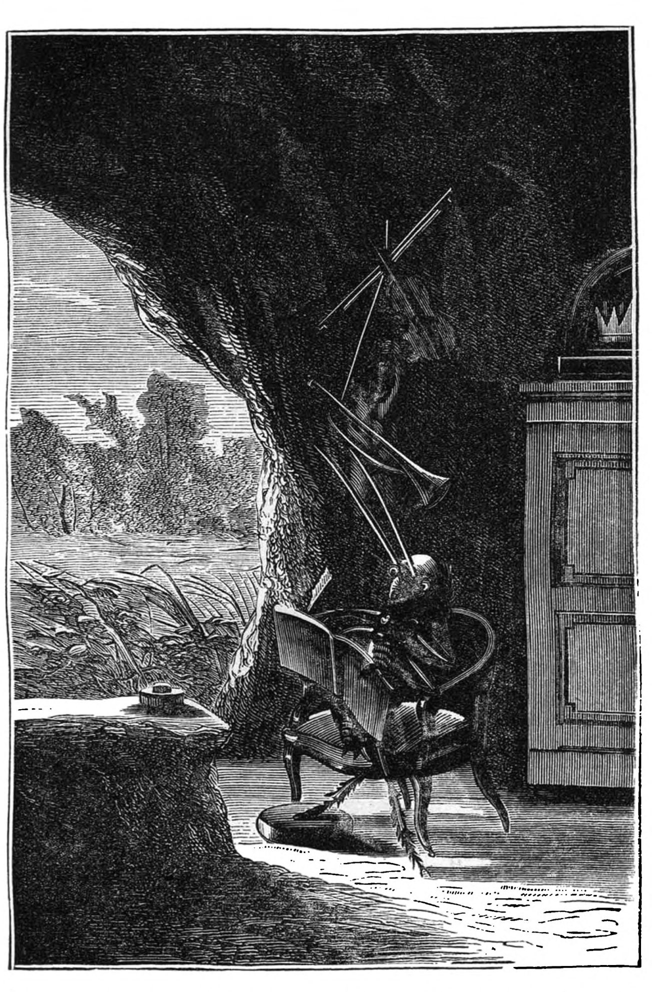
— А кто знаетъ? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ.

— Теперь, мой другъ, я прощусь съ тобой и поскорѣе отправлюсь домой. Завидую тебѣ, что ты можешь мечтать о спокойной жизни... Увы! я нахожусь въ иномъ положеніи. Я принадлежу къ общественной организаціи, въ которой каждый долженъ, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать общественному благосостоянію. До свиданія, сверчокъ!

— До свиданія, Мегъ!

И съ этими словами мы разстались. Признаюсь, въ эту минуту я былъ растроганъ. Зачѣмъ мнѣ скрывать это? Теперь читатель достаточно знаетъ меня и не сочтетъ странными волновавшія меня чувства. Мое знакомство съ Мегъ продолжалось всего нѣсколько дней, но за это короткое время она успѣла доказать мнѣ свою искреннюю дружбу и даже преданность. Къ тому же обстоятельства, при которыхъ мы встрѣтились, вполнѣ замѣняли долгую жизнь вмѣстѣ. Есть существа, которыя привязываются къ другимъ въ силу оказываемыхъ, а не принимаемыхъ услугъ, и я именно таковъ.

— Ну, братъ, сверчокъ, сказалъ я себѣ, встряхиваясь и прыгая въ оврагъ, ты опять сентиментальничаешь! На тебя, безъ сомнѣнія, оказываютъ вліяніе ночная тишина, лѣсное затишье и лунный свѣтъ. Ночь разстраиваетъ твои нервы—это дѣло извѣстное. Въ лѣсу нападаетъ на

Я устроилъ себѣ уютное жилище и вдохновляемый своей пріятельницей Мегъ, сталъ описывать свои приключенія, о которыхъ вы только что прочитали (стр. 302).

тебя страхъ или же ты разнѣживаешься — середины между обѣими крайностями нѣтъ. Тебѣ положительно не слѣдуетъ жить въ лѣсу.

Было бы неосторожно идти по дорогѣ ночью; я и рѣшилъ воспользоваться первою представившеюся разсѣлиной, чтобы пріютиться въ ней до утра. Вскорѣ такой пріютъ представился мнѣ въ видѣ каменнаго выступа. Я скорчился подъ нимъ и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, какимъ уже давно не наслаждался.

Съ восходомъ солнца я продолжалъ свой путь и добрелъ до земляничной полянки безъ всякихъ непріятныхъ встрѣчъ. Утро стояло прекрасное; все окружающее имѣло въ моихъ глазахъ особенное обаяніе, и я находился въ самомъ розовомъ настроеніи. Приключенія послѣднихъ дней, мое волненіе при входѣ въ муравейникъ, сраженіе, котораго я былъ очевидцемъ, мое подземное бѣгство—все это казалось мнѣ какимъ-то гнетущимъ кошмаромъ, и во мнѣ крѣпло рѣшеніе вести отнынѣ спокойную, замкнутую жизнь.

Я побрелъ черезъ дикую площадку къ кроличьей норѣ. Въ ней все осталось въ прежнемъ видѣ; я нашелъ камень, подъ которымъ отдыхалъ нѣсколько часовъ, и смородинный кустъ, бросавшій на него тѣнь. Только паука не было на кустѣ, и нѣсколько клочковъ его послѣдней паутины печально висѣли на вѣткахъ кустика. Куда дѣвался паукъ? Сдѣлался ли онъ жертвою хищной птицы, погибъ ли онъ въ борьбѣ съ врагомъ или же во второй разъ былъ побѣжденъ земляной осой? Это осталось для меня тайной.

Лампиръ также исчезъ.

Я значительно увеличилъ углубленіе, которое уже прежде вырылъ подъ камнемъ. Я нашелъ въ немъ трупъ жужелицы, которую снова застало врасплохъ наводненіе. Медвѣдка же пропала безъ вѣсти.

Мегъ иногда посѣщала меня. Отъ нея я узналъ, что послѣ нѣсколькихъ сраженій, въ которыхъ счастіе колебалось между противниками, муравьи заключили миръ. Что же касается моей воображаемой измѣны, то объ ней скоро забыли.

Осень вскорѣ смѣнила лѣто; земляничные кустики стали вянуть, а въ лѣсу появились желтые листья. Мегъ сначала шутя посовѣтовала мнѣ писать записки, но потомъ она серьезно стала настаивать на этой мысли, которую я наконецъ и привелъ въ исполненіе.

Съ этой цѣлью я запасся дубовыми листьями и, съ помощью моей пріятельницы, вдохновляемый ею, описалъ приключенія, которыя вы только-что прочитали.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Незабудки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ и стихотвореній. *А. Круглова.* Со множествомъ рисунковъ. Цѣна въ бумажкѣ **1 р. 50 к.**, въ папкѣ—**1 р. 75 к.**, въ переплетѣ—**2 р.**

Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ на землѣ и подъ землей. *Е. Конради.* Съ большимъ количествомъ рисунковъ. Цѣна въ бумажкѣ **2 р.**, въ переплетѣ—**2 р. 75 к.**

Приключенія сверчка. Очерки изъ жизни насѣкомыхъ въ беллетристической формѣ и въ сравненіяхъ съ нравами людей. Переводъ съ французскаго *В. И. Писаревой.* Спб. 1886 г. Съ 67 рисунками. Цѣна въ бумажкѣ—**2 р.**, въ папкѣ—**2 р. 25 к.**, въ переплетѣ—**2 р. 50 к.**

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Съ 55 рисунками. Цѣна въ бумажкѣ—**1 р. 50 к.**, въ папкѣ—**1 р. 75 к.**, въ переплетѣ – **2 р.**

Сказки Густафсона. Переводъ съ нѣмецкаго изданія подъ редакціей *К. Тетюшиновой.* 30 сказокъ со многими рисунками. Цѣна въ папкѣ—**1 р. 50 к.**, въ переплетѣ—**2 р.**

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона*, *М. Фостера* и *Лаудуръ-Брунтона.* Переводъ редактированъ, дополненъ и переработанъ для русскихъ студентовъ и врачей профессорами: *Н Ковалевскимъ*, *И. Сѣченовымъ*, *В. Данилевскимъ*, *А. Данилевскимъ* и доцентами: *Н. Введенскимъ* и *В. Михайловымъ.* 2 тома, со многими рисунками. Цѣна 1-го тома 3 р. Ц. 2-го тома 2 р. Все сочиненіе 4 р. 50 к.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Руководство для дѣтей средняго возраста, съ 96 рисунками, редактированное д-ромъ физики *О. Хвольсономъ.* **Цѣна 50 к.**

Сборникъ задачъ по правописанію *В. Разыграева.* **1.** Элементарныя свѣдѣнія по правописанію словъ. **Ц 50 к. 2.** Системат. свѣдѣнія по правописанію словъ. **Ц. 50 к. 3** Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. **Ц 35 к. 4.** Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. **Ц. 35 к.**

Курсъ русской грамматики. *В. Миропольскаго.* Для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1885 г. **Цѣна 1 р.**

Сборникъ алгебрическихъ задачъ *М. Савицкаго.* **Цѣна 40 коп.**

Электрическое освѣщеніе въ примѣненіи къ жизни и военному искусству. Составилъ *В. Чиколевъ.* Спб. 1885 г. 150 рисунковъ. **Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Электрическіе аккумуляторы. Составилъ *В. Чиколевъ.* (Электротехникъ Главн. Артиллер. управленія). Съ рис. Спб. 1886 г. **Цѣна 20 к.**

Справочная книжка по электротехникѣ. Составилъ *В. Чиколевъ.* **Ц. 75 к.**

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. Д-ра физики *О. Хвольсона.* Съ 220 рисунк. Спб. 1885 г. 2-е дополн. изданіе. **Ц. 2 р.**

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Переводъ *С. Степанова*, редактора журнала «Электричество», со множествомъ рисунковъ. Спб 1886 г. 2-е дополненное изданіе. **Ц. 3 р.**

Электричество въ домашнемъ быту. *Э Госпиталье.* Со множествомъ рисунковъ. **Ц. 2 р. 50 к.**

Полный курсъ физики *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 6-е изданіе. Съ 1232 рисунками, 2-мя раскраш. таблицами спектровъ, 170 задачами, обзоромъ метеоролог. явленій и краткимъ очеркомъ химіи. **Цѣна 4 р.**

Чудеса техники и электричества. *В. Чиколева.* Спб. 1886 г. **Ц. 30 к.**

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Спб. 1886 г. Съ рис. **Ц. 25 к.**

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. *Ф. Гольцендорфа.* Переводъ съ нѣм. **Цѣна 75 коп.**

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* **Цѣна 35 коп.**

Земская служба. Бесѣды гласнаго-крестьянина Акима Простоты. Сост. *Н. Блиновъ.* 180 стр. въ 8-ю долю. Книга эта состоитъ изъ 12 разсказовъ, которые, въ легкой повѣствовательной формѣ, знакомятъ со всѣми главнѣйшими основами нашего земскаго самоуправленія. **Цѣна 50 коп.**

Сельская общественная служба. Бесѣды старосты-крестьянина Акима Простоты. Составилъ *Н. Блиновъ.* 210 стр. **Цѣна 50 коп.**

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи, толкованіи и исполненіи договоровъ, и съ приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Составилъ мир. судья *В. И. Фармаковскій.* Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. **Ц. 1 р. 25 к.**

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе, съ 10-ю раскрашенными географическими картами и 82 политипажами въ текстѣ. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. *Барона Корфа.* **Ц. 10 к.**

Какъ обучать грамотѣ ребятъ и взрослыхъ. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* **Ц. 10 к.**

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популярный обзоръ его главнѣйшихъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, написанный англійскими профессорами и учеными—*Гексли*, *Гейки*, *Дайеромъ* и *Романесомъ.* Съ портретомъ Дарвина, гравиров. на стали. Переводъ *Г. Лопатина.* **Цѣна 75 к.**

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 черт. и 204 зад. **Цѣна 40 к.**

Частная медицинская діагностика. Руководство для практическихъ врачей. Составилъ профессоръ *да-Коста.* Перевелъ съ нѣмецкаго, по рекомендаціи профессора *В. Манасеина*, докторъ *Д. Фридбергъ.* 704 стр. съ 43-мя рис. **Цѣна 3 р. 50 к.** (на нѣмецкомъ языкѣ эта книга стоитъ 8 р.).

Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. *М. Герасимова.* Съ необходимыми свѣдѣніями относительно поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. 2-е значит. дополненное изданіе съ 65 рисун. **Цѣна 75 коп.**

Психологія великихъ людей. Профессора *Г. Жоли.* Содержаніе: Подготовленіе генія расой. Вліяніе родовой наслѣдственности. Великій человѣкъ и современная ему среда. Геній и вдохновеніе. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Электричество и Магнитизмъ. Составили *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова*, *В. Черкасова* и *С. Степанова* (изъ «Полн. Курса Физики» Гано.) Спб. 1885 г. Около 300 стр. съ 340 рис. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Популярная физика. *А. Гано.* Перевелъ съ франц. *Ф. Павленковъ.* 3-е изданіе. Съ 604 рис. и 200 вопросами. **Цѣна 2 руб.**

Телефонъ, микрофонъ и фонографъ. *Дю-Монселя.* Перевели съ франц *Ф. Павленковъ* и *В. Черкасовъ.* 324 стр. съ 74 рис. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи соціологіи. *А. Эспинаса.* Перевелъ со 2-го французскаго изданія *Ф. Павленковъ.* 500 стр. **Цѣна 2 р. 50 коп.**

Цѣна въ бумажкѣ—2 р.

« » въ папкѣ—2 р. 25 к.

« » въ переплетѣ—2 р. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 ноября 1885 г.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, у Обуховскаго моста, № 93.